

...Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли мог бы научиться в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. С этой иллюзией я распрощился навсегда.

Затем я стал понимать не только людей и человеческий характер, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которой редко упоминается в книгах, и понял значение этой постройительной работы в росте общества...

Воспитанный в помещичьей семье, я, как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми, причем каждая ошибка имела бы очень серьезные последствия, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания. Дисциплина хороша на военных парадах, но ничего не стоит в действительной жизни, там, где результат может быть достигнут лишь сильным напряжением воли всех, направленной к общей цели. Хотя я тогда еще не формулировал моих мыслей словами, заимствованными из боевых кличей политических партий, я все-таки могу сказать теперь, что в Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом.

П.А. Кропоткин. «Записки революционера»

П.А. КРОПОТКИН

СИБИРСКИЕ
ТЕТРАДИ
(1862-1866)

Москва
2016

УДК 329.14(100)+316.723

ББК 63.3(2)521

К83

К83 Кропоткин П.А. Сибирские тетради (1862-1866) —
М.: Common place, 2016. — 347 с.
ISBN 978-99999-9002-8

В книгу вошли дневники, которые П.А. Кропоткин вел в 1862-1866 годах во время службы в Восточной Сибири. Эти записки – важный документ из его ранней творческой биографии. Сперва простой чиновник, потом ученый-географ, Кропоткин черпал знания о мире не только из книг, но и в общении и взаимодействии с людьми, населявшими суровые сибирские земли – именно там сформировалась основа его мировоззрения. «В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом».

ISBN 978-99999-9002-8

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое
воспроизведение со ссылкой на источник

ТЕТРАДЬ № 1

От Петербурга через Москву
и Калугу до Иркутска

с 24 июня до 8 сентября 1862 г.

Николаевская ж.д. 24 июня 1862 г.

Наконец-то, навсегда выбрался я из Петербурга¹. Пора, давно пора. Последнее время просто замучило меня, — целые дни разъезжал я по заказам; езда на извозчике сделалась как бы моим нормальным положением, я не мог себя самого иначе представить, как на извозчике, теперь так хорошо. Мы отъехали очень немного от Петербурга, и уже характер местности совсем изменился, — не та гладь и ширь, к которым привык в Петербурге, время от времени появляются лощинки, станции на пригорке и проч. Наконец, виднеется то приволье, которое я так люблю. Как надоели эти противные стриженные дорожки в Петергофе, шоссе и проч., а там и этому радовался. Наконец-то лето, и я не в Петербурге, какая радость!.. Не в лагере и в Петергофе. Пора, давно пора, — я доволен. Как я радовался, выезжая из Питера, радовался во время моего торжественного шествия с вещами впереди на извозчике чуть не шагом. Отчего я так обрадовался, когда встретил Имеретинского? Со мной произошло что-то странное, биение сердца...

Москва, 26 июня.

Да, я радовался, выезжая из Петербурга. Чего мне было там жалеть? Но когда, ехавши торжественным шествием по Невскому с извозчиком, который впереди вез вещи,

я встретился с Имеретинским, у меня как-то сердце странно забилося, — точно что-то родное, и тоже на железной дороге, — не приезжай Донауров, мне бы было неприятнее, — все-таки я, прощаясь с ним, как будто бы простился со всеми товарищами (которых, между прочим, я всех надул, обещав им видаться, да некогда было, — целые дни я только и делал, что разъезжал по Питеру, делая свои закупки и заказы, — целые дни на извозчике). В Петербурге мне было жаль оставлять только одно здание — Большой театр. Сколько дивных, приятных, грустных, веселых минут я провел там!.. (В лице этого театра я прощался с прочими.) Не скоро придется послушать «Жизнь за царя», итальянскую оперу и проч., и проч.

Приехал в Москву, — и воздух другой; здесь давно уже купаются, а в Петербурге мороз, температура $+9^{\circ}$ тепла, утром дождь, вечером солнце. Это заставляет хладнокровнее смотреть на все эти мерзости, которые рисуются в семейной жизни². Об этом не стану писать, слишком гадко...

Каменка. 29 июня.

Выехал в 2 ч. из Москвы. Везде по всей дороге огромное движение, как и всегда, — множество обозов, извозчиков... Вечером в деревнях вижу везде хороводы, даже теперь (10.30 ч.) несмотря на свежую ночь. Посадил с собой купца, везу; он очень доволен, но утомительно беспрестанно берется за левый бок, где у него находится бумажник; интересно видеть, как он поглядывает по сторонам и вглядывается в каждый кустик. «Вот, — говорит он, — гаденький домик; недавно становой накрыл тут мошенников, спали, и застал их; одного заперол до смерти нагайкой и велел дом разломать, а вот теперь новую избу поставили». И как он косился на этот домишко! И все время, пока мы отъезжали от него, держался за карман.

Интересная встреча! Пью чай, входит молодая женщина, обращается ко мне: «Вы, пожалуйста, не пугайтесь, тут сейчас придет мой муж, у него меланхолия, он будет брать вас за руку и гладить»... Вошел мужчина, довольно высокий, растрепанный. «Здравствуйте, милостивый государь мой», — и берет за руку и начинает гладить, а потом вдруг за лицо. Я рассердился. «Что вы делаете?» — «Вы уже обиделись, милостивый г<осударь> мой, а у меня сила: 3 льва, были 3 собаки, я из них сделал 3 льва, и сила большая, — запрягу их в карету, и сила будет очень большая, до Москвы вдесятером доедете». Мне объяснили, что это уездный лекарь Бажанов; лечил станционного смотрителя, потом поделал себе заволоки в левом боку, закрыл их, тотчас пошел купаться; кровь ему и бросилась в голову, — он и сошел с ума.

3 июля.

Как на меня влияет окружающая природа! Я здоров, я весел, даже среди всей этой окружающей дряни, среди всех рассказней, сплетен. Но как хороши вечера!.. Тепло, луна светит, что за освещение!.. И как хорошо!.. Я так давно этого не видел! Лето в Петергофе! Ха! Сыро, холодно, хоть и та же луна, и то же освещение, а теперь смешно вспомнить, чем восхищался... Здесь хорошо, —

Когда б не смутное волненье
Чего-то жаждающей души,
Я б здесь остался наслажденье
Вкушать в неведомой глуши...
Забыл бы всех волнений трепет,
Мечтою б целый мир назвал
И все бы слушал этот лепет.
Все б эти глазки целовал³.

Конечно, это, впрочем, только фраза, оттого, что жить с этими людьми невозможно, — целые дни только и слышишь разговоры о чем?.. Сплетни... Боже, как гадко!..

Калуга. 17 июля.

Выбрался из Никольского⁴, давно пора, но все задержки; я уже неделю просрочил против своих расчетов.

Вот списал на постоялом дворе: представлен поезд железной дороги, здание Николаевской железной д<ороги>, несколько мужиков, купцов, и внизу стихи:

Близко Красных ворот
Есть налево поворот;
Место вновь преобразилось:
Там диковина явилась,
И на месте на пустом
Вырос вдруг огромный дом.
На дому большая башня,
И свистит там очень страшно
Самосвист замысловатый,
Знать, заморский, хитроватый.
А на двор когда взойдешь,
И не то еще найдешь, —
Там чугунная дорога.
Небывалая краса.
Это просто чудеса:
В два пути чугунные шины,
По путям летят машины.

Я не успел всего списать, но все идет в том же роде. Кончается интересно выходкою домашнего патриота; говорится про паровоз, что вот-де лошадка только дрова и воду кушает, что это самовар в упряжке и т.п. Кончается:

Говорят, что немец выдумал:
Нихт вар-Русью пахнет самовар!

И патриоты восхищаются...

Невесела ты, родная картина!

Сейчас сидел у окна. Женщина, должно быть, из купчих, идет и ведет мужчину. Несчастлиная рыдает, целует своего Ваню и, рыдая, умоляет идти домой. В ответ он ей только шикает; я не вижу, но вдруг крики: «Ай, ай, ай, Ванюшка, душечка, ай, ай, ай, отпусти волосы, ради Бога, ай, волосы!» и мужской голос: «Тш, тш». Несчастлиная умоливает его все-таки идти домой; уж поздно, 11-й час.

Бедная русская женщина! Несчастлиная, и вся жизнь так. Этого мало! В Рассудове та же история повторяется: славная, высокая, красивая баба, муж пьяница, бьет ее беспощадно, а она, когда ее отец спрашивает, бил ли ее муж на прощанье, отвечает, что «нет, за что он меня бить станет?». Но мать выдает: «Бил и бранился, и ругался, теперь бросил и ушел, куда неизвестно, а дай Бог, чтоб застрял где-нибудь». И эта несчастная уже прожила с ним 4 года; один год жили одни, держали постоянный двор, «торговали кирпичом, да остались ни при чем», как выразилась молодка. Все пропито. И какое безвыходное положение. Боже! Но одно ли это! Несчастлиные живут без возможности лечиться, иметь малейшее медицинское пособие. (Я вспомнил про две соренские молодки.) И какие пустяки могут помочь их здоровым, не испорченным лекарствами натурам, но и этих пустяков некому указать, некому дать... К доктору съездить, — нужна лошадь, а она в хозяйстве необходима, работа не терпит, и гибнут эти несчастные...

Я расстался с Никольским... но хладнокровнее, чем когда-либо. Лидия?⁵ Для меня это не более, как первая девушка, которая, кажется, питает некоторое сочувствие, —

но не более. Я равнодушен даже к тем местам, которые оставляю, а я на них вырос; все, что я испытывал, это маленькая дрожь, нетерпеливость, маленькое, легонькое волнение, но только... а еду я так далеко и, может быть, надолго. Откуда это равнодушие? Или надежда увидеть новое, интересное? Или перемена характера? Не берусь объяснить.

Какая теплынь!.. Вблизи под окном тихий, ровный, спокойный говор; вдали визгливый лай собак, звук какого-то колокола или чутунной доски. В небе спокойствие, мерцание звезд.

Владимир-на-Клязьме. Воскресенье, 22 июля, веч<ер>.

Сегодня удалось выбраться из Москвы после страшных усилий на дебаркадере. Домик маленький, а теперь ярмарка, и в Нижний едет множество народа; теснота страшная, наконец, и довольно беспорядка; все устроено так, что служащие решительно не успевают ничего сделать. Я приехал более чем за 1/2 часа и не успел сдать вещей, обратившись к начальнику станции, который приказал принять их в дополнительный багажный вагон; наконец, удалось все это устроить, удалось найти место в вагоне и сесть. Поезд тронулся получасом позднее назначенного. Бесспорно, тут слишком большое стечение народа, но служащих слишком мало, все слишком тесно.

Дорогой я всматривался в окрестности. Что за различие от Петербургской железной д<ороги>. Там все лес и болото, я не помню даже ни одной деревушки вблизи от дороги. Тут беспрестанно деревни и села, дома крыты тесом, девки и бабы в плисовых поддевках, — кажущиеся признаки довольства... Сегодня праздник, и везде

навстречу поезду выходит много народу, вообще кажущееся довольство. А растительность бедна, — много лесов, но все сосна да ель, изредка осина, земля — глина, такая жалкая, остальное луга. Крестьяне косят и все смотрят на диво на чугунку, на «печку», как они называли локомотив. Деревень и сел очень много, во Владимирской губ<ернии> больше, чем в Московской.

Дорогой ехал с приказчиками; один из них пообтесался на европейский холопски-барский лад и, чтоб показаться развязнее, уморительно разваливается на своей подушке; он напомнил мне Садовского, курит как барышни, вернее, как погибшие, но милые создания, желающие казаться *émancipées**, — наберет табаку в рот и сию же секунду выпускает маленькими приемами. Конечно, напиться «по-барски», не сивухой, главная его цель. Другие два «молодца» серьезнее.

Владимир издали недурен, но дебаркадер железной дороги отвратительно скучен; пришлось прождать целый час, пока добился того, что получил вещи из «дополнительного» вагона (что значит без квитанции, и платил во Владимире).

Не чувствуя усталости, я тотчас по приезде пошел гулять по Владимиру. Городок оригинальный, весь невелик, но на горах, и горы с преогромными оврагами; внутри города сохранился еще громадный вал — памятник былого; он очень высок и довольно толст, — работы над ним, вероятно, было пропасть, тем более, что нет впереди рва, и не знаю, откуда достали эту массу земли. Вал местами зарос глухим бурьяном, везде протоптаны тропинки. Вид с одного из углов очень недурен: Клязьма вьется, вьется десятками больших и сотнями малых изгибов, противные берега низки, и вода стоит местами в изобилии от дождей. Весною, говорят, она заливают всю эту низменность

* эмансипированными, самовольными (*фр.*)

на огромное, следовательно, пространство. Вдали виднеются пески, куда ходит паром с этого берега, и пески эти, должно быть, далеко, а так как вал высок и, кроме того, насыпан на горе, то горизонт отстоит верст на 15; вдали виднеется село, — «верст семь», — сказал я, но меня один старик поправил: «верст двенадцать», — а за селом еще видны луга, пашни, леса, и все это уходит вдаль.

На берегу Клязьмы поставлено множество дров, и это виднеется словно миниатюрные кучки... Вообще я остался доволен видом.

Владимир носит оригинальную физиономию, — говорю я, — горы его все усажены вишнями, и посреди вишневых садов торчат вышки; признаюсь, увидавши первую из них, я даже немного пофантазировал, — не древность ли, мол, которую берегут... Оказалось, что от вышек протянуты радиусами веревки, которыми спугивают птицу, если она сядет на вишни; на вышке постоянно сидит сторож.

Вечером Владимир раскутился, сделал иллюминацию очень порядочную, — вся Большая улица была обставлена плошками, народ ходил по улицам часов до десяти.

Вязники. Понедельник, 23 июля, веч<ер>.

Дорога не представляет сегодня ничего особенно интересного. Утром выбрался из Владимира, проехал село Боголюбово, которого хотя имя, если не наружность, вызывает на память историю (кстати, вчера около Москвы проезжали Карачарово; это имя попадает в разбойничьих песнях, и жители его верны истории — до сих пор разбойничают, — это интересный факт). Затем проехал село Павлово, — так вот оно, про что так кричат статистики; наружность не показывает, чтобы село было теперь богато, в былые времена — да; теперь что-то не заметно, — избы старые. Вечером попал в Вязники. Последнюю станцию ехал поздно, в глухую ночь, лесом, очень

длинным и густым сосняком; я был наготове. Дождь беспрестанно начинал идти, подымался ветер, сильный, холодный, небо все заволокло черными, черными тучами, теперь разыгрывается буря.

А я хохотал сегодня от души (и давно не хохотал, скажу), когда мы сегодня с Петровым⁶ пересаживались десятки раз в экипаже русского офицера — неуклюжей перекладной, и я завяз среди тюков.

Нижний-Новгород. Вторник, 24 июля.

Добрались до Нижнего сегодня в 11 часов вечера; приехал бы раньше, если бы не задержали на станции за неимением лошадей — пришлось прождать 2 часа. Я поругался с смотрителем в надежде выиграть этим, и действительно, не ошибся — вместо шести часов прождал всего два и даже менее. Вообще на станции беспорядок, к тому же смотритель, вероятно, баба, а потому и происходит вся эта путаница, — лошади должны быть в таком-то часу, а их нет, или есть, да ямщиков нет, и т.п. Однако приехал Огарев, генерал, так нашлись же и ямщики, и лошади, а так как я продолжал буянить, то мне должны были тоже явиться лошади. Подвозил купца, очень интересного малого, он рассказывал мне про ярмарку, про хлебную торговлю, толковал о жел<езной> дороге (Владимирской) и все это довольно интересно — не глупый. Между прочим, вчера я впал в ошибку при своей проверке географии на местности, я писал про село Павлово, а оно в Нижегородской губ<ернии>, гораздо ближе к Нижнему, то были Павловские дворики; меня ввели в ошибку стальные изделия, продававшиеся на станции. Впрочем, и там жители тем же заняты. Под Нижним огромные леса — все хвойные с примесью осины, редко березы, один лес, однако, был дубовый.

Среда, 25 июля.

Утром отправился на ярмарку. Однако много лавок еще не открыто, нет той оживленности, которую я предполагал встретить; говорят, что еще рано, — это все будет в 1-х числах августа.

Ярмарка занимает большое пространство на стрелке между устьем Оки и Волги, место очень удобное. Тут, однако, все пески, которые в нынешнем году Ока порядком поднесла, так что железным рядом негде поместиться — им должны были отвести другое, менее удобное место.

Я проходил по ярмарке довольно долго, но интересно не видел мало. В толки с купцами вступать не решался, потому что каждый занят своим делом, а в «заведения» идти не решился — всякий дичился бы на мой офицерский наряд.

Обедая, я читал «Справочный Листок Нижегородской Ярмарки», где, между прочим, расписывается какая-то дача «Варя» в окрестностях города и расписывается и иллюминация и пр., и пр., и таинственность уголков хорошего сада и т.п. Я взял извозчика и поехал, но небо хмурилось, было холодно, дождь собирался. Отыскивали «Варю». Оказался хорошенький садик, много цветов, беседка, кафе-ресторан и десяток музыкантов, отпиливающих, отдувающих какую-то жалкую мазурку, не из Шопеновских, а игранную так медленно, как пригоже играть только Шопена.

В кафе-ресторане 2 господина пьют чай, пяток свечей в люстре в зале — и только... нечего было делать, обманулся, на то и приезжий.

Я выпил чаю и вернулся. Холодно, толстое пальто едва защищает от холода и сырости. Вообще вот уже лето на исходе, а теплых дней нет, все холодно, и все дует холодный ветер (северо-западный).

Дорогой я разговорился с извозчиком про оренбургских казаков, которые тут пришли на ярмарку; жалуется, —

больно злы, эти еще ничего, а вот в прошлом году были калмыки, что ли, так и бьют все нагайкой; в нынешнем году добрее, только острастку дает (выговор все на «о»). Да вот, рассказывал, послы какие-то из Англии, что ли, с длинными носами. Уж не японские ли послы? Они недавно были в Берлине.

Четверг, 26 июля.

Опять утром ходил по ярмарке, покупки делал. Да, между прочим, вчера ходил в Китайский ряд нарочно с целью увидеть китайцев; видел татар, калмыков, а китайцев-то и нет.

За обедом пришел хозяин гостиницы, разговорились. Вот, говорит, прислали сюда Лауница военным начальником; очень хороший человек, энергичный, деятельный; как он тут в 10 дней все скрутил, все перевернул вверх дном. Полковника оренбургских казаков засадил на гауптвахту; неизвестно, что будет. Лауниц ходил переодетый к казакам, разболтался, все и повыспросил, а то, говорят, здесь делали черт знает что. Например, казармы 6-го резервного стрелкового (батальона) стоят на берегу Волги около пароходных пристаней, так прежде тут было опасно ходить — грабили; или вот недавно была буря, разбила много судов подле казарм; солдаты так и бросились и вырывали товары из рук у купцов, спасавших имущество; теперь как рукой сняло. Или вот в лагере бывшего карабинерского полка, теперь только учебного батальона, солдаты поделали себе всяких балаганов для игр азартных и т.п. Лауниц все это разузнал и вывел, а то был большой беспорядок, особенно в гарнизонном батальоне, — солдаты ходили пьяные гурьбою по улицам, теперь этого нет. На пожарах прекрасно распоряжается.

Прежде здесь был губернатором А.Н. Муравьев⁷, возвращенный из Сибири после путешествия наследника

в 1837 г. Им хозяин очень доволен, — политичный человек: удивительно был ласков со всеми, вежлив, обходителен, умел затронуть слабую струнку богатых купцов и заставлял их строить разные разности для города и т.д.

Вечером был в театре: играл Ольдريدж⁸ в «Макбете»⁹. Театр довольно велик, белые стены, лампы вдоль лож. Оркестр посредственный, однако играет вещи порядочные — «увертюра Вильгельм Тель»¹⁰, «ii Вассио» и серьезные Бетховенские увертюры, но фальшивят частенько. Я сперва был в затруднении: войти в театр без пальто холодно, двери на улицу настежь, а в пальто неловко; я расспросил, каков обычай, — ходят в пальто, ну и ладно. Начало назначено в 8.30, началось только в 9.15», — все поджидали, чтобы набралась публика; действительно, когда я вошел в 8 ч. 20 м., то было только 2 человека в партере, потом все прибывали; но каково прождать даром 3/4 часа! Этим только приучают публику опаздывать и собираться в 10-м часу.

Что сказать про игру Ольдريدжа? Я вижу его в первый раз, но пришлось бы повторять сотни раз сказанные фразы. Одно я в нем заметил: не мешало бы немного более игры физиономии — она у него слишком неподвижна. Но Дависон¹¹ глубже его проникает в роль; у Ольдريدжа менее цельно, характер не так проводится, как у Дависона; в отдельных сценах он превосходен. Как мелочь, могу привести, что он великолепно фехтует, он минут пять дрался с Макдуфом¹² и прекрасно, но, должно быть, устал: когда его вызывали, он едва-едва переступал ногами.

Пятница, 27-го.

Меня удивляет хозяин моей гостиницы. Сегодня опять разговорились за обедом. Зашла речь о музыке. Он друг Варламова¹³, видно, что не на словах знаком с Алябьевым¹⁴ и, как отец его, так и он любит музыку. Это доказывает

шеститысячная машина при всем состоянии — доме в 20 тысяч. Это удивительная личность: отец его простой крестьянин, нажил себе состояние, но сыну не дал никакого образования, а сын, Илья Михайлыч, получает «Русский Вестник»¹⁵, «Современник»¹⁶, «День»¹⁷, и не для проформы, заговорите про любую статью, сколько-нибудь интересную, — он ее непременно прочел и помнит прекрасно не одно содержание, а сущность. Читает «Колокол»¹⁸, подпольные издания и судит довольно здраво. Замечательно, со сколькими людьми, очень интересными, приходилось ему встречаться, с некоторыми из декабристов, Бестужевым¹⁹, Муравьевым²⁰; страстно любит театр, оперу. Для полноты характеристики надо, однако, прибавить: скуп, требователен относительно прислуги.

Вчера я был в Кремле, отыскивал древнее лобное место, с которого Минин²¹ сзывал Русь к обновлению, и странно, не нашел, никто не знает. Надо узнать, существует оно или нет. (Кстати, на занавески театра изображено лобное место, и Минин говорит нижегородцам.)

На нагорном берегу Волги стоит Кремль. На высоком месте Кремля поставлена беседка. Что за вид! Виднеется слияние Оки и Волги, на этом мысу ярмарка; обе реки уставлены судами, целый лес мачт перед глазами, — действительно лес, не фраза. Вся ярмарка на ладони; а там, вдали, пологие берега Оки и Волги, вода стоит местами, и это стелется верст на 40 кругом: Балахна в 30-ти верстах, а ее видно очень хорошо. Что за даль, ширь!.. Я долго, долго любовался видом, едва отошел.

Суббота, 28-го июля.

Утром, когда я расплатился с портным, который шил мне чехлы на чемоданы и прочее, он говорит: «Не будет ли в чем от вашей милости помощи, вот я выдумал машину...» — «perpetum mobile», подумал я. «Да-с, вечное

движение». Я с сожалением взглянул на него, — бедняга худ и воодушевляется при мысли о своей машине. «16 лет работал я над ней, ваше сиятельство, целый год чертил я, по 10-ти недель тогда не спал, начерчу и брошу; вот теперь начертил и все строил модель, только шары поделал глиняные, — раз махнет, и все разлетится, а уж я сделаю это, и просто, можно сказать, всю Россию обогатит это, она вот как пойдет в гору, так тут пружины, их можно поставить несколько тысяч, эти пружины будут распирать и не пущать назад. Только я уж сделаю эту машину, а капитала только нет, а всячески сделаю, разве смерть возьмет. Я вот был крепостной, работал, оброк платил и плачу по сие время, а Бог даст буду вольный, тогда сделаю». Бедняга! Я ему дал 2 рубля на его модель. Как он был доволен: «Я вам за ваши рубли тысячами отдам!» Основная мысль в том, чтобы сделать в колесе одну часть всегда тяжелее другой. К колесу приделаны на железных палках большие шары; шар, падая, должен действовать неравноплечным рычагом, чтобы поднимать восходящий шар. Но очевидно, что из всего этого ничего не может выйти. Все его познания из механики ограничиваются познанием, что если на палке груз ближе к точке опоры, чем рука, то его легче поднять, — и только, и с этим он устраивает сложную машину. Если б к его способностям да знание, он не стал бы отыскивать *perpetum mobile*, а, может быть, выдумал бы какую-нибудь машину пополезнее. Грамотность и школы, — в школах геометрия, механика потом...

Невесела ты, родная картина!

Идя по мосту, я остановился от песни, более похожей на стон, чем на песню, идет судно какое-то, и гребцы, чтобы грести в такт, поют какую-то песню, где запедало тя-

нет какую-то грустную (но довольно скоро) песню, а прочие припевают что-то вроде «ой, да, ой», — что-то очень дикое, очень возмущающее душу, наводящее грустную думу, бессильную злобу, желчную задумчивость.

Воскресенье, 29-го июля.

Сегодня нечего почти вносить в книжку, — я все сидел дома, занимался укладкой, ездил на пароходную пристань и на ярмарке делал немногие покупки. Замечу одно, — то, что здесь на ярмарке все очень дорого, многие вещи не дешевле, чем обыкновенно бывает в Нижнем, вообще (это подтверждает Илья Мих<айлович>) купцы считают себя вправе драть немилосердно по поводу ярмарки, и цены на многие вещи гораздо дороже московских и петербургских. Между прочим, ярмарка все еще туго открывается, — до сих пор многие купцы с нужными продуктами еще не выкладываются.

Между прочим, замечу здесь про неимоверно большое количество нищих, вероятно, привлеченных сюда ярмаркою. Их шляется здесь несметное число, в том числе много действительно убогих — безногих, безруких и т.п.

Волга, пар<оход> «Купец». Понедельник, 30 июля.

Только что тронулись из Козьмодемьянска, где простояли около часу. Я воспользовался этим временем и с Эртелем (шт<абс-кап<итан> Генер<ального> штаба) прошелся по городу. Это город только по названию да по воле Екатерины²², что ли. Он на нагорном берегу: 4 церкви, пять-шесть каменных домов, и только; прочее — все деревянные строения, домишки мещан с 3 окнами, разваливающиеся лавки на большой площади с огромною лужею, вроде прудка:

Невольно припомнишь бедный городок,
То, правда, город не велик,

И лай судейской шавки
В нем слышен вдоль и поперек.
И т.д.

Что за несчастный городишко! Три-четыре кривые проулка, и на большем из них клочок мостовой в 1S квадратных сажени. Затем мостовая для подъема с реки, но что за мостовая! Около нее проход для пешеходов, но, вероятно, бедной вдове понадобилось досок для дровец, и потому на этом проходе огромные незаделанные дыры. Вообще так духотою и гнилью и несет из этого города. Теперь была половина десятого, когда мы ходили, и в двух-трех домишках огонь. На улицах пусто, — мы встретили только одного мужика около питейной конторы да тех, которые шли на пристань таскать дрова.

Дрова таскают женщины-мещанки, и помногу наваливают: 5 сажень* в 28 носилок, например, бабы во время работы поют себе какую-то песню с претензией на хоровую музыкальность — в унисон; басы иногда подтягивают и довольно эффектно**.

Весь день физиономия волжских берегов не изменяется, справа высокий берег с крутыми обрывами (глина с песком), заросшими мелким березняком, слева низкие, отлогие песчаные берега, тоже заросшие березняком, иногда сосной, редко дубом.

Ночь удивительно тепла, градусов 16-17, луна светит так хорошо, и наш пароход очень эффектен; из трубы летят искры огромным снопом; каждая искорка, брошенная с большой силой, описывает линию, змейкой, — вообще очень красиво; если ветер стихает совсем, то искры поднимаются очень высоко, если ветер слаб, они низко летят над во-

* За 5 саж(ен) — 1 руб. (*Примеч. П.К.*)

** Между прочим, на пристань приходили 2 барышни, брат гимназист, старуха мать, посмотрели на пароход и ушли (*Примеч. П.К.*)

дою и отражаются в воде. Наш пароход очень порядочный, каюты удобны, он довольно ходок и очень поворотлив.

Пар<оход> «Купец». Волга за Казанью. Вторник, 31-го июля.

Такими вечерами, как был вчера, не часто приходится наслаждаться: тепло и воздух такой мягкий с чуть-чуть легкою непрозрачностью... луна полная отражается в мелкой зыби, — светло, и только более яркие звезды сверкают на небе...

Сегодня утром, около 7 часов, приехали в Казань. Быть в 7-ми верстах от этого интересного, по словам всех, города, и не быть в нем казалось непростительным, — я поехал посмотреть, что за город. Пароходная пристань на левом берегу Волги, на песке; пески очень глубоки, колеса уходят очень глубоко. Между прочим, извозчик сообщил мне, что эти пески уменьшаются теперь в протяжении, — Волга переменяет русло и все подмывает левый берег и отступает от правого, где находится большое село Услон. Село это кажется зажиточным, — жители имеют выгодный сбыт в город молока, яиц и проч. и, кроме того, служат как перевозчики на другой берег; особенно отличаются они в половодье, когда на баточке переправляются, лежа на брюхе, и отталкиваются от льдин. Еще нынешней зимой погиб таким образом, как-то попавши ногой под льдину, самый храбрый из таких перевозчиков.

Ну-с, итак, я поехал в город; дорога все идет песками; род пригорода составляет татарская Марокеевская слобода. Если я не ошибаюсь, то это адмиралтейская, потому что извозчик пояснил мне: «Марокеевская потому, что здесь

прежде корабли строили; еще теперь цель корабль там старый на берегу».

Эта слобода очень чистенькая, деревянные крыши, деревянная мечеть с деревянным минаретом. Жители ее довольно зажиточны, промышляют выделкой рогож, веревочных ковров и живут очень чисто. Кроме этой слободы, есть еще татарская слобода с другой стороны города, там несколько мечетей и там живет торгующее сословие.

Сама Казань не похожа на виденные мною губернские города; все они, кроме некоторых особенностей, во всем прочем совершенно схожи. Казань не то: во-первых, бросается в глаза, что город университетский: книжная торговля, типография, гимназии; в 1-й гимназии и в университете, кажется, есть обсерватории, вероятно, они были устроены одним лицом (очень схожи) и, замечу, теперь довольно ветхи; не знаю, как они поддерживаются, но, должно быть, не совсем в порядке, впрочем, по наружности трудно судить.

Во-вторых, в Казани мостовые удивительно хороши для губ<ернского> города, на некоторых улицах очень порядочны, попадаются клочки торцовой (огромные шашки, между прочим). Затем иные дома очень милы — архитектура вовсе не губернская. Прибавьте к этому много очень древних и уродливых церквей, Кремль, высокая башня, остаток знаменитой осады, минареты, — следовательно, город своеобразен. Я был в главном соборе, Благовещенском. Он очень стар, тут погребены архиепископы первой половины XVII в. Но несколько лет тому назад собор переделали и не пощадили старины, оставили только фасон древнего иконостаса, а иконы все подновили, но как! Святые вышли на новый лад, и яркая пестрота красок сильно не гармонирует с надгробными надписями архиереев начала XVII в. В соборе мощи св. Фотия²³, тоже древность, современник царя Ивана Васильевича²⁴. Хотел

и еще осмотреть некоторые церкви, войти в мечеть, да все заперто, то же, что в Нижнем.

Говорил и про губернатора Козлянинова²⁵. «Все в карты играет, в дела не входит, а дел-то много, — тут вон и черемисы, и чувашы, и мордва, и русские, обо всех подумай». Да, говорят, новый приехал; впрочем, все то же будет.

У татар довольно приятное лицо: нос клювом, часто умные глаза, и у многих молодых клочок бороды, вроде французской. У стариков, напротив, бороды довольно большие. Иные мальчики очень недурны, другие же, напротив, со своими вздернутыми носами и изрытыми оспой лицами очень некрасивы. Вообще я заметил два типа*.

Что-то вроде этого. Хотя и вижу, что тип не тот, ну да хоть понятие дает. Заметно по их собольим шапкам, золотым цепочкам, что между ними много богатых. Проехавшись по татарской слободе два раза, я не встретил ни одной женщины из не молодых, — все те, которых я видел, отвратительны: жирные, обрюзглое старое лицо, все в морщинах, под уродливой накидкой, фатою, что ли. Иногда прибавьте к этому огромное пузо и жирное туловище.

Как хороша теперь Волга при заходящем солнце!.. Впереди необозримая гладь, справа крутые громады: обнаженные бока из красной глины, заросшие местами мелким березняком. На этих кручах гнездятся села и лепятся к берегу широкой реки, на горе церковь, за нею ряд мель-

* В этом месте рукописи помещен собственноручный рисунок П.А. Кропоткина, изображающий два типа татар, о которых говорится в тексте.

ниц, а остальное все усыпано вразброд домиками, амбарами, сараями. Церковь напомнила мне *clocher du village*^{*}, родную церковь — Никольское, та же архитектура, и, как бы для полноты воспоминания, на противоположной высоте кладбище, с такою же часовней, как в Сернике, та же серая часовня, те же серые кресты... Да, Никольское дорого по воспоминаниям: все детство, а оно, как и всякое детство, не было безотрадным при всей гадости, которая окружала меня. По Волге несется легкий прозрачный пар, и сквозь него иногда промелькнет лодка, и на веслах ее играет солнце.

День был сегодня невыносимо жаркий, утром жгло просто, если я снимал на несколько секунд свою папаху, то голову нестерпимо припекало; теперь посвежело, ветра, однако, нет.

Кама. 8 ч<асов> вечера.

Сейчас вступили в Каму. При устье несколько наносных песчаных островов; теперь характер местности изменился, — нет нагорного берега, оба низки, и оба заросли лесом. На западе синеют громадные леса.

Пароход «Купец». Кама. Среда, 1 августа.

Сейчас, роюсь в портфеле, я напал на записку Н.В. Кошкаревой²⁶ к Елизавете Марковне²⁷; рука удивительно похожа на руку Лидии, и я припомнил ее чудесный веселый смех, улыбку, иногда очень милое наморщивание бровей... Милое создание! И я в ней, вовсе того не подозревая, разбудил впервые нетронутые, незнакомые чувства. Милая! Она за меня мучилась, думала обо мне, грустила и за меня впервые поплатилась неприятностями, — в ней заметили перемену, и это вызывало шутки, первые недетские неприятности в жизни. Конечно, это

* сельская деревня

не любовь, это несерьезно, это чувство, переходное от детства к жизни, это приятно... Нет, я чепуху пишу, до-вольно...

За Елабугой, Вятск<ая> губ<ерния>.

Я воспользовался остановкой в Елабуге, чтобы дойти до города. Город невелик, расположен на правом берегу Камы, верстах в двух от реки. Причина этого, вероятно, громадные разливы Камы: всю эту площадь до города, а также весь противоположный берег заливают водою. Недалеко от пристани идут холмы, которые тут уходят в глубь страны, сам город расположен на их склонах. Вообще, в Каме нет, как в Волге, нагорного и низменного берега, Кама непощадно вьется, часто ворочается более нежели на 180° от первоначального направления, и горы переходят с одного берега на другой. Все берега заросли лесом на большие расстояния. Лесные богатства доказываются большими прочными постройками, тесовыми крышами и расточительным употреблением леса для выжигания алебаstra. Подходя к городу, я удивился, видя большое количество огней вокруг него; я подошел к одному из них: бревна, большей частью из старого сухого леса, наложены в клетку, сверху навалены камни, дальше кирпичная печь с трубой и с навесом вокруг — тоже жгут алебастр. Камень привозный, как объяснил мне один проходивший мимо мужик, откуда — не знает, платят за него от 2 до 3 коп. за пуд и занимаются выжиганием. — Да отчего же так жгут, печей не строят? — спросил я, — лесу много идет. «Да что рыть, — все одно, что так, что в печке, то ж по краям камень такой, непрожженный остается». — Да лесу много идет. — «А где ж копать и рыть, вот сегодня в пятом часу заложили, завтра вынут, толочь будут». Выходя из Елабуги, я услышал свисток нашего парохода; я так скоро не ожидал его, я знал замашку наше-

го капитана — выходить раньше срока, когда вздумается, я и прибавил шагу, даже побежал *au pas gymnastique*^{*}, и все это напрасно, — я успел посидеть на палубе и чаю напиться с кейфом, а пароход только что тронулся. Вообще капитан действует очень самовольно. Он должен выходить из Елабуги завтра, в 4 часа утра, вышел сегодня, в 10-м часу вечера. Каково, если бы кто-нибудь приехал из деревни, рассчитывая на пароход, — горько бы разочаровался...

Пар<оход> «Купец». Кама. Четверг, 2 августа.

Нагорный берег определился правый; над рекой висят почти отвесные кручи из красной глины, заросшие лесом, преимущественно ельником; попадаетесь довольно много больших сел, по виду зажиточных, — деревянные крыши, прочные избы. Лесу много. Часов в 6 попали в Сарапуль. «Все сапожники», — говорит мне человек с парохода. Действительно, все сапожники.

Я сперва вскарабкался на гору, прекрутую и всю из красной глины. С горы представился миленький вид: вдали холмы, леса, на том берегу село, — белеется церковь, на этом раскинулся город, по наружности недурненький, довольно много каменных строений, острог оригинальной архитектуры с круглым куполом и крестом, под которым пригнздились два-три колокола; по городу поделаны деревянные тротуары, есть несколько лавок, порядочных с виду; в них все есть, как всегда в уездном городе, а если чего нет, то есть вещи в замену этого недостающего: сало — вместо помады, вместо рафинаду — сахарный песок, одним словом, это все известно, а вот не всем известно, отчего в Сарапуле все сапожники. Отчего? Отчасти оттого, что часто без всякой видимой причины вдруг какой-нибудь уездный городишко славится чем-нибудь; прежде

* гимнастическим шагом (*фр.*)

была причина, теперь она хотя и перестала действовать, а жители продолжают ремесло отцов, и, например, хоть в Калуге выделывают предрянное тесто, вместо прежнего, которое, говорят, было недурно. Впрочем, в Сарапуре этого не вышло, а сапоги продолжают выделываться и вообще недурно. Этому способствует избыток кожи. Кожа собственная, конина и др. идет из Мензелинска, козел же идет из Ирбита, впрочем, товар похуже казанского, который, в свою очередь, похуже петербургского. Затем сбыт удобен, теперь в Нижнем ярмарка, скоро еще где-то; как только Волга вскрыется, там-то и бывает ярмарка и т.д. А то сбывают в Саратов и др., там кожи мало выделывают. Вот и объяснено, отчего много сапожников. Кажется, Сарапурь городок с будущностью, я так думаю потому, что он весь обстраивается, очень много каменных строений перестраиваются, строятся новые, — деятельность.

Сегодня виделся здесь с одним господином из Иркутска, был в Благовещенске, хвалит, говорит, что городок во сто раз лучше Николаевска, климат очень порядочный, губернатор Буссе²⁸ хороший человек. Только советует он мне, по возможности, спешить, а то, говорит, если заблаговременно не попадете в Благовещенск, тогда вы и намерзнетесь, и накупаетесь в Байкале и в Амуре, а реки становятся рано, в середине октября. Однако так ехать, как он советует, я не в состоянии — не ночевать, в городах не жить, а позволить себе поспать ночью раз в неделю.

На пароходе едет очень интересный господин из Енисейской губернии, из Красноярска, сибиряк, очень не-

глупый; если сам не образован, то сына свез в Петербург в гимназию, — пусть учится, а там хоть в университет. Но интересные дела с ним происходили: у жены постоянное течение белей; он поехал для нее за границу, был в Гельсингфорсе, в Любеке, Гамбурге, еще где-то, — ничего не помогло. В благодарность за это (впрочем, кто его знает, что он за человек в семейной жизни) жена его сбежала и обокрала. Он подал жалобу в полицию, жена тоже, и в один прекрасный день, без осмотра, его упрятали в больницу Всех Скорбящих, называя сумасшедшим; там выдержали его 4 месяца; он говорит, что даже пытались отравить. Он попросил магнезии, ему дали, но он принял только чайную ложечку, тогда у него пошла кровь горлом в огромном количестве и даже несколько дней шла с мочою. Странный яд, если только это был он. Старик всем больным тогда показывал, какое действие произвела на него магнезия, и то, что ему давали, спрятал под тюфяк, и это украли у него, для чего? Теперь он подал жалобу государю, прося о разводе, а сам поскорее удрал из Петербурга, чтобы не сделали еще чего-нибудь подобного. Человек он богатый; придя в больницу, он деньги, 2000, спрятал в платье и отдал на сохранение, из них пропало у него 1000. Отчего не все? Странно.

То же, утро. Пятница, 3 августа.

Север, север, так и пахнет им; правый берег еще круче, все выше, и, кроме ели, ничего на нем не видно. Налево вперемешку идет тот же ельник да какие-то кустарники, подчас осины, редко березы. Только и видно на горизонте, что острые верхушки елей; эти ели растут на обрывах, видны засохшие деревья, другие, сильно наклонившиеся, ждут только следующей весны, чтобы свалиться в Каму и быть унесенными Бог весть куда. Окрестные горы покрыты сизым туманом, вечным спутником хвой-

ных лесов, с берега несетя смолистый запах, и небо само принахмурилось; тихо, а небо все покрыто облаками; свежее.

Пермь. 7 августа.

Я не писал все эти дни, потому что и писать-то почти не о чем. Пермь мне не понравилась, — город большой, недурен, есть очень миленькие домики, но тишина и безлюдье невыносимые. Я рыскал по всему городу, сперва искал тарантас, потом попутчика. Ни того, ни другого не нашел, пришлось взять тот же тарантас, который видел в здешней гостинице. Вообще Пермь сказалась мне нехорошо. В первую ночь промучился невыносимо. Через номер проходит железная труба из кухни. Жара от нее невыносимая; отворяю окно, начинает вонять кухней до безобразия гадко, несетя запах жженого сала, приходится затворить окно, курить туалетным уксусом. Но жарко, пришлось отворить дверь, — пользы мало, но все-таки маленькое облегчение. Но и тут неудача, несетя вонь из ватерклозета. Что делать? Пришлось промучиться всю ночь, я даже чувствовал себя нездоровым — метался на постели, едва дождался утра. Пришлось переходить в другой номер. Тут пришлось встретиться с Фелькнером. Отец его и мать добрые люди, предлагали с ними ехать, но их такая куча, к тому же дети, один грудной даже, — ну, спасибо, помню я детство и Полинку²⁹ на руках и т.п. удовольствия. Попутчика нет, положительно, нет, — все едут теперь в Нижний, а не в Сибирь. Здесь попадаютя сибиряки — те же слухи: «Спешите, спешите, как только можете, а то опоздаете и всего натерпитея на Амуре»... А где тут спешить? Вчера купил тарантас, отдал поправить. Что ж? Должен был быть готов сегодня, а завтра не раньше 1 часа поспеет. Черт возьми!

Что сказать про Пермь? Я уже писал об этом Леонтьеву³⁰, есть черновое, повторять то же самое не стоит. Теперь страшно холодно стало. Вчера было не более +11° Р, сегодня утром +8,5°, потом +10°; ветер пронзительный, холодный, западный. Надо ехать в полушубке. Теплый же климат! Славное местечко! Я вообще здесь не в духе, печень работает неисправно, что ли. Вообще нехорошо. Пора бы поскорее выбраться отсюда. Да к тому же Петров с своею глупостью и услужливостью медведя Крылова. Вот навязали золото!

Четверг, 9 августа.

Вчера вечером выехал из Перми. Началось с затруднений насчет тарантаса, — ямщик не хотел везти на 2-х лошадях, вот я и понял, что ему хотелось на чаек. Когда я пообещал дать ему, он тотчас смягчился. Дорога здесь шоссе, сделанное обывателями, — насыпаны гальки, которых здесь множество, и сделано порядочное шоссе. Это шоссе остается порядочным, пока оно в ведении обывателей, но лишь только переходит в казну, как становится невыносимым, — «все зубы выколотишь», как сказал ямщик. Казна насыпает не гальки, а крупные плоские камни — выходит что-то не лучше калужских мостовых. Растительность здесь уже гораздо лучше, чем в окрестностях Перми: там все еловые леса, тут непрерывные перелески, самые маленькие, подчас даже только отдельные деревья, разбросанные на огромное пространство. В лесах разнообразие: подле раскидистой сосны стоит худенькая елка, жидкая осина, густая береза, какой-то лозняк. Внизу виднеется папоротник; почва за Кунгуром великолепная, земля буквально черная. Меня удивила величина здешних сел: иногда они тянутся более чем на

версту, захватывая и в сторону большие пространства. Многие дома очень хороши, но много и крайне бедных. Занимаются, говорят, одним хлебопашеством; земля хороша, но ее мало. Что народ трудолюбив и дорожит тем, что вырастает на полях, так это видно из того, что все поля огорожены, выгоны тоже, — скот на ночь не загоняется: он ночует в поле и подходит, вероятно, поближе к своим домам, так что около деревни целое стадо располагается на ночлег.

Азия. Екатеринбург³¹. Пятница, 10 августа.

Целый день тащились по горам. Горы и леса. Вдали видны все леса, все шапки, конусы, сплошь обросшие ими. Наконец, вдали показалась главная цепь гор: синеватою грядою тянулась она перед глазами. Огромные леса покрывали ее. По горам виднеются заводы: белая церковь с чугуною решеткою на синем фоне сосновых лесов, вокруг нее разбросан чуть ли не целый городок, аккуратные домики с тесовыми крышами, прямые улицы, вдали доменная печь, массы красноватой руды вокруг нее, — вот общая их физиономия. Заводы очень людны — есть такие, где число рабочих доходит до 3000. В то время, когда я смирно лежал себе в тарантасе и думал, какую бы роль разучить мне хорошенько, Петров говорит: «А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли». Я закричал: «Стой, это граница». — «Да, Уральский хребет», — заметил ямщик. Действительно, на высшей точке главной цепи поставлен около дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне «Европа», с другой — «Азия». Около столба избушка, где живет сторож. Итак, теперь я больше не в Европе; я простился с нею (не знаю почему-то по-итальянски), вспомнил «английский хвостик» Николая Артемьевича и пустился объяснять Петрову, сколько нам еще ехать. Орогидрографическая

граница уже проехана, но административная Европа еще не кончилась, — мы находимся в Пермской губернии, а следовательно, в России, в Европе.

Ст<арая> Белейка. Суббота, 11 августа.

Сегодня с утра нагрянули ко мне в Екатеринбург резчики. Явился Стебаков. Я объявил ему, что мне нужны только запонки и более ничего я покупать не намерен. «Нет, нет-с, все равно, взгляните на наши вещи», — и явился с десятками ящичков, коробочек, футлярчиков. Уж чего-чего не выкладывал он передо мной, сулил от камней большие выгоды на Амуре и сильно удивлялся, когда я ничего не купил, кроме запонок, которые были мне нужны. «Ну уж крепки вы, как я ни старался вас соблазнить — все нипочем».

Екатеринбург — город, в котором, по крайней мере, жизнь видна, и городок, должно быть, живучий, — на улицах движение, народа встречается довольно. Здания есть очень милые, много каменных, улицы хорошие, по окраинам заводы, множество рук заняты ими, и много, кроме того, занято по домам гранильным делом. Прежде отыскивание камней было предоставлено всякому по билету от казны, — много крестьян занималось этим, и камни можно было приобрести по дешевой цене. Теперь это отдано на аренду.

Какая же теперь погода! Встают смерчи, режут бураны, весь день все шел дождь, теперь поднялся ветер, да какой! Так и ревет; холодно. Впрочем, вообще на восточном пологом склоне Урала холодно. 27 июля был, говорили мне на одной станции, такой мороз, что вода в кадушке замерзла пальца на два; хлеб плох, соломой хорош, а зерно

прихватило, овощи все померзли. Картофель даже начал гнить. Здесь всегда так. А жители занимаются, главным образом, хлебопашеством, на приисках — извозничеством.

*Тобольская губ<ерния>, ст<анция> Тугульминская.
Воскресенье, 12 августа.*

Въезд в Тобольскую губ<ернию> останется мне памятным. Дорога с последней станции отвратительная, кругом лес весь в болоте, и через болото проведена отвратительная дорога: гать насыпана невысоко, навален крупный зернистый песок, а в топких местах сделана гать из бревен; я вспомнил, что это обыкновенно сравнивают с фортепианными клавишами; пожалуй, но чтоб иметь об ней понятие, нужно провести пальцем по черным клавишам. Лес, сначала мелкий, становится выше и гуще, — тут приволье для волков и зайцев, которых много; другого зверья не имеется.

И вот по этой-то дороге, где лошади вязнут в жидкой грязи, а колесо уходит по ступицу, совершил я свой въезд в Тобольскую губернию. Небо точно сжалилось над нами и перестало осыпать нас тем мелким петербургским дождем, которым осыпало вот уже три дня. Это дало мне возможность опустить верх тарантаса, а то при тряской дороге голова и ... страдают невыносимо; впрочем, они никогда не страдают вместе зараз, — их выгоды прямо противоположны: устроишь сиденье помягче, — голова при всяком толчке бьется об верх; вынешь из-под себя лишнее, что бывает большею частью, — страдает невыносимо, она у меня и теперь сильно болит. Впрочем, Петров умеет согласить невыгоды и той и другой, — устроит иногда высокое и жесткое сиденье, из усердия подложит сена под тарантас. Как он был сегодня смешон с своим храбрящимся испугом, когда я под его ухом вы-

стрелил и начал будить криком: «Петров, режут, разбойники, воры!»

С въездом в Тобольскую губернию и с приближением к ней вот что заметно: на почтовых станциях вы можете уже найти и скромный обед. Петров говорит, что у дворника, где он обедал, его спросили: «Чего хотите, скоромного или постного?» — и за 10 копеек накормили щами, лапшой, кашей, капустой с огурцами и еще чем-то. Появляются раскольники «двоедолы», как назвал ямщик, не поясняя, в чем дело.

Оригинальные в Камышловском и Екатеринбургском уездах церкви, что-то оригинальное и безобразное: род мавританского купола, хоть самого маленького, поверх избы с мавританскими окнами, рядом колокольня с таким же деревянным безобразным, кривым куполом.

Тюмень. Понедельник, 13 августа.

Вот и первый сибирский город. Я остановился в нижней Тюмени; все деревянные дома, широкие и грязные до невероятия улицы. Такие же точно улицы и в нагорной Тюмени. Чтобы что-нибудь поразведать, я отправился в конторы разных пароходств. В одной меня усадили, попросили чаю напиться, сигарку выкурить и разболтались насчет увеличения пароходства etc. Особенно интересного мало, — я писал, впрочем, об Тюмени в «Р<усском> В<естнике>». Она — город очень незамечательный по наружности, как и все сибирские города до сих пор. Но в мещанских плохоньких домиках живут очень порядочно, зажиточно, читают... и читают довольно много.

Вторник, 14 августа.

Переночевавши в Тюмени, я отправился сейчас же. До Тюмени и после нее такие безотрадные окрестности. Болота, сплошь поросшие мелким березняком. Местами этот березняк вымок и засох, — это делает местность еще безотраднее. Однообразие изредка прерывается болотистыми озерами, в которых полощатся утки, и они так, видно, не напуганы человеком, что подпускают к себе на близкий пистолетный выстрел, а иные не улетают даже после выстрела. По бокам дороги такие топи, что стоит только ступить на них, чтоб не выпутаться, — так и всосет. По ним растет высокая густая трава, — задатки все для будущего торфа.

Но через несколько времени местность стала изменяться, болот меньше, их место заступают луга и вот

15 августа и 16-го.

они уже переходят в большие поля. Земля восхитительная: жирный чернозем, хоть в кашу клади. Навоза, конечно, не приходится класть, и за деревнями он гниет на полях. Одно бросается в глаза — это недостаток леса, особенно теса, избы покрыты Бог знает какими огрызками. Меня сильно удивляло, — ведь течь должна. Однако оказывается, что на потолке насыпан слой земли, который зарастает травой. Сверху делается очень пологая двухскатная крыша, на которой наложена береста и сверху крест-накрест тонкие березки или же гнилой тес разной величины. Постройки часто двухэтажные, амбары большие, дворы хорошо огорожены. Крестьяне одеваются очень щеголевато, даже в будни. «Но, — рассказывала мне хозяйка в Ялutorовске, — посмотрели бы вы на них в базарный или ярмарочный день, — шубы дорогие, на женах платья шелковые, юбки пышные, тоже ваточные, а вот в городах пошли теперь кринолины, ну, и в дерев-

нях тоже. А как приедут, посмотришь; подушки фунтов по 15, по 20, пуховые, хохол тоже на сторону воротит. А тоже стали платья носить все по-немецкому; жены, — ну, и те тоже, а то и сарафаны так поделают себе, пышные, богатые, так просто дорого-любко смотреть. Нет, куда уж расейским! Посмотрите-ка, как мы своих девушек обучаем. Вот моя Наташа, даром что 16 лет, а случись, что я пойду куда, ну, на базар, тоже говядину продаем, или что, — так она, хоть сколько ни будь проезжающих, хоть 10 человек, всех накормит, все довольны будут. А ваши расейские приедут сюда, ничего не умеют, все вот кума моя... бывало мужу: «И.И., как это, сколько чего положить?» — по хозяйству-то. Только и умеют, что ах, да ах, матушка, ну, ну, куда». И при этом она рассказала мне, как одну богатую купчиху дочиста ограбила золовка по смерти мужа, etc.

Вчера смешили меня ямщики... Мой тарантас не тяжел, тройка удобно может везти его, а четверка за глаза. Я плачу за пару, мне запрягают тройку, четверку... на одной станции запрягают 5 лошадей. Куда столько?! «Дорога тяжела». Смотритель просит прибавить на 3 лошади. Я прибавляю (оказалось, что это он на себя просил). Еще на следующей станции запрягают шестерик. Я начинаю кричать, что это ни к чему, и плачу за пару. Ну, думаю, ограничатся четверкой. Вышел — шестерик на два человека, 8 пуд<ов> клади и легкий тарантас. У них там свои какие-то расчеты, у ямщиков. Подошли два паренька, молодых, веселых, дружных между собою, которые беспрестанно подтрунивали один над другим, — один величал другого б....., что бросил жену и взял кривую наложницу, другой — пьяницей, и всю дорогу так, даже бороться принимались. Конечно, довезли прекрасно. Но дороги здесь убийственны. Эти слани — гати из сосновых бревешков — никуда не годятся, а по сторонам грязь непроходимая.

Я замечаю, что теперь на станциях уже нет той чистоты, которая бросалась в глаза в Тюмени и ее окрестностях. Чайный прибор собирают по частям, нужно спросить каждую штучку, подается все это не слишком чистое... На станциях кормят не совсем хорошо; вот уже не постные дни, а все ничего нет горячего. Впрочем, это объясняется не трудно: станционный смотритель барин, как величают его ямщики, а первое потому, кажется, что дома наемные, неудобные кое-какие.

Ишим. Пятница, 17-го, утро.

Головотяпки! На той станции не запрягали лошадей в течение 1S ч. Я хотел записать жалобу, не потому, чтобы за нее было что-либо, а чтобы потрепали маленько виноватого ямщика. И что ж? Перед тем, как писать, я задумываюсь, начинаю перебирать, стоит ли, но лошадей не ведут, я сержусь, записываю. Приходит ямщик, я говорю ему, что записал жалобу: «Нельзя ли вычеркнуть?» И я уже задумываюсь: он в первый раз, верно, виноват, сделал глупость, и имеет ли право закон так наказывать, когда он предпринял дело с самым благим намерением, а оно не удалось, потому что он не сообразил, что не успеет привести из поля лошадей в 1/4 часа, которых я велел подождать. Ямщик, его работник, тот проще смотрел на это. «И ей-ей, глупо, ваше благородие, глупо и есть, зачем простили? Пущай бы он лучше знал, что следует лошадей дома держать, а не в поле».

Вторник, 21 августа.

Вокруг тянутся необозримые степи, поля, богатые жатвы, густо заросшие луга. То же обилие у простых крестьян, те же сцены при запряжках, все это довольно

однообразно, а потому я ничего и не писал³². К тому же мешает попутчик.

Что сказать про Омск, в котором я ночевал 19 августа? Город с общей казенною физиономиею, побольше военных, чем в других городах, вот и все. Больше я ничего не заметил; я пробыл неделю, да и то время все писал своим. Вот теперь добрался до Каинска, дороги прекрасны, и мы летим по 200 верст в сутки. Жара становится нестерпимою, а ночи холодны. На необозримых степях травка не шелохнется; тишина, только кузнечики постукивают, да птицы перелетают со столбика на столбик. Чайки, сороки, вороны, ястреба, кобчики, вороны, наконец, изредка большой орел торжественно перелетает с одного телеграфного столба на другой. В болотах и озерах полощатся утки, вообще всякой птицы много.

Часто случается встречаться с крестьянами, ссыльнопоселенцами, — хорошо здесь очень и привольно, и богатеют, и все на родину рвутся, ждут не дождутся милостиво го манифеста по поводу 1000-летия³³.

За Томском. 26 августа.

Томск прехорошенький городок, сравнительно, конечно; в нем много миленьких каменных домов, много строится новых, театр, собор, но все жалуются на скуку, впрочем, жалуются, преимущественно, барышни, что кавалеров нет, — изредка приезжают *des jeunes gens de** Корсаков³⁴. Я ходил в 2 дома, к Клевенским и Карбоньерим³⁵. 4 барышни Карбоньеры непременно стараются показаться не провинциальными, — они были в Петербурге, в том-то и беда, а потому они считают себя выше провин-

* молодые люди (фр.)

циальных барышень и, вероятно, отдаляются от них; «с'est tout ce qu'il a de demoiselles a Tomsk*», — говорят они про себя, и все на французском диалекте, хотя иногда и затрудняются в выборе, — а по-русски, сколько я ни начинал говорить, не удавалось (особенно Карбониери), и это со мной, — с Клингенбергом³⁶ говорят по-русски и очень развязно, а я вот петербургский, — так не ударить лицом в грязь.

Бедная Сибирь совершенно лишена фруктов. «Здесь все фрукты — кедровые шишки да репа», — говорил ямщик. Дыни и арбузы есть грунтовые, а яблонь не родится, как ни пытались разводить, — ни вишни, ни сливы, конечно, нет. Зато дичь нипочем, мясо дешево.

Сегодня очень много попадает переселенцев. Вот что о них говорят: что хлебопашцы они прекрасные, работающие, а потому весь город кормят; прежде, как проходили, так их все чертями звали, а теперь вон всех кормят, а сибиряк ленив, плут, как бы где украсть, как говорит смотритель.

Что за отвратительная дорога: дождь размыл, колеса вязнут, тряска, отвратительно. Ее совсем не чинят, — починка же официальная состоит в том, что рабочие выкапывают ровик в 1,5 фута по сторонам дороги и землю из него местами выкидывают в сторону, местами на самую дорогу, — это не утрамбовывается, а потому в дождь составляет только лишний материал для грязи.

27 августа.

Ну, удивила сегодня погода. Еще ночью я замечал, что что-то слишком светло; когда встал (я должен был стоять несколько часов, чтобы дать обсохнуть Петрову), то не хотел верить глазам: все бело, снег валит хлопьями. Все утро, часов с трех-четырех, до настоящего времени

* вот и все томские барышни (фр.)

валит и валит снег. Его навалило уже более четверти; конечно, он отчасти тает, а потому грязь невыносимая и все увеличивается. Только что перед окнами проехал мужик, который на санях вез бочку воды, — вот в августе. Здешний смотритель (50 лет в Сибири) говорит, что ни разу еще не было ничего подобного: снег в сентябре, но во и половине, не редкость, а в августе — неслыханная вещь, и нет надежды, чтобы скоро снег перестал идти, — все серо кругом, холодно. Интересный вид имеют леса.

Целыми массами деревья полегли от сильного ветра, наваливающего груды снега, — так всплошную и лежат ели, осины и березки. Высокие ели стоят взъерошенные, как старик на ветру, когда ерошит ему остатки волос на лысине и гонит их в одну сторону.

И вот исчезают надежды на хороший урожай. Крестьяне плачут, что теперь рожь прорастет, — скоро ли высохнет, скоро ли соберешь.

23 августа.

Спасибо томскому губернатору, что проездили на прииски до Мариинска, — по крайней мере, сколько-нибудь исправили дорогу, а то, говорят, обыкновенно тут бывает такая дорога, что никакой не было возможности ехать более 100 верст в сутки. Теперь я делаю по 120 верст, но, правда, со всевозможными остановками, — то поджидал Клингенберга, то в Мариинске провозился, чтобы получить подорожную взамен потерянной; получил довольно скоро, потому что городничий порядочный человек, дал Клингенбергу до Красноярска, хотя мог дать только до Ачинска, избавив от хлопот снова брать подорожную.

Красноярск, 30 августа.

Вот оно трагическое в жизни. Бедный Петров, зачем он со мной связался? Я положительно делаю его несчаст-

ным и при всем том понимаю, что он честен в высшей степени, до крайности старателен. Но мне этого мало; он страшно глуп и бесит меня своей дикостью: вчера оставил на станции человека, с которым ехал в перекладной, только потому, что он жид, не спал всю ночь, потому что: «что с жидами за спанье». А этот человек столько же жид, сколько и я, на жида нисколько не похож, говорит по-русски без всякого акцента и имеет все русские замашки, но имел глупость объявить Петрову, что отец его жид и сам он некрещен. За это Петров, не дождавшись его, уехал со станции. И не втолкуешь ему, что это скверно.

Вообще жизнь Петрова далеко не завидная. Еще в материальном отношении она сносна, я все делаю, что могу, для него, но сколько он терпит от меня. И что я за отвратительная натура! Вспыльчивая, капризная, придирчивая донельзя. И неужели я буду когда-нибудь иметь глупость жениться, чтоб сделать несчастною ту, которая согласится на это? Я сегодня не вытерпел его слез, сам расплакался, но ведь только этим и выражается мое к нему сочувствие, не стал бы я так с ним обращаться в противном случае. Но что же делать? Я не в состоянии удержаться.

Вчера мы въехали в Восточную Сибирь. Перемена удивительно резкая. Там отвратительная дорога, немощеная, битая, изрытая обозами. Здесь разительная противоположность: дорога усыпана галькою, так что составилось очень порядочное шоссе. Мосты крепки; везде на спусках устроены прочные перила, как на шоссе; одним словом, противоположность такова, что резко бросается в глаза, и явилось по желанию Муравьева³⁷. Даже по дорогам к окружным городам, где Муравьев никогда не ездил, одна Клингенберг говорит, что так по всей Вост<очной> Сибири, не по одному главному Сибирскому тракту. И это возможность его проезда заставляла приниматься за усыпание дороги галькою. Всех хуже дорога в Томской гу-

бернии, хотя ее и чинили к проезду губернатора. Если верить рассказам Клингенберга, то Муравьев, должно быть, в высшей степени замечательная личность; он был страшно горяч и этим много нажил врагов, зато он был человек, способный на все хорошее, которому нравилось, если ему говорили дерзкую правду, и который всегда умел уважить дерзкое письмо, если оно опиралось на правду. Так, письмо одного подлого исправника, которому честный Клингенберг продиктовал дерзкое письмо, чтобы требовать свидания у Муравьева и просить над собою следствия, заставило его обратить внимание на него и решить, что человек, так пишущий, должен быть честен. Письмо одного заседателя, который положительно противился желанию архиерея строить церкви за счет крестьян, когда им этого не хотелось, — письмо, в котором писались дерзкие для этих господ истины, так понравилось Муравьеву, что он вызвал этого человека к себе. Вот его слова: «Как смеет какой-нибудь заседатель писать то, что не смеет писать ни один из губернаторов, ни гр<аф> Муравьев-Амурский! Как сметь! Поделом, поделом его, и пусть затрут совсем. Как сметь противиться синоду св<ященному>, губернатору, и это какой-нибудь заседатель! Нет, он должен погибать, пускай его». Вы в изумлении спрашиваете: «Как так?» — «Ну да, конечно, скажите ему, что он нравится мне, что он назначается тем-то в главном правлении». И переводит его к себе, и дает ему ход. Говорят, он один решался говорить царю многое, многое, за что камарилья ненавидела его и всячески старалась спихнуть, но он съездит в Петербург и всех уймет, через несколько дней все с визитом едут. Муравьев обладал большим даром речи, — он словами успокоил целый взбунтовавшийся с оружием полк раскольников, которые поднялись за то, что у одного из них вырвал бороду какой-то чиновник. Полк пал перед ним на колени, а вечером Муравьев ку-

тил с ними в лагере. Он умел удивительно воодушевлять общество, любил женщин, из которых ни одна перед ним не могла устоять, умел соединять сословия силой своего обаяния перед дамами, заставляя их забыть, что с ними на балу находились актрисы, был поклонником гражданского брака и был очень доволен, когда Мартынов сделал первую попытку к этому. О нем многие отзываются, как о ком-то много выше всех остальных людей, в особенности в низших классах, инородцы считают его чем-то вроде полубога. Однако есть сильная партия против него, и я постараюсь познакомиться с ее представителями.

Особенность в Восточной Сибири: большое количество политических преступников. С ними обходятся с замечательным уважением везде. Всюду они приняты, и приняты прекрасно. Муравьев особенно любил их. Но, говорят, Корсаков далеко не тот, трусит, что особенно выказалось на Михайлове³⁸. На него сердятся за бегство Бакунина³⁹, вот он и боится.

Суббота, 31 августа.

Какую разительную противоположность представляют Енисейская губерния от Западной Сибири! Теперь, напр<имер>, я еду по прекрасному шоссе, вырыты везде канавы для стока воды в горах, прочные, славные мосты, шоссе на славу.

Сегодня попадались транспорты с ружьями, — везут 146 нарезных драгунских ружей в Камчатский каз<ачий> полк; тронулись с весной, а теперь стоят на Енисее, скоро

ли дойдут? Это еще раз заставило меня вспомнить о том, как возможно Сибири отделиться и составить отдельное царство. Что связывает ее, особенно восточную, с Россией? Ничто. Россия много в ней потеряет, Сибирь ничего. Впрочем, нет ей причины отделяться, дело народностей не затронуто; разве для того, чтобы дать лучшее управление этим несчастным рабочим на приисках да не мучить казаков, — одним словом, основать государство на иных началах. Но где же люди? Муравьев, говорят, все это понимал. Царем он не хотел делаться, а республика немыслима, людей нет, да притом, говорил он, сейчас полезут аристократничать наши князья да графы, ничего и не выйдет.

Иркутск. Суббота, 8 сентября.

Вот уже с 5-го сентября я здесь, и как давно ничего не писал я в свою книжку, — я ленюсь, я замечаю.

В Красноярске я расстался со своим попутчиком, личность интересная, — его похождения с женщинами вполне достойны внимания, впрочем, я уже писал о нем, а из его рассказов недурно будет кое-что записать потом, хоть в виде рассказа, как он сам предложил мне. Теперь расскажу про дорогу от Красноярска до Иркутска. Что за дорога! Великолепнейшее шоссе, особенно по Енисейской губернии. Один клочок, верст более 300, отвратителен в Нижнеудинском округе, — дорога тянется тайгой, которая представляет унылый и жалкий вид: на сотни верст лес выгорел, лежат громадные пни деревьев, обугленные на поверхности, торчат как мачты тонкие, прямые стволы обгорелых лиственниц, голые, без ветвей, почернелые сверху донизу, краснеют сосенки с почерневшим комлем. И погибли так целые леса после весеннего пожара: вместо красного леса растет уже береза, тоненькая, худенькая и образует местами непроходимую чащу. На дороге на-

сыпано вершков шесть красного песку, колеса вязнут, — хорошо, что еще шли перед тем дожди, а то, говорят, в сухую погоду просто проехать нельзя. Под Красноярском тянулись все горы, — грядками видны на горизонте, изредка только высятся отдельные конусообразные вершинки над главным хребтом. Беспреданно поднимаешься в гору по несколько верст. Горы заросли лесами, земли для хлебопашества мало, и крестьяне распахивают по скатам гор всякое свободное от леса местечко. Я удивлялся, на каких крутых покатосях чернели распаханые полосы. За этими горами потянулась тайга на несколько сот верст, прерывающаяся только местами; тут приютилась деревушка, а там опять тайга, однообразная, грустная, дикая, безлюдная. Частенько видишь, как с дороги сбежит человек и юркнул в тайгу, а то идет оборванный человек, отмахиваясь с трудом от бесчисленного множества мошек, которые так и лезут в глаза и рот, снимает шапку: «Добрые люди, помогите несчастному», — и им все дают. Иногда же зарежут какого-нибудь прохожего. Недавно убили старика, собиравшего на церковь, узнав, что у него есть 18 рублей, — убили шиною, нанеся несколько ударов по голове, т<о> е<сть>, вернее, не убили, а пришибли и, считая его умершим, бросили около пня, прикрыв ветвями, но старик ожил и дошел до деревни, сказал приметы всех трех бродяг, их и схватили потом, не допустив до перевоза. Потом на том же месте найдены кости еще двух убитых. Предупреждая это, крестьяне охотно дают им милостыню, выставляя краюху хлеба на оконце. Большею частью они отрезают чемоданы, выламывают (очень ловко) задние ящики в тарантасах, иногда отбирают хомуты у ямщиков. Число идущих таким образом бродяг огромно, как говорят (сегодня они собирались в церкви, надеясь услышать «милостивый» манифест)⁴⁰. Перед Иркутском опять шоссе, опять горы, но небольшие,

рек приходится переезжать очень много, и все очень быстро, быстрее всех Ангара под самым Иркутском. Она, говорят, оригинально замерзает — снизу, т<о> е<сть> лед тонет. Наконец, 5/IX в 2 часа я (5 суток от Красноярска) приехал в Иркутск, — почти уже дома. О самом Иркутске и его жителях расскажу в другой тетрадке.

ТЕТРАДЬ № 2

Иркутск, Чита, с. Кабанск
и Чита

с 9 сентября по 18 февраля 1863 г.

Иркутск. Воскресенье, 9 сентября 1863 г.

Когда я подъезжал к Иркутску, была славная погода, — солнце жарило, Ангара несла с неимоверною быстротою свои голубые воды; на другом берегу ее показался Иркутск, забелел дом генерал-губернатора, показался какой-то монастырь, несколько церквей, деревянные домики. Мы проехали Иннокентьевский монастырь, въехали на самолет...⁴¹ Мне не раз приходило на ум, отчего не устроены самолеты на большей части сибирских рек, вместо этой отвратительно долгой переправы на карбасах, на веслах, а сибирские реки большей частью очень быстры, и подниматься вверх, заводить лодку вверх, особенно при ветре, очень затруднительно. Здесь очень много рек, эти переправы задерживают надолго.

Наконец, привезли в гостиницу «Амур». Гадость, грязь, маленькая комнатка, и за это 1 р. в сутки, кроме того за самовар 20 коп., etc. Я велел везти в другую гостиницу. «Нет другой-с». Насилу добился правды — есть другая. Приехали — нет номеров. Человек при гостинице взялся хлопотать за меня, упросил хозяина уступить свою комнату. Хозяин немец, приехал 5 месяцев тому назад с женою и дочерью из Гамбурга. Они еще не обрусели, делают колбасы и живут честно. Кстати, дочка выдалась хорошенькая, веселая, и к ним таскается пропасть молодежи позавтракать, пообедать, посплетничать, поболтать

с Jettchen* и посмеяться над тем, как она забавно коверкает русскую речь. Немцы эти очень просты. Фрай Metzger вчера строила уморительные grosse Augen**, когда какой-то приходивший сюда немец рассказывал про Jungmiihle***. Кажется, в Германии есть поверье, что может существовать какая-то Jungmiihle, которая молодит тех женщин, которые через нее проходят. Ну, вот этот немец-болтун — врет удивительно хорошо, скоро, обстоятельно врет, без малейшей запинки выдумывает подробности, — так он принялся уверять фрай Metzger, что в Петербурге у Излера существует такая Jungmiihle, через которую он и пропускал свою жену. Фрай Metzger всему верила и делала презабавные восклицания. Наконец, немец заврался, стал уверять, что у него есть билет, купленный за 15 тыс., в силу которого какая-то компания в Петербурге, где бы он ни умер, должна привезти его тело в Петербург и там воскресить. «Ich habe ein Ausurancebillet, ich hatte es ihnen gezeigt, es ist aber in Moscau geblieben»****, etc. Тогда немка начала колебаться, верить или нет, кажется, наполовину поверила.

Иркутск довольно большой город, и в нем можно найти почти все нужное; нужда сделала из него далеко не то, что остальные губернские города. Но он еще многим отличается от других — менее чопорности в обращении у чиновных лиц. На другой день по приезде я представился Корсакову. Было довольно народа; я едва не опоздал, не зная, что он принимает всех вместе, впрочем, народа слишком много, чтобы принимать порознь. Он обращается со всеми очень любезно, просто. На другой день

* Уменьшительное имя (нем.)

** Большие глаза (нем.)

*** Мельница молодости (нем.)

**** У меня есть страховой билет, я бы вам его показал, но он у меня в Москве (нем.)

я, обедая у него, еще более убедился, что он порядочный человек, без чопорности, надутости большинства губернаторов. То же самое заметно и в обращении остальных; потом меня удивило, что в гостиной губернатор «позволяют себе резко судить», как выразились бы петербургские администраторы, свободно, *sans en faire de grand cas*^{*}, говорят обо всем, о Герцене толкуют⁴² не как о чем-то таинственном, кто сочувствует — без запинки выражает свое сочувствие. Передалось ли это от Муравьева (вместе с столовым бельем), как говорит Клингенберг? Должно быть; я думаю, что если бы Корсаков был воспитан в школе всех остальных губернаторов, то он был бы таким же, как и они. Например, вот эти слова, — они, говорят, не одни слова, а действительно, оправдываются: «Скажите, Кропоткин, по правде, за что вас сюда назначили?» Я посмотрел прямо в глаза. «Как за что? Меня никто не назначал, я сам записался». — «Нет, что ж, если бы даже и так, то мы очень рады; там этому, может быть, не довольны, если вы либерально поступали и говорили, а здесь мы этому очень рады, напротив, пускай побольше присылают».

Ну, а я не ошибся в своем расчете, говоря, что здесь людей мало. Недаром берет меня к себе Кукель⁴³, потому что он теперь здесь и говорят: «Буссе, правда, посердится, да что ж делать? Перестанет».

Понедельник, 10 сентября.

Что ж до службы, то служба офицеров здесь совсем другая, чем где-либо. Недаром крестьянин зовет офицера чиновником; действительно, здесь на офицере лежит множество гражданских обязанностей, и различие между чиновником и офицером только в мундире^{**}. Остальные же офицеры фронтовой службы не знают. Те, которые

* не придавая этому особого значения (*фр.*)

** во что бы то ни стало (*фр.*)

находятся при губернаторе, не знают сидячей жизни, — то и дело летают из одного конца в другой; те же, которые стоят в полках, командуя сотнями, батальонами, должны объезжать свои сотни, разбросанные на громадные пространства, и, следовательно, тоже проводить время в разъездах. Вот отличительная черта службы — кочевая жизнь. Здесь на службе деятельность, а не кукольная комедия.

Я сегодня собирался съездить к Кукелю с визитом, так как он сказал мне: «Надеюсь, что до вашего отъезда мы еще увидимся». Утром является писарь: «Генерал-майор Кукель прислал вас просить к себе». Я оделся в парадную форму и поехал. Принял прекрасно. «Только скажите, пожалуйста, зачем вы явились во всем этом, — мне просто совестно. Вы скоро едете?» — «В пятницу». — «Если вам все равно, если вы не особенно спешите, то останьтесь здесь еще с недельку, а там вместе поедем. Я вот совсем осиротел. Холмский (его адъютант) уехал, дела пропасть, хочу вас попросить, чтобы вы мне помогли. Вы бы часу в десятом приходили сюда, мы стали бы заниматься». «Конечно, я очень рад». — «Кстати привыкнете к письменной части, чем ни придется на своем веку заниматься, оно не лишнее. Только вы бы съездили переодеться, а то во всем этом, что ж, неловко». Я съездил, переоделся и вернулся. Итак, вот начало моей службы. Началась с составления бумаг о выдаче солдатам теплой одежды. Говорят, прежде сюда назначался Ганенфельд, но оказался мало знаком с русской грамотой. Не знаю, правда ли.

Я ничего не пишу про Иркутск, потому что ничего и не могу писать, — я все дома сижу за неимением платья. Все только хожу к своим хозяевам, болтаю с проходящими туда немцами. Особенно интересен тут Розен, он много рассказывает про Читу, про Амурскую торговлю. Впрочем, про Забайкалье лучше говорить, увидавши его.

Вторник, 11 сентября.

Вчера дверь моего номера отворяется, входит какой-то офицер: «Честь имею рекомендоваться — Козлов. Я зашел к майору Никонову, только его никогда дома не застанешь. Извините, пожалуйста, что я к вам так вхожу», и жмет руку.

Я попросил его сесть — разит водкой немилосердно; поболтали немного... «Только вы, пожалуйста, извините меня», — и снова жмет руку до боли. «Я решил переночевать в номере у Никонова, чтобы видаться с ним. Он очень хороший человек; мы были с ним товарищи, потом разошлись в разные стороны, не видались, а он, это его именно рекомендует с хорошей стороны, как только приехал, заехал ко мне, а я вот собрался к нему, да дома нет, а оно все разъезды денег, батюшка, стоят... Ах, батюшка, извините, да дадите ли папиросочки?» Подали. Опять молчание. «Ах, батюшка, только вы, пожалуйста, извините», — и т.д.

«Помилуйте, очень рад». — «Очень приятно было познакомиться, хотя я уверен, что мы с вами никогда не встретимся». «А где вы служите?» — «№ 5 линейный батальон Восточно-Сибирский, да вот как ни бьюсь, никакого дела не дают, все, вишь, неспособны», — и т.п.

Я отправил его отыскивать Никонова в «Амуре». Но он вместо того пошел и расположился в его номере, собираясь ночевать, начал постель стлать. Петров спровадил его. Он отправился, как был, без шинели. Через несколько минут приехал Никонов, они разъехались. Но Козлов назад вернулся и расположился у Никонова, который несколько времени посидел с ним, потом поставил бутылку наливки, велел подавать, что спросит, и пришел ко мне в шахматы играть. Козлов окончательно напился и после, вечером, приходил к Metzger, пел у них, глумил, едва спать уложили! Козлов говорит медленно, строит грима-

сы губами, как пьяница, который собирается залпом выпить рюмку водки. Меня, впрочем, удивила чистота его одежды, белизна перчаток и отсутствие пальто. Несмотря на то, что вчера было довольно холодно, он разъезжал без верхнего платья. И он не единственный; много их тут ходит к Metzger таких, которые запоем пьют и гибнут совершенно. Действительно, человеку, который не трется здесь в верхних кругах, где большею частью только и есть порядочные люди, да который не занимается наукой (таких здесь вовсе нет), очень легко сделаться пьяницей. Правда, порядочные люди есть еще в немецком кружке, но туда им доступ, большей частью, невозможен по незнанию языка, остальные же пробиваются вином и картами; игра идет огромная в «Амуре».

Козлов опять явился ко мне, пил тут, пел, очень фальшивил, говорил беспрестанно по несколько строчек из разных русских, французских и немецких стихотворений; насилу выжили его, когда он совсем пьян нализался. Утром, когда еще он не был пьян, он взял меня за талию. «Ох, батюшка, не пейте, ради Бога, не пейте, совсем и в рот не берите. За что я пропадаю? И ведь вот человек-то, кажется, способный, неглупый, а совсем пропадаю; то все ничего, а выпил рюмку, ну, и пошла писать, и пошла писать, так и пью все, и отстать не могу. Об этом знают, и Михаил Семенович знает, да что же делать. Ох, батюшка, не пейте».

Здесь страшно пьют; вчера один офицер так нализался, что его положили в колбасную лавку под лавку, там и проспался.

Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека⁴⁴! Очень порядочная в журнальном отношении. Здесь полу-

чается до 50 журналов и газет русских, польских, французских и немецких. Приходите в комнату и читайте, ничего не платя. Кроме этой публичной, есть еще частная, откуда берутся журналы и книги для чтения; там тоже есть читальная комната, с платою 10 коп. за вход. Тоже народа довольно. Надо бы только посоветовать в публичной библиотеке, чтобы служащие не мешали своими разговорами, да еще жаль, что подчас из кухни несется чад препротивный. Говорят, что здесь и книга достанется и карты, etc.

Воскресенье, 16 сентября.

Я еще разузнавал про библиотеку Вагина⁴⁵. Оказывается, что там был в свое время просто оппозиционный клуб, из которого исходили разные уличные демонстрации против правительства, не самого Муравьева, а его приближенных. Там, говорят, и теперь собираются не только читать, но и болтать, и собирается всякого рода служащий народ; тут можно, говорят, послушаться многого. Надо будет отправиться, только я не совсем здоров и потому не успел еще быть. «Вот, — говорила мне Быкова, — самое лучшее вам доказательство, что предприятие казенное не может идти хорошо, — в публичной (Вагина и Шестунова)⁴⁶ всегда есть народ, а в «императорской» (так названа казенная) никого почти».

Однако я замечая, что не рассказал еще моих заметок про обе библиотеки. Меня удивило, что я вижу в публичной так мало народа, между тем как, казалось бы, чего же лучше, приходи, читай вволю журналов до 50 разнообразных. Отчего? Оттого что приходиться читать журналы, и только, — это не в нравах здешнего общества; те, которые приходят, являются только для того, чтобы просмотреть «Искру»⁴⁷, не больше. А вот у Вагина бывает очень много народа. Это оттого, во-1-х, что условия абонировки

несколько выгоднее, можно (платя немного дороже, чем в публичной) получить один журнал в течение одного месяца, а в публичной нужно ждать выхода следующего №, и кроме того имеется только по одному экземпляру.

Во-2-х, то частная, это — казенная; в той книг больше, и книги выписываются исправнее; в казенной выписано книг на 400 руб. чуть ли не два года тому назад, и они до сих пор еще идут, в частной бы этого не было.

В-3-х, библиотекарь роздал множество книг, которые не собраны, растеряны, и вообще, видно, мало заботился о библиотеке, теперь назначен другой — хвятились за ум.

В-4-х, в императорской, когда вздумали говорить, что вздумалось, то попросили перестать; у Шестунова хотя тоже раз библиотека была закрыта, однако все еще продолжают собираться и болтать, о чем вздумают.

Чем дольше живешь, тем более убеждаешься в том, что Иркутск далеко ушел от русских губерний; здесь множество отдельных кружков, которые живут так, как им нравится. Кружки эти очень разнообразны, начиная с картежного, кончая высшим, либеральным вполне, например, около Кукеля.

А Кукель сам восхитительная личность. Он всегда говорит, например, одну из своих любимых мыслей: «Всякое насилие есть мерзость, давайте свободу». Так, он вполне оправдывает человека, на которого общество, конечно, восстанет, но Кукель — авторитет: за ним пойдут многие. Я говорю про некоего Федорова, который увез от мужа жидовку по собственному ее желанию и женится на ней. Защита Кукеля, верно, много ему поможет. Он хлопочет, чтобы назначили к «семейским» раскольникам попа, который исполняет все по их обрядам, упрасивает архиерея замять дело о таком же священнике. При Кукеле читается «Колокол», который получается очень исправно, — не разрозненными нумерами, а всем годом. Встречается ли

это в губерниях Европейской России? Далее, начальница института Быкова женщина, тоже выходящая из ряда вон. Она настояла на том, чтобы принимали в институт девочек всех сословий, чтобы девочек отпускали по домам в воскресенье. Вообще, это женщина очень неглупая, с ней можно, не скучая, проболтать более двух часов, как я на себе испытал, друг Кукеля, — это тоже хорошая рекомендация.

В Иркутске, говорят, была открыта еще 3-я библиотека-«читальня», но кончила существование за недостатком сочувствия.

Вторник, 18 сентября.

Я все писал и читал, вот уже несколько дней, про свое прошедшее, пора же вспомнить и настоящее.

Там я говорил про библиотеку; вот еще сведения: в публичной библиотеке (Вагина и Шестунова) я заговорил с самим хозяином, Шестуновым, он же и основатель этой библиотеки; человек очень неглупый, уже тем, что читает много (преимущественно по части истории) и завел библиотеку. С самыми ничтожными средствами начал он свое дело — с 300 р., выписал журналы, накупил старых у знакомых, отдал свои книги и завел библиотеку. Дело пошло отлично. Было время в 1859 г., когда в сутки приходило туда читать до 120 человек. Теперь число колеблется от 20-30 средним числом (бывает 49, бывает и 11). Но тут собиралась оппозиционная партия, говорили, что хотели, особенно в то время, являлись статьи Завалишина в отпоре Романову⁴⁸ — это живо интересовало всех, и разговоры велись самые оживленные; но библиотеку закрыли, и Шестунов продал все свои книги Кяхту. Но на-

стали снова лучшие деньки, невзгода прошла, и Шестунов снова начал свое дело, выписал книг, журналов и открыл библиотеку. И вот теперь у него 80 подписчиков и число их увеличивается. Шестунов ведет свое дело с любовью, аккуратно записывает число приходящих, число читателей по билетам, разделяя их по сословиям, получает из почтамта сведения о журналах и прежде печатал таким образом результаты своих счетов, теперь то же хочет делать. Он выписывает книги для продажи, и недорогие детские книги с картинками (издание Вольфа) отлично идут с рук. Вообще, человек занимается делом с любовью, — великое дело. Но, конечно, большею частью читают одни только журналы; впрочем, теперь, говорит он, начинают требовать несколько серьезные книги, преимущественно по части популярно изложенных отраслей естественных наук. Еще от него узнал я, что газета «Амур»⁴⁹, вероятно, окончательно кончит свое существование за совершенным недостатком денег; в настоящее время № ее лежит набранный, но не может выйти из типографии за недостатком денег, — вероятно, его разберут. «Сибиряк»⁵⁰, — говорит тот же Шестунов, — едва ли пойдет в ход, оно и понятно: во-1-х, издатель его Щукин⁵¹, который, как говорил Кукель, служит здесь общим посмешищем, человек самый пустой, известный своими корреспонденциями, в которых говорится рядом с рассказами о пароходах на Амуре, о крещении бурят и после того о привозе кирпичного чая и о цене хлеба, и т.п., в виде каши; во-2-х, журнал чисто литературный в губернском городе, а также и в Иркутске, идти не может, да и довольно бесполезен.

Вторник, 25 сентября.

Я очень давно ничего не писал. Правда, и нечего было. Я все живу там же; те же лица, — новые знакомства мои ограничиваются несколькими перекидываниями слов, не

более, зато же их очень много, — у Кукеля всегда бывает куча народа по утрам.

В настоящее время все в Иркутске заняты до чрезвычайности необычайным событием. Верстах в пяти-шести от города приключился подземный пожар. Есть речка Ушаковка, которая течет у подножья невысоких холмов в широкой долине. Она размыла гору и обнажила залежи, если не ошибаюсь, шифера лиасовой формации. Этот шифер загорелся сам; он, вероятно, богат сернистыми соединениями железа (на прогорающих камнях следы ржавчины) и горными маслами (bitume*), что обнаруживает запах при горении, видимое пламя и следы на камнях; горит очень жарко, выделяется много дыма и перерабатывается в каменный уголь; если это не шифер, то бурый уголь. Впрочем, первое гораздо вероятнее, так как цвета он серого, мелкозернистого строения, лежит тонкими слоями. Погода стоит прекрасная, днем теплая, ночи холодные, морозы, и вот все иркутские жители ездят туда толпами осматривать, что происходит. Вчера, напр<имер>, проехало до 200 экипажей, сегодня (а я был не в хорошую пору, пору послеобеденного отдыха, около трех часов) там было до 30 человек, пешие бабы, попы, купчихи, дети, — все это едет смотреть на груды черного каменного угля, из-под которого идет дым, а где так горячо, что стоять нельзя, закуривают папиросы у натурального огня (что подало мальчикам-разносчикам мысль принести туда продавать папиросы), глазают и уезжают; отчего же не прокатиться?

Но удивительно умна полиция — заливать стала, слишком много рабочих рук. А «для успокоения умов» хотят

* битум, минеральная смола (*фр.*)

командировать горного чиновника, чтобы он объяснил, что это, и напечатать.

Чита. Понедельник, 8 октября⁵².

Ну, не совестно ли так долго ничего не писать? Просто стыдно. Ну, да лучше говорить дело.

28 сентября вечером выехали мы из Иркутска; вечером нужно было быть на берегу Байкала, в Лиственичной, где Кукеля уже ждал Хамиков (иркутский купец, торгует вином), чтобы провожать Кукеля. Едва добрались до нее в 1.30 ночи, Хамиков уже ждал давно, с чаем, закуской, ужином и вином. Презабавный господин, провожает решительно всех, даже Жуковского⁵³. Раскупорил бутылку шампанского (очень хорошего) и непременно настаивал, чтобы мы пили: «Прошу покорно». Я отговариваюсь, он слушает, целую речь прочту, что вот, мол, больше не пью. Выслушает, — «прошу покорно», и так настойчиво, навязчиво, что поневоле отхлебнешь. Он содержит пароходы, и потому для Кукеля были все удобства.

Дорога до Байкала слегка гориста, но рассмотреть ее не приходилось, темно было. Но у самой Лиственичной близ берегов я рассмотрел, как горы вплотную круто подступают к Байкалу, оставляя между ним и собою не более как сажень 15. Они сплошную поросли лесом и перерезаны самыми узкими перпендикулярными долинами; широчайшая из них, близ Лиственичной не более 1/4 версты. Местами горы обнажают крутые бока, виды должны быть красивы весною и летом, а теперь не хватает главного украшения — зелени.

Утром мы выбрались, вид был великолепный на горы, образующие бухту; они виднелись сквозь розовый туман, который вился по их бокам; солнце выглядывало из-за горы; на противном берегу виднелись снова горы, и снег залег уже по их вершинам, он белелся на солнце, отли-

ваясь удивительно нежным розовым цветом. (Говорят, на западной стороне снега никогда не бывает на горах так рано и выпадает мало, и сдувает ветром.) Пароход отвалил. Мне указывали на удивительно прозрачную воду; падение берега на западной стороне страшно крутое, в 80 саженьях от берегов лот показал уже 1800 футов, дальше не хватило лота; после этой страшной глубины глубина постепенно уменьшается и кончается самыми покатыми берегами, усыпанными мелким камешком.

На этот раз буйный Байкал был удивительно спокоен, чуть-чуть пестрела маленькая зыбь. Байкал в это время бывает особенно бурен; пароход, вышедший днем раньше нас (не в срок, вероятно, любезность Хамякова, чтобы было меньше пассажиров для проезда Кукеля), носило по Байкалу чуть не целые сутки; он должен был прятаться в Голоустную за утесы. (Простой народ говорит, что Байкал так бурен потому, что обижается за то, что его зовут озеро, а не Байкал-море.)

На этот же раз Байкал был так тих, что переезд мы сделали в 7.30 часов и высадились в Посольской, не более как шагах в 200 или менее от берега, а пароход от Прорвы до Посольской (пароходы обыкновенно останавливаются в Прорве, а в Посольскую пошли «для финку-с», как объяснил лакей на пароходе — страшный франт, завитой, который приходит и говорит Кукелю: «Извините, ваше превосходительство». — «В чем?» — «Я вас назвал г. полковник»). В Посольской мы подъехали к берегу так близко, как редко удастся. Байкал был совершенно тих, солнце заходило, окрашивая в розовый цвет горы и озеро. Долго провозились мы в Посольской, пока перевозили на берег наши вещи и тарантас. На берегу кучи народа. Кукеля ждали, пришли жидавки прогуливаться и показаться нам. На самом берегу стоит часовенька, — это одно из прои<зведений> Жуковского; в монастыре

посажен архимандрит, тоже по его старанию. Кукель пошел в монастырь, мы гуляли по берегу. «Правда, что в Иркутске открылся вулкан?» — спрашивал нас председатель, молодой человек, впрочем, не совсем дальний. «Правда, правда». Вечером мы тронулись. Дорога была не особенно интересна — горы довольно однообразные, снег по их вершинам. Мы едем широкою продольною долиной; долина все расширяется, расширяется и, наконец, к Верхнеудинску расходится в широкую Братскую степь, которая раскинулась на 300 верст. Беспреданно попадает бурят верхом, гонит корову, там двое едут куда-то, дальше попадает целая кавалькада, женщины в богатых костюмах едут куда-то на свадьбу. Буряты на станциях торопятся, суется и все-таки долго возятся с перепряжкой. Еще интереснее явление представляют за Байкалом семейские раскольники. У них удивительно красивые женщины, румяные, полные, но не до безобразия, с темно-кариими глазами и прекрасно одеты. Кукеля везде удивительно любят, везде встречают, ждут, но без подлизывания, — здесь народ не очень-то рабский, — подают просьбы; один старый раскольник умолял его, чтобы он разрешил открыть их часовню. Это, конечно, не в его власти, но когда он сказал ему, что уже писал об этом, просил, то старик то и дело приговаривал: «Ах, ах, ты мой разумный, золото ты мое», — и пересыпал это всевозможными славянскими изречениями кстати и некстати; молодая бабенка преплутовски посматривала на меня и подсмеивалась. Говорят, что когда Николай⁵⁴ велел закрыть все их часовни, то это так сильно подействовало на стариков, что некоторые чуть не рехнулись. У семейских славные постройки, славные лица, серьезные, без подличанья.

Верхнеудинск — оживленный городок, по крайней мере был таким в этот день, воскресенье; кучи народа на базаре, кучи народа собрались и пред воротами дома, где

мы остановились. Собрались чиновники всех сортов и калибров, и мы пробыли в Верхнеудинске около 3-х часов, до 12.

Славная погода, солнце светит ярко, но свежо, вода замерзла в лужах и пересохших ручейках. Кругом все степь, только вправо и влево видны лиловые горы; до них далеко, верст 20-30 и более, но степь обманчива, — кажется, рукой подать, несколько верст. Буряты в своих остреньких шапках бороздят степь, да тройка несет нас, летит стремглав. Но довольно степи. За несколько станций до Читы появляются горы — Становой хребет дошел своими отрогами и сюда, местность волнуется, подъем, спуск разнообразят дорогу; потом начинается непрерывный подъем, очень слабый, но вместе с тем очень длинный. Хребет порос лесом, совершенно голым теперь и таким плачевным. Пески, кривые сосенки по сторонам, солнце тускло светит из-за сизого тумана, который стелется из-за хребта. По ту сторону горят леса, их не тушат, потому что не стоит, — лес очень плох.

10 октября.

Я дремал, было уже около 12 часов ночи, мы гнали напропалую, чтобы застать в доме не спящими, но тут последняя станция 37 верст. Я дремал в славном покойном тарантасе.

«Областной г. Чита, — разбудил меня Кукель, — досадно, что туман так силен, что вы ничего не увидите, а с этой горки виден наш дом. Вот речка Чита — совсем пересохла в нынешнем году. А вот направо — хрустальный дворец всемирной выставки, прямо — областное правление, налево — дом наказного атамана. Огни потушены, верно, уже легли все спать».

Я ходил по зале; большая комната, убранная нехорошо — мало мебели, здесь ее не делают, везти трудно.

Через несколько минут мы будили кн. Дадешкилиани⁵⁵. Пошли рассказы про мерзости Жуковского, Кукель подавал даже прошение об отчислении от должности... и как тогда вилял, я воображаю, Жуковский. Еще было одно интересное дело: казаки и крестьяне за Читой дали приговоры, что не желают иметь у себя кабаков. Чего бы лучше? Жуковский ханжа, весь день толкующий о нравственности, об образовании... его бы должно это порадовать. Он чуть в отчаяние не пришел, насилу уломали успокоиться, и то послал сказать баталионным командирам, чтобы не увлекались.

Далее правительство в своих сумасшедших припадках стало побаиваться того, что Шелгунов и его жена⁵⁶, в особенности (очень развитая, говорят, женщина), как друзья Михайлового, поселились рядом с ним в близости от Казаковского промысла, где он содержался. Послали жандармского полковника Дувинга⁵⁷ арестовать его. Появление жандармов за Байкал — дело, выходящее из ряда обыкновенных. Князь Дадешкилиани, ехавший с Дувингом на пароходе, сейчас догадался, что дело идет о Михайлове, и послал с нарочным предупредить его⁵⁸. Оно было очень кстати. Дувинг производил обыск, и хотя, рассказывают, так, чтобы дать понять, что обыскивал очень слегка, однако я этому не совсем верю. Шелгунова должны были отвезти в Верхнеудинск, но по болезни жены он оставлен где-то, не доезжая Читы. И то еще снисхождение со стороны жандарма. Ужасно! Зашлют сюда, отнимут всякие средства действовать и все-таки дрожат, трусят, как какого-то фантома, и посылают арестовывать, боятся, что Михайлов и из-за 7000 верст может быть им опасен, не сознавая, что это есть признание в своей собственной слабости, что и это может быть им опасно. Боже, когда это кончится? Ведь трудно утешаться, как Кукель, что чем хуже, тем

лучше. Дадешкилиани прав, говоря, что «хоть кол теши на голове»...

Когда я встал утром и стал рассматривать Читу через окно, я, если бы не был о том предупрежден, непременно спросил бы: «Где город?» — вопрос, обыкновенно предлагаемый всеми приезжими, — до того мала Чита, — несколько деревянных домиков, из которых двухэтажные дома можно пересчитать, я думаю, не более пяти, шести. «Площадь перед домом губернатора велика». Но я вспомнил, что Чита до 1851 г. была деревушка, состоявшая из нескольких дворигов, что целый город, новый стоит теперь там, где за несколько — семь, восемь — лет было безлюдье, степь, что тут и дом губернатора, и областное правление, и войсковое правление, и тир, и лазарет, и куча частных домов; далее я всмотрелся в общество, — бесцеремонное, несколько образованных и хороших людей, Кукель и его славная семья, — и успокоился. Тотчас же решил я, что тут не будет скучно.

Все представлялись Кукелю.

В 12 часов открытие выставки⁵⁹.

Четверг, 11 октября.

Открытие было и церемонное, и нет. Все собрались в большой тир, где помещается выставка, ходили осматривать и, наконец, пошли закусывать; это закусывание продолжалось и в то время, когда попы стали петь молебен; из офицерства никого почти не было около Кукеля, лишь буряты лезли с большим любопытством вперед, бесцеремонно проталкиваясь. Попы окропили выставленные произведения. Выставка открыта. Исправник (неглупый господин) подпил и горячо ораторствовал, что медалей не следует раздавать ранее недели, хотя никто и не думал ему противоречить. Все разошлись порознь рассматривать, что кого интересовало. Затем опять к Кукелю.

Характеризовать ли лица?

Я попал в славное семейство. Жена Кукеля — сибирячка, хороша собой, смуглая, но удивительно ровная, покойная женщина. В ней много простоты, но простоты серьезной; на балу она «королева», заметил кто-то, но несколько не горда, напротив, приветлива, — в ней эта спокойная величавость не напускная, а природная. При этом нет гордого взгляда, а в осанке что-то очень благородное, при этом одевается удивительно хорошо, когда в черном, — так обхватывает ее талию черное платье, так хорошо лежит воротничок; лоб высокий, здоровый румянец на щеках, но ни искры воодушевления, энергии, силы, только лоб морщит иногда (да еще как-то весь нос собирает в мелкие складки, когда улыбается; это перешло к обоим ее детям, которые во всем остальном — глаза, мягкие белокурые вьющиеся волосы — удивительно похожи на отца). Ее мать грузинка, простая старушка с удивительно добрым лицом. Удивительно, как она сохранилась, — последний сын ее пяти лет, а у Екатерины Васильевны, старшей ее дочери, уже 8-летний сын.

Чита, воскресенье, 15 октября.

Через день после своего приезда я знакомился с здешним обществом. Визиты такого рода никогда не бывают интересны — несколько слов самых пустых, и конец.

В этот день вечером был бал. Оркестр уже отличался на хорах, когда я приехал к Малиновским⁶⁰, но танцы не начинались. Конечно, дамы по стенкам, — не сидеть же посреди залы, когда там и стульев нет. Мужчины во второй половине залы, отделенной чем-то вроде колонн и больших гардин на обе стороны. Лишин — дирижер танцев, он перешел не так давно из гвардии, говорит по-французски, как-то особенно стараясь и наслаждаясь

сказанным, — «moncher», подумал я. Конечно, это не мешает ему прескверно дирижировать, но выдумать новую фигуру ему бы особенно хотелось, тем более это нужно, что старых он не знает. Меня этот господин и смешит, и бесит — бесит его либерализм, чисто гвардейский. Мы читали с кн. Дадешкилиани статью Маколей «Мирабо»⁶¹. Маколей очень дельно говорит в ней о революции, вместе с тем делает замечания относительно ужасов, сопровождавших ее, в душе оправдывая их гнетом, бывшим до того времени. Чем сильнее давление, тем сильнее будут противодействовать. «Вот бы дать прочесть Лишину эту статью, интересно знать, как бы он понял ее. На него она произвела бы обратное действие: он увидел бы «вред от насильственных мер», которые ни к чему не поведут, и, пожалуй, сослался бы на современное положение Франции, стал говорить, Дадешкилиани вполне согласился, — «c'est le mot»*, обратное действие.

Потом раз пришлось говорить о преимуществах гвардии. Не решаясь сказать слова о бесполезности, вернее, вреде предположенного сравнения чинов, он стал говорить о том, какие значительные выгоды принесли эти преимущества, собрав в гвардии значительное количество умных, дельных людей, которые теперь так занимаются, что из (каждого) полка заявляли желание идти в академию по 16 человек, что все читают, что вот, завидя это превеликое скопление умных, дельных людей, правительство и хочет сравнять их в правах с армией, чтобы не было этого прилива умных людей, — ведь из корпусов идут в гвардию что ни на есть лучшие. «Да вы забываете, г. Лишин, что желает сравнения гвардии в чинах с армией Милютин⁶², а не желает этого царь, — жаль расстаться». Нет, и слушать не хочет. Меня это взбесило. Я стал говорить про гвардейский либерализм, что у всех этих за-

* удачное выражение (фр.)

нимающихся людей нет ничего основного, что это либо фразерство, либо желание не отставать и что эти занятия скорее вредны, чем полезны, потому что они дают этим людям вес в глазах неучей, а уметь эти люди не могут, потому что их занятия пустяки, а не серьезное дело. Привел либерализм, выразившийся по случаю пожаров. Липшин обиделся, он принял это за намеки на прежний наш разговор о пожарах, но, как не глупый человек, не выдал себя. Спор кончился. Он еще ласковее жмет руку при встрече.

Да, а бал я забыл. Беда быть близоруким. Я не решился подойти к дамам, чтобы не промахнуться, не подойти к незнакомой, вместо знакомой... Потом обошлось. Плясали все вдоволь, — в мазурку никто не решался идти, и потому было что-то не более 4-х пар. Мне нравится неразъединенность здешнего общества — все заодно; на балу были и купеческие дочки, и дочь священника, все в белых платьях. Если с ними мало танцевали, то потому, что они не больно-то красивы. На балу был и главный тайша⁶³, Тугулатур Тобаевич с женою и ее сыном, переводчиком и с председателем. Все смотрели они на наших, как пляшут, и, кажется, кто-то из них рискнул спросить, только ли будет. Но за ужином мы усадили тайшу и К^о за особый столик, и я принялся их потчевать. Тайша, тайшиха попивали изрядно. Муж должен был отнимать у нее херес. На все вопросы, «нравится ли ему это», тайша отвечал: «хорошо, ладно», и прибавлял, что «кто к чему привык, то тому и нравится». Я стал спрашивать про женщин, — тот же ответ. «Да у нас лучше, больше открыто, лучше ведь?» Тайша рассмеялся гаденьким смешком, соорудил масляные глазки и отвечал что-то очень много. Переводчик не переводит. «Да что же тайша сказал?» — «Хорошо, ладно». — «Быть не может». — «Нет, так», — и смеется; мы так и не добились, что сказал тайша.

Вторник, 16 октября.

Но этим не ограничились увеселения; по случаю выставки был концерт. Здесь есть оркестр из казаков, чуть ли не тунгусов и бурят; оркестр этот учится всего два года и уже играет порядочно, сносно. Например, он исполняет польский из «Жизнь за царя». «Иль бачио» здесь еще новость, а потому при всех удобных случаях оркестр исполняет его. Одним словом, в два года при всем старании лучшего бы не добиться; капельмейстеру нужно было очень стараться и понимать немного в музыке. Капельмейстер здесь некто Хомяк, из урядников, играет порядочно на скрипке, недурно на кларнете, имеет претензии быть композитором; подчас и у него, конечно, вырвется недурная мелодия, прочее слабо. Этот Хомяк человек очень не богатый, Купель и советовал ему дать концерт. Сам Хомяк играл с Кукелем, с Поплавской⁶⁴ — недуренькая полька, большая патриотка, до сих пор носит все траур по Польше, неглупенькая и с хорошим сердцем; горячится за добро, рада слушать всегда, если говорят о серьезном, подчас задумывается и очень мило скажет: «Да, это вы правду говорите; да, эта мысль справедливая, верная», — и еще с г-жой Карякиной (пока для меня безличное существо).

На концерт собралось в собрание все общество, заняло все стулья, даже половину, где находились сами играющие, сбор был великолепен, и Хомяк остался очень доволен.

Суббота, 20 октября.

Вчера было у Кукеля здешнее общество — все решительно. Народа было много. Первое, что бросилось в глаза, это бесцеремонность замечательная, простота во всем, простоты настолько, что всякий бесцеремонно решался петь, играть, — если б и я сел играть, то и это никому бы

не показалось особенно странным... Кукель стал играть — пустились плясать, но танцы не клеились — или охоты не было, или непредвиденность танцев застала врасплох. Как ни хлопотал Лишин устроить танцы, ничего не вышло.

Теперь в Читу съезжается пропасть народу, возвращаются с Амура, говоря о результатах благополучного сплава. Действительно, сплав был удивительно удачен: из 150 барж разбилось всего 2 — вышибло череповые бруски, но их тотчас же накренили, и баржи снова пошли. Хлеб был подмочен очень мало, даже скот дошел отлично. Являются и из Николаевска, например Ивашевский с женою. Ему, несчастному, расшибло ногу на пароходе с одним колесом позади; когда он ходил на бак, испр....., цепь, которая приводит в движение колесо или руль, прошла два раза по его ноге, сорвавши мясо и обнаживши все маленькие косточки. Ивашевский очень много рассказывал про Николаевск, — там делается черт знает что: во-первых, женатому человеку, желающему сберечь свою жену исключительно для себя, опасно туда ехать, а во-вторых, Казакевич⁶⁵ допускает и сам делает ужасные мошенничества; не знаю, насколько известны ему все мошенничества, которые творятся, но, кажется, известны. Например, вино нельзя покупать иначе, как в магазине Людорфа. Казакевич за своею подписью дает записку, что разрешается купить столько-то вина у Людорфа. Это сделано, говорят, в тех видах, чтобы не допустить в войсках такого большого пьянства, которое могло бы развиваться в народе при недорогих ценах на вино. Плутни, говорят, на каждом шагу. Американец приезжает в порт, едет таможенный чиновник с доктором свидетельствовать корабль; сейчас же, как первые, скупают большую часть товаров и продают втрое дороже, чем самим обошлось. Но на корабле остаются товары: требуют от американца фактуру — спи-

сок привезенных товаров с их ценами. Через несколько времени фактуру возвращают исправленную с увеличенными ценами для выгод скупивших часть товара. Конечно, американец не прочь продавать по этой цене.

А что до жен, то Казакевич всегда все силы употребит, чтобы воспользоваться вновь прибывшею, если только она недурна. Даже, говорят, употребит в дело свое губернаторское влияние.

Торговля на Амуре, говорят, представляет преудивительнейшие фокусы. Например, товары, пришедшие через Николаевск, в Благовещенске продаются дешевле, чем в Николаевске. Американец гуртом продает несравненно дешевле, чем в розничную, настолько дешевле, что прибавивши к этой цене провоз и барыш, можно продавать в Благовещенске дешевле, чем на устье Амура.

Впрочем, я, кажется, говорил про вечеринку у Кукеля, а съехал на амурскую торговлю. Много говорят про нее, но рассказывать все, что слышишь, трудно: в разговоре многое недоговаривается, про многое говорится вскользь, многое бывает известно говорящим, а для меня это незнание делает многое необъяснимым.

А потому лучше говорить про читинское общество, — Амур еще впереди и, надо надеяться, не уйдет.

Из приезжих здесь есть еще некто Рик с хорошенькой женой⁶⁶, ребенком, недурненьким и вообще очень милым. Она между молодежью производит эффект, между молодыми дамами — тоже, только обратный, — им завидно становится, что некоторые из постоянных посетителей-поклонников переселились к М-ме Рик. Она поет, — недуренький контральто, с отвратительной манерой пения, — попросту вовсе не умеет петь. Имеется здесь

также Подгурская — хорошенькая дамочка, черненькая, презлая и презавистливая. Ей во что бы то ни стало хотелось подвести Рик, заставив ее спеть, а это очень легко, — Рик после первых упрасиваний поддалась, спела; некоторые нашли, что у нее есть что-то приятное в голосе, а все вообще порешили, что петь она не умеет и что Подгурская злючка, за что ей следует надоедать, упрасивая ее петь, хотя всем известно, что она вовсе не поет. Ну и порядком надоедали.

Рик ужасный ребенок, довольно глупенький, наивный, но многое ей, конечно, прощается за ее молоденькое лицо, статную талию, хорошенькие плечи и премилые т...., которые так и обнажаются, когда она танцует польку, и все заглядывают туда, туда...

Она очень наивно приходит: «Пожалуйста, найдите себе даму, мне хочется танцевать мазурку». Ну и идешь после такой простой просьбы. Здесь даже ходят некоторые анекдоты про ее наивность, когда-нибудь расскажу.

В настоящее время хлопочут в Чите об устройстве спектакля, — мне пришлось быть коноводом, так как я был затейщиком. Взялись за дело с большим сочувствием, состоящим пока только в словах. Действовать приходится мне.

Понедельник, 22 октября.

(Кстати, сегодня только 11 лет, как Чита объявлена областным городом.)

Я говорил уже, что здесь не прочь повеселиться, поплясать. Вчера шли в собрании толки, отдать ли его залу с тем, чтобы Шлау мог там устроить table d'hôte. Шли толки до 7 час<ов>, кажется, согласились, а потому устроили вечеринку. Некоторые отдельные личности, Волков⁶⁷, Лишин, просили дам съехаться запросто, без церемоний, не заботясь о нарядах, ну, и съехались, болтали, играли

в карты, танцевали. Дело происходило так просто, что офицерство в расстегнутых сюртуках, конечно, с жилетами. Танцевали до 12 час<ов>, потом засели ужинать, пили шампанское в изобилии, а под конец все это, как водится, разрешилось банчиком, штостиком, как здесь выражаются. За все удовольствия — рубль за вход.

Я протанцевал без всякой охоты 2 кадрили, затем отчаянный спор с одним немчиком, Буксгевденом⁶⁸, который отчаянно защищал положение остзейских крестьян, спорил очень горячо битый час, конечно, разошлись при своих убеждениях; меня поддерживали один добросовестный немец Шмит и Педашенко⁶⁹, который, впрочем, первый затеял этот спор с Буксгевденом, а потом оставил меня с <ним> спорить, являясь время от времени поддерживать каким-нибудь фактом, — он знает тамошние положения, — что даже заставило Шмита сказать, что он не предполагал, чтобы мы, русские, так хорошо следили за их законоположениями, бытом. Кстати, я упомянул про Педашенко. Личность довольно интересная, — для Читы даже очень. Это господин лет сорока, казачий подполковник, невысокого роста, с медленной походкой да с выразительными карими глазами. Вот почему он особенно интересен, — по своему влиянию на Кукеля, который совершенно поддался ему в дружбе. Недавно М-me Voiard, гувернантка у Кукеля, выражающая громко свои понятия, выразилась, что: «М-г Koukel ne vit pas du tout pour sa maison, — il ne vit que pour Pedachenko, toujours Pedachenko, toujours Pedachenko, aussi quand je le vois, ça me cause toujours du déplaisir»*. Это правда, Кукель убежден, что это превосходнейший человек. Действительно, Педашенко не глуп, убеждения честные, хорошие, не

* Господин Кукель совсем не живет для своего дома, он живет только для Педашенко, всегда Педашенко, всегда Педашенко, так что, когда его вижу, мне это неприятно (*фр.*).

прочь попить иногда, но в меру (в этом сходится с Кукелем, который не прочь посидеть за хорошим вином), любит почитать серьезные вещи. Этаким человек, особенно здесь, должен был особенно полюбиться Кукелю, и действительно, Педашенко его неизменный спутник. Кукель целый день был готов с ним проводить, притом же и служба часто заставляет их работать вместе. Но мне, постороннему человеку, некоторые стороны не нравятся в Педашенко; прежде всего, он все-таки деспот — нет так уж нет, тут и спорить нечего. Далее, страшно самолюбив и нет умеряющего, что при таком самолюбии положительно необходимо. Если чего не знает, то рад то ругать, будет доказывать, что оно дрянь, внимания не стоит, но у него есть ум, который, впрочем, не дает слишком увлекаться. Мне кажется, что если бы дать ему большую власть, то он не был бы хорош, — недовольно теплоты в человеке, сочувствия к брату.

Четверг, 25 октября.

Третьего дня уехал Кукель с матерью жены — Клейменовою. Старик Клейменов опасно заболел, и они поехали к нему в Иркутск. Я потому упоминаю об этом, чтобы сказать о том, как все их любят, — в их горе все принимали участие, — не участие подчиненного к начальнику, а действительное участие. Все их любят. Старушка — славная старушка. Впрочем, ее, пожалуй, еще нельзя и назвать старушкой, так хорошо сохранилась она. У меня врезалось в памяти, как она сказала на прощанье: «Прощайте, князь, желаю вам быть счастливым», — что-то особенно хорошее звучало в ее голосе.

Вот уже 2 дня, как на себя обращает особенное мое внимание цвет лунного света. Особенно какой-то яркий, желтый. Нет нисколько той бледной синеватости, которая составляет обыкновенно его особенность, — четкая

желтизна. Я приписываю эту яркость особенной прозрачности атмосферы; воздух здесь вообще необыкновенно сух, на это все жалуются, в конторах особенно. Жаль, что нет инструментов, чтобы определить степень влажности, а мне кажется, что она оказалась бы очень мала. В комнатах страшная сушь. Надо бы по-настоящему устроить фонтаны.

Наконец, получили газеты от 8-го сентября и следующих дней. Все бросились на них, ожидая чего-то. Многие думали, что вот-де объявят конституцию, милости, — ничего не бывало. Это обмануло самые умеренные ожидания, все были уверены, что объявят, по крайней мере, разные милости — и того нет, полное разочарование.

Пятница, 26 октября.

День ясный. Вечером несколько облаков, но *la lune mange les nuages**; небо скоро совершенно прояснилось, тепло, без ветра.

Суббота, 27 октября.

Днем ясно, 6 часов вечера — облака, потом прояснилось.

Воскресенье, 28 октября.

Я уже писал, что мы здесь собираемся устроить спектакль. Сегодня должны были собраться у Подгурских все те, которые участвуют в спектакле. Рассмотрели пьесы, каждый некоторое число, и потом, отдавши отчет, принялись за чтение. Ганенфельд прочел водевиль сносно, как большею частью все читают. Потом принялся я за свою пьесу. Из всех, данных мне на рассмотрение, оказалась лучшею «Снявши голову, по волосам не плачут», играна на бенефис Садовского⁷⁰; я и предложил ее; для сцены

* луна поглощает тучи (*фр.*)

она не дурна. Я прочел; сперва слушали невнимательно, болтали, но потом и мужчины из соседней комнаты все пришли слушать. Мне единодушно присудили роль Садовского — Луково, пьянчугу, чиновника, как самую благодарную и трудную, прибавляя, что я и всякую мог бы сыграть хорошо. Я, конечно, не отказался, признаюсь, я на нее и метил. Ото всех поодиночке получил я благодарности за чтение, похвалы и т.п.; действительно, места-ми я читал хорошо; под конец сильно устал...

Сегодня утром я был у Завалишина⁷¹ — личность не из обыкновенных — есть много хороших начинаний, не глуп. Он страшный враг Муравьева, деспотизма в его управлении, как сам говорит, самой личности, — как говорят другие.

Спор, который он вел по поводу Амура, напропалую ругая все управление Муравьева, очень замечателен. Не мало писал он правды, не мало было и лжи, говорят. Педашенко говорит, что он коверкает факты и что легко ему глотку заткнуть. Он страшно самолюбив. А потолковать с ним интересно, — я незаметно провел до полутора часа.

Что за погода теперь! Ветер гонит целые облака, буквально, пыли. А так как сухо, луна ярко светит, когда пыль несколько секунд притихает. Ни облачка. А утром воздух был ощутительно сыр, ветер был юго-восточный, нагнал облака, мелкий снежок порошил.

Суббота, 3 ноября.

Только что от Ивашевской. Очень хорошенькая и славненькая личность; мы толковали, между прочим,

об Амуре, — она в восторге от его красот: в Хабаровске, например, говорит, удивительные места, так хороши, что можно прожить несколько недель одной, наслаждаясь только природой. Она, как видно, сильно любит природу, потому что часто решалась ходить и ходить помногу из-за красивых встречающихся там мест. Есть и скалы, и горы совсем гладкие, и горы, покрытые сплошную черною березою, которая своими раскидистыми ветвями сильно похожа на яблонь. В Хабаровске будет важный торговый пункт, так как там место, куда будет все приходить с Усури, Сунгари. Катерино-Никольская станция очень большая и будет очень важна. Михайловская станция восхитительно хороша — вся в саду.

Впрочем, увидим, тогда скажем...

Ну, а погода с воскресенья сильно переменялась. Теперь вот уже 4 дня трещит мороз, снега выпало на 1/4 дюйма, не более, так что, где гористо, он уже давно смешался со снегом (firn). Третьего дня я вывешивал термометр, было -18° . Вчера в 7-м часу вечера -25°R . Воздух страшно сух, ясно, облаков нет, немного бывает иногда на горизонте, в степи.

Среда, 7 ноября.

Вчера было представление Кросю. Он показывал там геологические картины, с помощью фонаря, освещенного Друммондовым светом⁷². Картины сняты с Geol. Bilder — Котты⁷³; к ним составлен текст, переведенный с немецкого. Его начал читать какой-то писарь глухим голосом, совершенно как бы отчитывая покойника. Я сейчас же вздумал «пойти нешто туда». «Пойдите», — говорит Педашенко. Я юркнул за занавес, взял у писаря тетрадку

и стал читать. Говорят: «Вы выручили Кросю, а то кто бы стал к нему ходить при таком отчитывании». Это может служить как образчик простоты нравов и бесцеремонности в Чите. Никому не показалось странною моя выходка.

Вторник 12/13 ноября.

Снова дорога⁷⁴ со всеми ее забавами, прелестями, невзгодами; снова широкая, раздольная, дикая, голая Братская степь⁷⁵; снова старые знакомые, новые знакомства и т.п. Теперь я в Курбе. При имени Кукеля, когда я говорю хозяйке, что вот-де его адъютант, что проезжал с ним недавно, хозяйка светлеет, берет меня за талию и вводит в дверь. Если его любят крестьяне, то гораздо более любят крестьянки, — он всегда так мил, шутит, болтает, но всегда в пределах строгих приличий.

Холодно, ветрено, — теплее закутываешься в свою доху, натягиваешь на себя одеяло и еще более мечтаешь, носа не хочется выказать на воздух, да и смотреть не на что. «Безлюдье, степь, кругом все бело», — твержу я про себя, лежа в спокойной перекладной, при гладкой дороге, где ни толкнет, ни тряхнет, я до того замечтаюсь подчас, что сравниваю езду в перекладной с... железной дорогой! Действительно, иногда до того покойно, что это сравнение возможно. Иногда же за то, вот хоть эта самая дорога до того гладка, что успеешь и промерзнуть, и грудь заболит. Зато сколько наслаждений в этом останавливании лошадей, когда чутьем поймешь, что подъехали к станции. Хорошенькая хозяйка потчует чаем с густыми сливками, болтает. «Давно ночь, однако», — говорит она, когда смотрит на часы. «Да, уж первый час». — «А ты чего не спишь?» — говорит она своей маленькой девочке, которую приносит ей другая девчонка, и прыскает со смеху при каждом слове: «Ах, ты, сука, не спишь...» — ласкает мать и нежно, даже грациозно обнимает ее.

Но пора ехать, — скрипит телега, снега очень мало, и по дороге он смешался с песком, трещит мороз, а санной дороги нет, дым прямо поднимается из трубы, ярко блестит остренький рог луны, ярко блестит Орион. Все звезды выдаются как-то особенно резко на темном фоне*.

Слобода Кабанск. 19 ноября.

На днях я приехал в Кабанск. Огромное село с красивою большою каменною церковью. Домики прочные, красивые, улиц довольно, вообще село очень людное. Население его занимается преимущественно извозом. Извозничество в больших размерах. Они ходят до Посольской, до Кяхты, до Читы; у каждого домовитого хозяина по несколько телег и лошадей. Извозничество особенно развилось здесь со времени приобретения Амура. До того, как говорит Сокольский, сходить куда-нибудь за 200 верст было чуть не подвигом, — служили молебны и т.п. Теперь двигаются беспрестанно. Амур, — говорит он же, — имел здесь благодатное влияние, хотя и казалось бы с первого раза, что он должен был составлять тягость. Вот, напр<и-мер>, теперь подрядили везти соль; взялись до Читы по 60 к. Но крестьяне нашли другого за 70 к., чтобы избавиться от этого, так как ему выгоднее сходить в то время, как

* После записи от 12/13 ноября в записной книжке П.А. Кропоткина на отдельных листах помещены следующие записи, касающиеся его поездки в Кабанск:

«Кузнецова Пелагея, 27 лет, была высечена в волостном правлении в присутствии Степана Маслова, Увара Ленского и др., человек до двадцати за то, что в праздничный день на улице перед своим домом подралась с Марией... (неразб.) Зариной и разорвала ей рубашку Они дали ей ударов до пятидесяти голой, несмотря на увещ<евания> волост<ного> и на просьбы ее.

Ив<ан> Григорьев, не помнящий родства, содержится 6 недель, пищи никакой не получает, кормится тем, что ходит по миру. Бокшир - за то что менял лошадь, которая была украдена. Жена его. И т.п.

пойдет в Читу, 2 раза к морю или в Кяхту. Действительно, это есть тягость по 10 коп. с пуда, но тягость небольшая и вознаграждаемая движением, толчком, данным Амуром.

Интересно бы, однако, узнать, отчего же крестьяне брались за цену более дешевую, чем бы следовало? Да в том-то и дело, что цена 60 коп. на казенном сене, когда он едет себе, ни о чем не хлопоча, не думая, зная, что на каждой станции есть сено, по цене гораздо дешевле, чем оно в большой продаже, так что цена оным, действительно, хорошая, и дороже нельзя платить за провоз.

Кабанск — центрик целой кучи деревень. Вчера я ездил в Творогово — село в 18 верстах отсюда. Почти всю дорогу, наверное, уже более половины, тянутся деревни, непрерывно по сторонам дороги идут загороди для поскотин; расстояния между деревушками не более 11/2 версты. Творогово — тоже большое село, как видно, не из бедных. Население здесь чисто русское и говорят правильным, чисто русским языком без ударений, только беспрерывно звучит сибирское «однако» да «мало-мало». Типы совершенно великорусские. Откуда они выходцы, — не знаю, говорят, что из Великого Устюга. По дорогам теперь беспрестанно попадают телеги с бочками, — забирают соль из магазинов, но, впрочем, соль принуждены везти на колесах, а потому тянутся целые обозы двухколесных тележек особого устройства, с колесами, в которых бросается в глаза несметное количество спиц и широкий обод. Тут хотя и есть снег (и я прокатился на саниах, — езда, как и вообще здесь, самая бешеная, лошади несутся, ну, право, как из лука стрела), но за Верхнеудинском снега совсем нет, и мне пришлось эти 430 верст протрястись на перекладной.

Сибиряк и здесь сохранил свои обычаи, свою оригинальную еду. Вообще здесь много едят кислого. Моя хозяйка в Чите, когда я просил ее давать мне не кислые булки, а что-либо другое, говорила Петрову: «Вот погоди, поживет здесь ваш барин, станет есть кислое», — и удивлялась, что это я не ем ничего ни кислого, ни соленого, а все пресное. Ее слова оправдались, — действительно, кислое, особенно живя на крестьянской еде, делается потребностью. Потом и в самом обеде есть кое-что оригинальное. Перед обедом в хорошем доме подают или язык, или желе какое-нибудь, потом пирог с рыбой из пшеничной муки 4-угольный, у которого верхняя крышка отделена и разрезана на несколько частей. Вы снимаете кусок теста и едите, доставая рыбу из самого пирога. Это по-сибирски. После обеда непременно стакан сливок или молока. Это последнее я заметил и в Томской, и в Красноярской губерниях. Вообще, по всей почти Сибири так делается.

Кабанск, 23 ноября.

Вчера я ездил в с<ело> Кудару. Огромное село с несколькими улицами, в котором душ числится до 900. Так же тянутся нескончаемые изгороди. В Кударе большая церковь, которая, говорят, сильно пострадала от землетрясения. Когда я приехал, вошел молодой человек с предлиннейшими волосами, которые косичками вились назад, и очень круглым лбом.

— Учитель здешнего училища.

— Очень приятно познакомиться.

Мы разговорились.

Здешнее училище основано года два тому назад, но дело идет не очень-то успешно. Всего 30 учеников, отдают в частные руки учить и т.п. И может ли идти учение

успешно? Училище скверное, ни столов, ни скамеек порядочных, одна печь на большую комнату, холодно или угарно. А учитель? Назначен не по своему желанию. «Я, видите ли, просился в Верхнеудинский округ помощником к бухгалтеру. Ну, отказали, так как при отце должности нельзя занимать, а мой отец там бухгалтером. Вот как основали здесь училище, губернатор и велел назначить из тех, кто просился в Верхнеудинский округ. Меня и назначили. Впрочем, хочу проситься в Николаевск, у меня там родственники». — «Да там есть ли училище-то?» — «Нет, да я не по этой части, а так, на службу, я ведь и прежде не по этой части служил, я служил в областном правлении. Скучно возиться с этими мальчишками...»

Что тут прибавить?

И это делает Жуковский, который всем уши протрещал своими училищами...

— Да вот 2 раза представляли к губернатору приговоры, чтобы разрешить сделать в училище доски да столы, — арифметике просто учить нельзя; да так и нет разрешения. Хочу собрать в 3-й раз.

Мы сидели в избе, — в той половине угарно. Вместо стекол везде вставлена «скотская брюшина»; «оно удобнее, потому что как дверь отворяют, так она хлопает, и весь снег, что намерзает, спадает, а стекло так намерзнет, что зги не видно. Это теплей». Старуха прибавила от себя, что «отцы так делали, так, видно, считали лучше, чего ж менять?». При недостатке в стеклах здесь двойных рам не делают, — двойные рамы составляют принадлежность богатых домов.

Я говорил об угаре — это повальная болезнь, которою страдают здесь все в продолжение зимы. Печи закрывают так жарко, когда даже головешки не совсем прогорят. Потом при одиночных рамах всегда бывает запах печки. Угорают все вповалку по временам.

Но запрягали лошадей. Я выехал из Кудары, отказавшись и чай пить, и «закусывать». В Сибири я не слышал слова обедать, — оно всегда заменяется глаголом закусывать.

Ямщик, который меня вез, вероятно, не раз получал расспросы про землетрясение, а потому наметался и сам стал мне рассказывать. «А вон землю своротило, как эку щель дала, это как ее зачало воротить, так много тоже кое-где поделала щелей, а вон обвалилось. Как! А тутова был колодец, — показал он на столб с шестом, — журавль, да так как стало песок выкидывать, так его весь и засыпало, а сруб своротило совсем». Наконец, мы подъехали к Дубинской. Щели занесены теперь снегом, а все-таки видно еще место, где они находятся. Да еще дорогой проезжали деревню Инкину; сажени на 3 осела она, вода подступила почти вплотную к избам. Еще землетрясение, и ее затопит совсем. Колодцы большею частью засорены, некоторые избы сворочены.

24-го ноября.

В Дубинской я спустился к берегу залива, образовавшегося после землетрясения. Крестьяне до настоящего времени не могут без ужаса вспомнить о землетрясении. «Так земля ходуном и заходила, колодцы засыпало, дома своротило, взломало на море лед, подняло его», и хлынула вода, затопляя бурятские улусы и топя скот. Скота погибло очень много. Весною начались заразные испарения, и вынуть его стоило очень много труда. У бурят затопило очень много имущества. Кударинские буряты очень богаты, у одного, например, было в шубе наложено целых два рукава денег. Это погибло. В сундуках еще вытащили деньги, а в шубе не искали, конечно. Удары землетрясения до сих пор еще слышим, но очень слабые, и многим часто чудится, что был удар, от стра-

ха, «отчего ли». 23-го был удар. Я его не слышал, так как вел очень оживленную беседу с Марковичем (т.е. нет, не оживленную, — я говорил очень тихо, по наружности вяло, но говорил ему такие вещи, от которых другому бы непоздоровалось). Ничего — сошло. Я думал, что хозяйке так показалось, но нет, на другой день я был в Кударе на ярмарке, и мне подтвердили тоже.

Ярмарка в Кударе, как и все сельские ярмарки, не особенно людна. Она несколько своеобразна, так как оживлена бурятами, особенно их женами. Бурятихи расфранчены донельзя, пуговиц на них навешано несметное количество, кораллы (особенно желтоватые, низшего сорта) на шее, и кольца большие серебряные, привешанные к волосам, с первого раза похожи на громадные серьги. Носят они шапки вроде наших высоких кучерских с кистью наверху, в зубах сигара или трубка большая, висящая книзу, или галца, медная трубочка на две затяжки, надетая на чубук, длиною около 6 верш<ков>. Иные бурятихи из молодых недурны, а потому немудрено, что они сильно роднятся с русскими и плодятся «каркисы» (помесь бурят с русскими). Я видел, как обнимаются они с нашими крестьянами, и, судя по глазам мужичка, надо полагать, что она ему не не нравится. На ярмарке я сделал два наблюдения: что наши великорусские ярмарки (никольская, а след<овательно>, барятинская, мамонск<ая>) гораздо люднее: и торговцев, и покупателей, и гуляк больше, да еще пьяных несравненно здесь меньше. Может быть, это, впрочем, оттого, что кабака нет на самой ярмарке, — но выпивший мужичок все-таки зайдет на пригорку, а тут их было очень мало.

В Кударе порядком повредило каменную церковь. Шестерик на куполе обвалился, продавив купол и оборвав железные шесты, на которых висела паникадила, и продавил пол. Это было 31/XII прошлого года. До сих пор

дыра наверху не заделана. Ждут архитектора, чтобы он осмотрел, составил смету, etc. По сие время он не приехал. Заделать просто досками не позволяют попы, разрешение надо, что ли, и потому валится снег и налетают голуби, портят вдвоем красивый иконостас. Ведь так уже стоит оно скоро год. Крестьяне просили позволения заделать тесом да железом, что осталось от купольчика на шестерике, да так ничего и не могут сделать.

Чита. Пятница, 29 ноября.

Чита. Четверг, 13 декабря.

Не успел я приехать в Читу, так что даже не успел ничего написать в свой дневник под поставленным заголовком, как снова пришлось скакать, именно скакать в сторону, противоположную той, куда я ездил, — к Нерчинску. Зачем... не пишу здесь⁷⁶.

Кукель вечером отозвал меня: «Есть просьба, серьезная, — надо вам ехать денька на четыре и очень скоро, если не в ночь, то завтра утром». Я, конечно, отозвался, что с величайшим удовольствием. На другой день я поехал. Это было 2-го декабря, 6-го я уже был назад, успел съездить и в Шелапутине побывать⁷⁷, и на Казаковском промысле, и даже повидаться с Ольденбургом.

Мерзавец Жуковский все пакостит. Жандармская натура берет свое. Он приказал одному батальонному командиру следить во всем за Михайловым, назначает следствие, чтобы узнать, кто виноват в данном Михайлову дозволении на Казаковский промысел, Казачьему полковнику, делает себе тайную полицию*, и все это (я говорю на основании данных) делается единственно

* Так в подлиннике.

из желания пакостить без всяких инструкций свыше. Вот в чем, однако, дело. Михайлов приговорен к каторжным работам и назначен в Нерчинские рудники. Вместе с тем, по освидетельствованию, он, конечно, оказался страшно болен, и начальник горный Дейхман дал ему дозволение жить на Казаковском промысле у своего брата, капитана Михайлова, который заведует там промыслом. Между прочим, надо сказать, что вслед за Михайловым приехал полк<овник> Шелгунов, выйдя в отставку, с женой и поселился рядом с Михайловым. Их арестовали, — я головой ручаюсь, что во многом тут виноват Жуковский. Но, арестуй, Дувнинг, жандармский полковник, человек порядочный, может быть, отвез Шелгунова с женой в Ундинскую слободу, в 20 верстах от рудника, и там оставил. Все бы, казалось, хорошо. Говорят, спокон века в Сибири так водится, нет, Жуковскому нейдет. Он, узнавши, что Михайлов, который несколько времени был в Нерчинском заводе, снова вернулся на Казаковский промысел, наряжает следствие⁷⁸.

Я вернулся очень скоро, слишком скоро, чтобы можно было себе составить понятие о проеханной стране, разве два-три уголка этой красивой местности выдавались мне в великолепном освещении, или особенно чем-либо бросившись в глаза.

Чита, 28 декабря.

Вообще говоря, я создан не для женщин, женщины не для меня. Я могу понравиться женщине, заинтересовать ее, но только... Лидия... но она потому до сих пор любит меня, что меня нет, что видела она меня 3 недели, а через год еще две, и я уехал в такую даль, она ищет причин этому, милая. Потом это ее первая любовь. Не довольно быть не глупым, не довольно быть подчас и энергичным, и горячо любить все святое, — женщине этого мало. Нужно

многое, многое, а главное все-таки физическая сторона должна быть хороша. А я?! Приходится только усмехнуться, — в усмешке есть что-то утешительное.

Чита. 7 февраля 1863 года.

Как давно я ничего не писал! Если бы писать каждый день, то из этого со временем составилась бы очень интересный материал. Но писать каждый день я решительно не имею возможности⁷⁹. Для этого нужно вести другую жизнь. Вечером писать? Но ложась иногда в 5-м часу от того, что пропишешь до 4-х, или же в 3-м часу, потому что в это время только вернешься домой усталый, уже не имеешь возможности писать. Утром тоже невозможно, так как иногда только что отопьешь утренний чай, как едешь по какому-нибудь делу; да, наконец, и не всегда бываешь расположен.

А между тем был бы очень интересен простой дневник для характеристики здешнего общества и как пособие для описания его со временем.

Расскажу хоть про сегодня.

Утро просидел я у Кукеля, читали записку о выставке. Давно следовало ее представить — к январю, а она готова только теперь. Что ж делать? Было поручено писать описание Савенке, он черт знает что намарал. Пришлось поручить мне. Чтение беспрестанно прерывалось, — дополнения, промахи, все это останавливало. К Кукелю беспрестанно приходит то тот, то другой, то с докладом, то крестьянин с просьбой и т.п. Он беспрестанно уходил. Педашенко уходил к своим приезжим из Сретенска; из Бликина приехали на несколько дней провести масленицу, конечно, находилось и дело какое-нибудь. Кое-как дочитали с грехом пополам, а надо ехать на репетицию в собрание, и то опоздал; дамы после распекации, которую я делал им вчера за опаздывание, съехались вове-

мя, ждали только меня (вчера я ждал всех более часу). Начали репетицию. Репетиция проходит всегда весело: играет Рик, Лапина, Мясцовская. А мало ли чего не говорится потихоньку, дожидаясь выхода в дверях (громко говорить нельзя, чтобы не мешать). Неиграющие лезут в двери, их загораживают так, чтобы на входящего упали ширмы, как только он отворит дверь, причем они обрушились на ничем не виноватого слугу Шлау. Хотя сегодня посторонние не приходят мешать, все же много шума, школьничают. У Рик озябли ноги, она надевает теплые сапожки, — лезут помогать, она отнимает и передает свои крошечные ботинки положить куда-нибудь. Лапина, получившая с прошлого спектакля название тети, покуривает, сидя на сцене, спустя ноги в пространство; п<охо-
дя> ее то задевают, то укутывают в платок, хотя она вовсе о том не просит. Рик, избалованная немного с тех пор, как играла в 1-й раз и когда ее стали упрашивать играть во всех пьесах, капризничает с Хомяком за то, что он врет, играя на скрипке «Матушку-голубушку», под которую Рик приходится петь. Я унимаю свою сестричку, они кончили... Хомяк обиделся ее капризами, а также тем, что я спросил его: «Что будут аккомпанировать фортепиано плюс скрипка?» — «А коли плюс, так нечего и играть!» Положил скрипку и ушел. Кое-как сошла репетиция, третья, а завтра генеральная, послезавтра спектакль. Надо же что-нибудь делать. Лапина (?) прыгает вдруг ни с того, ни с сего, потом замечает, что вот-де вы с М-ме Рик все глазки строите. Действительно, поймала. Хохоту много.

Но пора и кончить.

— Ах, Петр Алексеевич, принесите, пожалуйста, мои ботинки.

— Охотно.

— Мне совестно...

— Вздор какой.

Укутываю и тетю, которая с некоторых пор совершенно нянька при Рик, та совершенно отдалась под ее надзор и таскает ее с собой всюду, и к Кукелю, чтобы подбирать куплеты, и т.п.

Мы остались все почти в собрании обедать. С тех пор как жена Кукеля уехала, все здесь обедают. В честь приезжих пьют шампанское, прескверное, американское, как его зовут, попросту гамбургское, привезенное по Амуру (все иностранцы, приезжие с Амура — американцы, хотя в числе их 9-10 гамбургских купцов, едва что-нибудь знающих по-английски, — так установилось сначала). Впрочем, все бранят шампанское, а 4 бутылки выпиты, не более как 8-ю — 10-ю человеками. Нашелся и портер, который здесь за редкость, — кто-то, кажется Кукель, сохранил 3 бутылки. Кукель подшучивает над Заборовским⁸⁰, который, кажется, обзавелся любовницей, что ли, и т.п. В течение обеда уже несколько раз заходила речь о почте, — ведь сегодня четверг, почта должна прийти. Она пришла, говорят, а потому после обеда все собрались к Кукелю пить чай и почту поджидать. Почта не замедлила явиться, — едет почтальон верхом, везет Кукелю письма и газеты. На почту все накинулись как голодные волки, впрочем, пищи оказалось мало — всего первый № «Дня», самый аккуратный. Прочие газеты (теперь должны получиться первые №№ 63-го года) не аккуратны, не прислали №№, а подписка послана заблаговременно. Зато письма содержат много интересного: Кукель должен ехать немедленно в Иркутск, дожидаться приезда Корсакова, который скоро будет, на его место — Шелашников⁸¹, на место Шелашникова — Клейль, на место Клейля — де Витте. Все это временно, до приезда Корсакова, — что за чепуха, куда же Жуковского, что за причины? Догадкам конца нет, — или Кукелем недовольны?⁸² Все просто озадачены, действительно, как

снег на голову. Вчера один приезжий говорил уже это, но прибавил, что Жуковский в военный совет, — это еще имело смысл, теперь... «Инкогнито проклятое», — ворчит Педашенко... перебирать стали и решили, что не следует думать, должен быть скоро, очень скоро курьер, все разъяснится, а то, пожалуй, как прокурор, что-нибудь будет думать, думать, а потом возьмет, да и помрет. Но все-таки все думают, думают.

Я уехал домой.

Кукель ходит по зале с Педашенко, о чем-то очень оживленно толкуют...

Я забежал на почту: «Есть письма?» — «Уже разосланы порядочно давно». Действительно, дома есть письмо от Саши о вечности вселенной⁸³. Родятся возражения, но ответ требуется пообдуманнее, теперь я его не в силах дать.

Я отложил письмо и поехал в клуб, — сегодня концерт Хомяка.

Хомяк ошибся в расчете, зал пуст, первые ряды заняты, очень немного вторых и несколько на 3-х местах, кто-нибудь брал десяток билетов и роздал урядникам и писарям. Впрочем, вольно же и было назначать ему высокие цены: 3 р., 2 р., 1р. «Общество», «гражданство» не пришло, да ему и не до музыки, — масленица, гуляют, веселей концерта. Концерт идет себе недурно. Наша сцена пошла в ход, только не знаю почему сняли декорации и оставили рамы, к которым они приколачиваются, и рамы украсили кинкетками по две свечи. Впрочем, зато есть и места на сцене, диван, кресла, ковер. Я подсел к пани Поплавской, проговорил все время. Рядом была Карякина, скоро она ушла... Мы остались на этой стороне вдвоем, лишь разделяет столб от рамы. Разговаривая, конечно, на ушко, под музыку приходится шептаться за столбом. Поплавская было оглянулась.

«Что вы так оглядываетесь?» — «А как посматривают дамы, что мы с вами совершенно одни остались на сцене».

Ей кажется, Ивашевская сделала какой-то знак. Поплавская, конечно, осталась. Она уже здесь поутвердилась, ей это в вину не вменится. Впрочем, и прийти-то обвинение в голову («все-таки неловко») может не более, как двум, трем личностям.

Кукель кончил играть с Хомяком 2-ю фантазию Львова⁸⁴. Педашенко сзади, что-то взволнован. Только что он кончил играть, как уехал. «Курьер приехал». Дам задержали потанцевать, осталось их всего 6, составили кадрили, даже мазурку... у меня голова трещит, я уехал.

Пятница, 8 февраля.

Ну, и курьер приехал, а вести самые безотрадные, — то, что вчера сказывалось предчувствием, то теперь оправдалось. Утром я получил записку от Кукеля: «Приезжайте, если можете, сейчас; во 2-м часу я еду». Один вид подъезжающего казака сказал что-то нехорошее; такого скорого отъезда, однако, я не ждал. Кукель ходит по зале с каким-то купцом; по разговору, по усмешке видно что-то нехорошее. Я пошел в кабинет. «Здравствуйте, П.А.», — и Дмитрий такой грустный, — «вот опять один остаюсь в доме». — «Разве Болеслав Казимирович не надолго едет?» — «Нет, кажется, совсем». Беспорядок, укладываются. Пришел Кукель. «Ради Бога, извиняйтесь перед всеми, что я ни у кого не могу быть, видите, как скоро еду». — «Да вы скажите, хорошо или дурно». — «Как вам сказать, трудно, хорошего ничего не может быть. Курьер привез официальное предписание немедленно ехать в Иркутск и дожидаться дальнейших предписаний. Частные письма намекают, что что-то неладно, политические дела». «Больше говорить нечего, очевидно; донос по милости Жуковского». Кукель взволнован, — жена теперь

в какой тревоге. Да, это, по-моему, главное. Прочее же не так страшно, как кажется. С другой стороны, донос в политических делах (потворство политическим преступникам) примется на слово, а Жуковский сам говорит, что в политических делах нет закона... «Я бы себя считал счастливым, если бы все это кончилось предложением выйти в отставку; фактов, впрочем, никаких нет, но в политических делах нет закона...»

Надо видеть, как вытянулись все лица. Поздороваются, и помолчат, и долго молчат. «Да, батюшка, вот и толкуйте с этими подлецами», — и т.п., только вырвется у кого-нибудь.

Я заикнулся Малиновскому про репетицию, что, конечно, ее не будет; надо известить, когда. Порешили, что лучше совсем театр отложить (не до театра-де теперь), если дамы согласятся. Все грустны, помалкивают, только крепче на прощание жмут руку Кукелю.

Грустны были проводы Кукеля, и грустны не для него одного, — на всех почти лицах была заметна грусть. Провожать его поехали почти все, составляющие «общество» (не «обществу»). Правда, в этом было и желание прокатиться, но главная причина — вообще увлечение в его пользу. Грустно, скверно. Я чуть не расплакался, прощаясь с ним. И после того я остался с Лишиным. Лишин у окна смотрел на уезжающих и ходил по столовой, пока все не уехали. Лишин еще сидел у окна. «До свидания, Александр Андреевич». Он крепко сжал мне руку, потянулся поцеловаться, у самого глаза влажные. Что это, Александр Андреевич? Что заставило так крепко поцеловаться? Во имя Кукеля.

Суббота, 9 февраля.

Проводы оказались скорее веселы, чем грустны; впрочем, надо сознаться, у многих веселость была напускная. Поехали, кажется, 13 троек; на 1-й станции обедали

(я передаю это по рассказам) и уже за обедом несколько подпили. Потом подбавляли. Ивашевская, Поплавская, Рик в один голос говорят, что чувство, вынесенное ими от Ключевской станции, близко к омерзению. Пившие дамы (ездили Лилины, эти три, Подгурские) остались ночевать и приехали только сегодня утром; другие выехали в ночь и были здесь в три; выехавшие в ночь хорошо сделали; оставшиеся должны были слушать веселые песни, топот от пляски и проч. Под влиянием вина они уже черт знает что выделявали, отделившись в другой комнате, в ямщицкой.

Педашенко оставался...

Кукель уехал в 11 ч. совершенно убитый, растроганный, — это до крайности впечатлительная натура, и он рисует себе все в самом дурном свете. Он обещал при-
слать эстафету с известием, как дела.

Сегодня утром познакомился с Горбачевским⁸⁵, одним из декабристов, оставшихся в Забайкалье. Он живет в Петровском заводе и теперь выехал прокатиться по совету докторов. Он остановился у Завалишина (между прочим, они на «вы»; Завалишин, говорят, не был любим своими товарищами, он чуть ли не фискалил что-то). Горбачевский среднего роста, оброс бородой, лицом, вернее бородою, немного напоминает Адлерберга 2-го⁸⁶, только лоб очень высокий и крупный. Только что я вошел и был ему представлен, как он особенно дружески принялся говорить со мною. Я привозил ему посылку (карточки декабристов) от его племянника Квин. К. писал ему обо мне, что вот-де человек едет в такую глушь, вот-де решимость. Горбачевский говорит мало, больше слушает, зато трещал Завалишин. Он не умолкал просто, пересыпал анекдота-

ми, рассказывал про сплав (как место сплава постепенно подвигалось с Атамановской до Сивакова), все это по поводу статейки, помещенной об Амуре в «Московских Ведомостях», где говорится про точность Корсакова в его 20-дневном путешествии по Амуру, когда он на просьбы о хлебе предложил по генеральской замашке: «А где же мне взять? Ешьте камни». И, когда был голод на Уссури, не хотел взять на свой почти пустой пароход 300 пуд<ов> хлеба для голодных станиц. Впрочем, я скоро должен был уехать, да и Горбачевский собирался ехать в завод, а в Чите побыть уже на обратном пути. Припоминали также, как в проезде Михайлова у него были Кукель, Педашенко и вечером просидели, читали* и потом все это было известно Жуковскому, — через кого, черт знает, верно, через почтовых служителей. Говорят, что все, дававшие ему обед в Тобольске, отданы под следствие⁸⁷. Черт знает, что творят!

Чита. Воскресенье, 10-го февраля.

Ну, что за уморительный климат? После всех этих морозов, доходивших до -38° , вдруг в два дня погода совершенно переменялась. Сегодня так тепло, что я решился ехать даже без башлыка, в кэпи, — до такой степени тепло на солнце. Ветер хотя и довольно силен, но теплый ю<го>-з<апад>ный. После 4-х часов я вывешивал термометр на дворе у окна. Он показал (провисевши 1/2 часа) -1° . На солнце снег весь сошел. Я не мог утерпеть и целый день, вернее, утро рыскал по городу, заезжая то к тому, то к другому, без определенной цели. Выезжая от Рик, я встретил ее в санях на тройке с Мил. и Лишиным. Рик к кричит мне: «Я была у вас и не застала. Приезжайте вечером к Н.А.». Потом попался Лишин: «Я заезжал к нам с Е.К., подошли к двери, висит за-

* Пропуск в подлиннике.

мок, она хотела зайти к вам посидеть, а вечером звали к себе».

Нет, я не в состоянии писать: такие вечера (тяжелые?), чтобы они часто повторялись, я был чуть вне себя.

Понедельник, 11 февраля.

Я заезжал еще и к Ивашевским, и к Лишину, и домой, лишь бы побыть на этом чудном теплом воздухе. Обедал, конечно, в собрании — никого нет, зашел Пауль. «Фу ты, черт возьми, какая тоска, куда ни сунешься! Не знаешь, куда деваться!» Это не от него одного я слышал: отъезд Кукеля таким же образом подействовал на многих.

После обеда улицы Читы удивительно оживились. По Большой улице взад и вперед разъезжают несколько экипажей: вот сани тройкой с колокольчиком и бубенчиками; вот бричка с невыносимым треском и звоном несется на паре косматеньких лошадок; небогатый жид запряг пару лошадей в тарантайку, состоявшую из глубокого ящика на оси, оглобли длинные, а ящик до того глубок, что от сидящих в нем 2-х женщин видим только головы в красных клетчатых платках. Чтобы не отстать от своих подруг, жид надел красную феску. Между этими всевозможными экипажами, в числе которых оказались дрожки контр-бас, которых до того никогда не случалось видеть, и какие-то необыкновенные брички, шныряют бурятки и мальчишки верхом. Они несутся во всю конскую прыть марш-маршем на своих крошечных лохматых лошаденках, шныряют между экипажами. Около двух часов продолжалось это катание. Да, забыл, интереснее всех был следующий экипаж — сани, очень небольшие, запряжен бык; в санях жидовка, недурна собой. Около саней идет старый жид и погоняет своего вола; за санями следует несколько детей. После того, как катанье утомилось, идут прощаться со своими родными.

Мы собрались хоронить масленицу у Ламина, проводить вечер. Я благодарил свою милую сестричку за то, что она заходила ко мне. «Да, я сегодня с В.В. разъезжала по знакомым, — звать их сегодня вечером, и оставалась в коляске, а к вам я хотела зайти. Я была у Соколовского, рылась у него, перерыла все, и еще хотела у вас, — 2 квартиры, на которых мне хотелось быть». Как только я входил, Ламин меня встречает: «А, ну, слава Богу, вот первый; а то барышни на меня взъелись: говорят, что я делаю вечер и никого из молодых людей не будет». Это требует маленького разъяснения. Ламин — купец, один из первых, начавших торговать по Амуру, построивший себе зимовье на том месте, где Михайло-Семеновская станица, следовательно, хорошо выбрал, — теперь это одно из лучших мест. Но господин этот, во-1-х, страшный плут, во-2-х, необразован и к тому же страшно мужиковат в манерах и в разговорах с женщинами, никогда ни в чем не стесняется; в-3-х, страшно ревнив, говорят, когда-то он бил свою жену страшным образом; может быть, и теперь, т.е. в нынешнем году, ей иногда доставалось. Бывали такие случаи, что она бросалась к окну, кричала «караул», звала на помощь и т.п. Впрочем, говорят, на другой же день их встречали у Юдина, выбирающими какую-нибудь (кстати, весьма недорогую) материю и вполне заключивших мир. Вот какой человек Ламин, известный под именем Ваньки, Ваньки Каина и т.п. именами. Он постоянно толкует про монтеров; моншер — это ухаживающий за чужою женою господин. Монтеров, между прочим, он делит на несколько разрядов: петербургских (Лишин, Ивашевский), московских, коломенских (это Миряев, удачнее прочих, с треском моншер, чтобы не сказать с треском болван, господин, ухаживающий, лишь бы говорили про его успехи, завидовали ему, глуп до чрезвычайности; инженер, занимающийся здесь постройками, промотавший казенные

деньги и теперь страшно запутавшийся). В последнее время с Ламиным случилась перемена и перемена сильная. Рик сдружилась с Ламиной; у нее отвратительная квартира, дурак муж и т.п.; она дома почти не живет, проводит время по большей части у Ламиной, у нее и ночует и т.п., с Ламиным постоянно катается и имеет на него самое благодетельное влияние, — все замечают, что Ванька сделался совсем ручной, зовет к себе других, возится с детьми, с женой обращается гораздо лучше. Что, полюбил ли он Рик, или это сочувствие, дружба, — не знаю, не задумывался над этим и не делал своих наблюдений. Вот факт, и факт тем более интересный, что Рик всего 17 лет, ни капли умения жить, ни капли знания людей.

Между прочим, я разговорился с Ламиным о сроке ярмарки; конечно, коснулись и амурской торговли; отчего, например, не сплавляют по Амуру, чтобы отправить в Шанхай, дерево, лес, масло (доходящее до 60 р. пуд, кажется), кур, — все это будет там продаваться с огромными барышами. Ламин начал рассказывать про препятствия, которые встречает каждый торговец в Николаевске, например, приходят 2 судна: одно получает разрешение идти на Камчатку, другое — нет; одному помогают, чтобы уйти и снарядить судно, другому не удастся это; американцы (как зовут всех иностранцев) приходят, зная свои законные права, а наш брат ничего не может сделать, — произвол, крайний произвол во всем, все зависит от правителя дел. Например, Мокеев нанимал за 500 р. Вебера (из поляков ссыльных, что ли?), чтобы тот только назвал груз своим и в силу протекции мог отправить его. Это даже было так удачно сделано, что Ламину велено сгрузить свои товары, а это судно зафрахтовывает Мокеев через Вебера. Не знаю, насколько это верно; знаю только, что много подобных вещей приходилось слышать от разных лиц; тут же был Ухтомский и поддакивал. Далее, напри-

мер, по жалобе доверенного Лосева, вдруг Казакевич шлет пароход навстречу идущему вниз по Амуру Ламину, взять его и привезти в Николаевск. В это время в верхних станицах голод страшный, и нет пароходика, чтобы послать им хлеба. Затем дело объяснилось, и Ламину всевозможное содействие и т.п.

А вот, например, операция закупа хлеба из Фин(?). Это, действительно, было выгодно купить, — привезти и за недорогую цену. Но надо было приготовить пристани, — этого ничего не было, сгружаться невозможно, судно продержали лишнее время, платя по 600 р. в сутки, и, наконец, прямо сгрузили кули на воздухе под рогожными навесами. Хорош будет хлеб. Говорят, что он прорасть начал. И много, много подобных распоряжений.

«И вот, батюшка, таких людей держат, а вот как Болеслав Казимирович, — так не годится». Впрочем, курьер, привезший отозвание Кукелю, привез пакет и Казакевичу, может быть, тоже отзывают. Но главное то, что все делается не за пакости и мерзости (о которых Константин Николаевич должен знать через Мак.), а по какому-нибудь бегству Бакунина.

Сегодня приехал один офицер из Петербурга. Он выехал довольно давно, следовательно, новостей не мог привезти из тех, которые всех здешних интересуют, зато вот что он рассказывает: Жуковский его спрашивает: «А что, тех новостей не слышали вы в Петербурге, говорят, что в Забайкалье бунт»⁸⁸. Потом: «А что говорят в Петербурге, за что отзвали Кукеля?» — и при этом мерзко, подло улыбается... Прибавлять нечего...

Между прочим, он рассказывал, как все переменялось в Петербурге с тех пор, как он там был, вольности какие.

Но интересно узнать было, по крайней мере, следующее: что городских из гвардейских унтер-офицеров натыкано везде по-прежнему много; что в гостиницах везде боятся говорить громко о чем бы то ни было «политическом», — такие разговоры ведутся, держа под носом газету; и третье, следующее, он пошел гулять по бастионам, будучи в Петропавловской крепости, в тех местах, где не сидят сколько-нибудь серьезные преступники, а там, где позволено гулять. Его пропустили, за ним пошел какой-то штатский, на которого он не обращал внимания. Когда он намеревался уходить, его попросили к коменданту. Он — формалист, стал отговариваться тем, что не в форме. «Ничего, пожалуйста, как есть». Комендант спросил: «Зачем вы тут гуляли?» Но, посмотревши, что это за господин, да Забайкальского казачьего войска, сказал ему: «Ну, вы, я вижу, что приходили без всякой цели, а впрочем, советую лучше впредь не гулять тут, а то можете и остаться». Все это в порядке вещей, — либеральные реформы иначе и не делаются.

Вторник, 12 февраля.

Сегодняшний день мало интересен, разве только потому, как пересказывала все новости М-те*... или как Ворожцов объявлял, что так как во всяком общем деле, где он участвует, все идет плохо, а потому, когда он откажется, все пойдет лучше, а вследствие этого хотел отказаться от комиссии, да его жена выходила из себя за то, что он уморил Па<нину>, что это Калмыков-де сосплетничал. Впрочем, это совершенно справедливо. Надо сказать, что у нее были очень трудные роды-двойни, из которых один ребенок вышел с большим трудом, другой застрял — и умер там. Ребенок умер, и дело было ясно, так как у него сделалась там гангрена, зловонье распространя-

* Фамилия не разобрана.

лось страшное. Но Ворожцов, призванный лечить, не решился резать и вынимать его. Наконец Калмыков, за отсутствием мужа, уже пригласил Подгурского и предложил ему сделать операцию. Но было уже поздно, — Подгурский сделал операцию тогда, когда уже ребенок мертвый пробыл в утробе 3 дня, мать заразилась — гной стал всасываться в кровь, и у нее сделался тифус. Тотчас после операции ей сделалось значительно лучше, и она, приговоренная к смерти, прожила еще с неделю, но совершенно слабая, она не выдержала тифуса и умерла. Вот каковы докторишки.

Еще вот интересный вечер у Поплавских. Я в 6-м часу приехал к ней, привез книгу (Тургенев, т. 4) и остался на весь вечер. Был Педашенко. Он принялся читать «Разговор на большой дороге» Тургенева⁸⁹. Я предложил пани удалиться в соседнюю комнату и там кончить начатое «Дворянское гнездо». Таким образом, в двух комнатах шло чтение. Пришли Брун, Лисовский, Андреев, Кроль, Смирнов; чтение не прерывалось, и таким образом читали долго после чаю и закуски, до 12.30 часов. Это тоже довольно характерично.

А вот для характеристики торговли. Во всей Чите нельзя было найти* ...чернил, а также записной книжки вроде этой, а также большого труда стоит найти писчей бумаги.

Пятница, 15 февраля.

Вчера было заседание комиссии⁹⁰. Члены стали собираться крайне неаккуратно, например, в понедельник заседание не состоялось, потому что в 8-м часу собралось только 8 человек. Вследствие этого я напечатал

* Одно слово не разобрано.

и разослал членам объявления, напоминая, что предстоит решить 4-й вопрос о том, какие учреждения и должности надлежит учредить для управления городом⁹¹, и поставил большими буквами, что заседание в шесть часов вечера. Намек был понят, и в 7 часов вечера вся комиссия была в сборе. Надо сказать, между прочим, что комиссия была составлена Кукелем не совсем так, как ей должно быть по циркуляру министра: он предложил обществу самому выбрать депутатов, а не составлял комиссию сам от себя, как предоставлено циркуляром. В комиссии 24 выборных. Ну, на первых порах члены стали собираться особенно усердно; нужно было составить сведения о населении, — все это сделали тотчас же; Ламин даже особенно возился со своей работой, — видно, занимала. Потом стали охладевать, и, наконец, депутатов пришлось собирать уже насильно. Впрочем, явились все с веселыми лицами. Я прочитал программу. Молчание. Надо было завязать разговоры. Ну, общая дума, иные не так поняли, стали разъяснять, затем явились люди (первый Гомелло), оспаривающие нужность общей думы. Явились и противники им. Споры начались поодушевленнее, спорили очень много. Гомелло все ораторствовал о том, что если в Петербурге на 250 тысяч населения 250 гласных, то нам на 3000 довольно 3-х, и т.д. в этаким роде, да где вы найдете 25 гласных. Его оспаривали из мещан Игумнов, разночинец Каргопольцев и т.д. и доказывали довольно обстоятельно.

Есть еврей Либерман, тот все выпросит и пойдет толковать, а подойдешь к нему, он замолчит, хитро выглядывает, а потом скажет: «Как другие, я ничего, согласен». Много переливали из пустого в порожнее, но полезный результат все-таки был. Понятие о двух думах выяснилось, выяснилось и значение гласных и т.п. Наконец, порешили и пришли мне сказать, вот-де, так и так; снова

я стал опрашивать, так ли, не лучше ли так и т.п. Наконец, порешили, и надо будет написать проект ответа на 4-й вопрос. Долго, уже после того, как кончилось заседание, толковали еще о том, чтобы положить жалование голове. Не знаю, но кажется, и мещане согласны положить также жалование голове и 2-м его помощникам, членам распорядительной думы. Вообще, комиссия принесет пользу, хотя бы теми толками, которые она возбудила. Но и тут сказалась бюрократическая наша натура — не могли не наделать постановлений в наказ, по которым выключать депутата, если он не будет на 2-х заседаниях и не уведомит председателя о причине, которая помешала ему быть. На этом основании пришлось выключить двоих, но, впрочем, хоть то хорошо, что никому до них дела нет, а выключенный Мокеев посещает теперь заседания исправнее других, а теперь я даже и не стал записывать, кто не был, — покойнее, а записывать бесполезно.

Сегодня все утро писал, вчера весь вечер тоже — надо было кончить описание выставки, а лень кончать. Какая охота писать про вещи, про которые не знаешь, что писать, и тут много приходится ограничиваться пустыми фразами. Вечером сидел с Ивашевским, мы с ним делились нашими данными, так как у него есть многое, собранное для статистического описания. Я удивлялся тому, что узнавал от него о выставке, а главное, серьезные сведения о городском устройстве. Потом я был у Поплавских. Рик опять говорит: «А мы катались, хотели заехать к вам, но не знали, думали, что вы нездоровы». Действительно, вот уже 5 дней, как я ее не видел. Милое создание, но сгубит ее жизнь. Ее положение ужасно, безвыходно. 18 лет, муж, которого она не любит, да и любить не может, а тут

подвернется монтер какой-нибудь покрасивее, вроде Ми-
ряева, которому нет дела до женщины, до ее положения
впоследствии, лишь бы теперь заставить ее ему...

Бедная женщина! А славное могло бы из нее выйти со-
здание — свое у нее так хорошо, это говорю не я один,
а даже женщины, которые могли бы по зависти говорить
противное. Другие, впрочем, и говорят, но те, которые ее
знают, этого не скажут.

Пора спать. Уже третий час, петухи поют; которую это
уже ночь приходится несколько раз слышать их пение?
Не знаю отчего, но я очень люблю их пение, ночью осо-
бенно звонкое; в эту пору оно, вероятно, соединено с ка-
кими-нибудь приятными воспоминаниями утра в дороге,
кажется, как смутно является в воображении теперь.

Чита. Понедельник, 18 февраля.

Третьего дня был я у Поплавской, читал ей «Дворян-
ское гнездо» и просидел весь вечер. Поплавская, между
прочим, показала мне одну бумагу начальнику Забайкаль-
ской области из военного министерства. Бумага замеча-
тельная: во-1-х, в ней требуется отчет от генерал-губерна-
тора. В Сибири, в суммах, израсходованных безотчетно.

Муравьеву было дано 700 тыс. р., отчет имеется толь-
ко о 290 тыс., про остальные ничего не известно. Конеч-
но, никто не заикнется, чтоб Муравьев себе их взял, но
расходовал он их решительно без всякого отчета, разда-
вая своим любимчикам, выдавая награды лицам, вовсе
их не стоящим, — Гвоздеву, топившему сплавы, и т.п.
П<едашенко> говорит, что отдать отчет в этих суммах
решительно невозможно, а потому придется, пожалуй,
поплатиться за это и Кукелю и Корсакову. Но, главное,
это тон бумаги — тон замечательный: выражения отдель-
ные показывают, что дело очень скверно может кончить-
ся, — требуют отчета: «Иначе я принужден буду просить

высочайшее соизволение на командирование чиновника для обревизования», — и т.п. Поздно хватились за ум, — не надо было давать человеку столько власти, оказывать такую безграничную доверенность, а оказывали — так не взыскивай, что он не оправдал. Не мудрено было ему увлечься, особенно такой личности, как Муравьев, который ничего не жалел, лишь бы достигнуть своей цели.

Мне жаль, страшно жаль бедного Кукеля. За что заплатился этот человек? Он теперь, несчастный, похудел, жена заболела, все рушится одно за другим; ведь нападет же такая полоса, что одно за другим будет рушиться на несчастную голову.

Бедный! Еще более жаль его, что знаешь, что при этом жена убивается. Она же такая впечатлительная, даром что с первого разу покажется такая холодная. А какой это человек! Сколько перешло от него денег бедным, сколько небогатым чиновникам, выданных в виде пособия, а по-настоящему из его денег. Когда он ехал, крестьяне выходили на станции, на большую дорогу посмотреть, что это за человек, что жмет руку нашим старикам, нас выслушивает.

Вчера я был у Ламина. Он рассказывал, жена его подтверждала, Ухтомский тоже, — о том, что делалось на Амуре в 1856, 1858 гг. Если верить, то голод был таков, что ели людей по жребию, не говоря уже об умерших, из которых съели одного (умершего) юнкера...^{*} говоря, что дворянское мясо-де лучше, надо попробовать. Голод доводил многих до безумия. Ламин рассказывал, как он встречал едущих с постов вверх по Амуру; так как на посту было есть нечего и мерли дорогой; как один несчаст-

^{*} Пропуск в оригинале

ный, уже выбившийся из сил, был выручен им от верной гибели. Три дня шел он совершенно изнеможенный, и за ним следовал волк; три дня он не спал и не ел ничего. Раз попались люди, кипятившие воду, чтобы варить в ней подошву. И много было таких случаев, и из первых переселенцев не мало погибло на великой плодородной реке, и много вернулось, как только было позволено возвратиться. Теперь Амур не таков, — «жилем пахнет», как говорят.*

* На этом кончаются дневниковые записи 2-й тетради. Через страницу записаны строчки из «Фауста» Гете:

Erhabner Giest! Du gabst mir, gabst mir Alles,
Warum ich bat. Du hast mir nicht um sonst
Dein Angesicht im Feuer zugewendet.⁹²

Затем — стихотворение Г.Гейне «К Лазарю»⁹³:

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!
Отчего под ношей крестной
Весь в крови влачился правый?
Отчего везде бесчестный
Принят с почестью и славой?
Отчего? Иль силе Бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами? —
Это подло и преступно!
Там мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно,
Не заткнуть нам рта землею...
Да ответ ли это, полно?

Далее помещен рисунок избы и еще раз переписано стихотворение А.С. Пушкина «Когда б не смутное волнение...». (см. запись от 3 июля 1862 г.) Потом две страницы в тетради пропущены и идут следующие записи: «По прошению Кяхтинского купца Бабкина с Пемыловым. В описи не значится»; «у брата 2 сына, 10 и 8 лет, они разделились»; «По взысканию с Пемылова 167 руб. 23/VII поступило. Написано засе... (неразб.) 28/VII, 423 17/VIII получил обратно; 10/VIII отправлено в волостное правление, которое сейчас распорядилось»; «Константин Афанасьевич Болдаков не поставил еще с прошлого года казенного пров<ианта> 228 пуд. 20 ф., который должен был везти в Читку, и дан ему был общественниками (контракта нет). В Чите разузнать и, если можно, взыскать». «Прописанный Янкель Меркель жалуется, что с него взяли податина прошлой недели 9 р. 41 к. за сына его, Хана Меркеля, крестьянина, по объявлению ему о податях, присланному в июне месяце (м.п. говорит, что есть манифест, что кантонист не платит до 20 лет). У них мальчик 13 лет». Эта запись зачеркнута и помечена П. Кропоткиным: «Так и следовало».

ТЕТРАДЬ № 3

Чита

с 18 февраля по 30 апреля 1863 г.
и 26 мая.

*Чита. Понедельник, 18 февраля 1863 г.*⁹⁴

Я только что из комиссии о городском устройстве. Ефимов просто вывел меня из себя, — черт знает, что за господин! Во-1-х, это личность, до чрезвычайности напоминающая своей счастливой наружностью Собакевича. Он здесь прокурором, но на этой прекрасной, независимой должности он ничуть не приносит той пользы, которую мог бы принести. Его заел закон, — на нем он помешан и дальше буквы закона не пойдет. Я мог бы тут рассказать один случай, где он оправдывает полицию, самовольно вызвавшую поселенца или мещанина, и несмотря на то, что сама подтверждает, что с его стороны не было ни малейшего покушения на побег, заковала его и отослала в Верхний Земский суд в кандалах. Он это оправдывает 2-мя статьями закона, говорящими, что кандалы принадлежат к разряду телесных наказаний, хотя тут же есть статья, определяющая, когда могут быть употреблены кандалы. Сердца, конечно, нет, а без этого никакие законы не помогут. Он принялся протестовать против заявленного мною желанья, чтобы переселенцы, не имеющие права голоса в собраниях, имели хотя бы своего представителя в общей думе, чтобы он мог заявлять об их нуждах, защищать хотя их интересы, не давая на них накладывать тяжелых налогов, если не в массе, то на отдельные ремесла. (Здесь из 178 ремесленников 106

поселенцев.) Он, ссылаясь на то, что их защитник эксп<е-
диция> о ссыльных, настаивал на том, чтобы они имели
члена от короны. Это меня взбесило. Да, мы имеем право
просить о своих нуждах, так будем просить о том, чтобы
им дали иметь представителя, хотя и без голоса, но ко-
торый излагал бы перед думой их нужды. Затем он стал
перебирать мои фразы, я остановил его, и так далее. Вот
какие господа тормозят всякое дело, внося свою мертвя-
щую заразу во все и занимаясь, между прочим, не делом,
а постановлениями об исключении членов, не извещаю-
щих записками, что не могут быть. Впрочем, надо сказать
к чести остальных членов, что прокурор все-таки остался
без поддержки. Я едва пишу; несколько ночей не доспал,
и потому довольно.

Я просмотрел тут про прокурора. После он еще лучше
наделал. В последнее заседание комиссии явился с про-
питом. Вывел все статьи законов, как следует, что-де по-
селенцы лишены всяких прав, лишены даже особенных
прав; он особенно напирал на это последнее обстоятель-
ство. «Ну что же вы желаете, поправки?» Поднялся спор:
к чему поправки. Нет, некоторые поддались на мнение
прокурора. «Законы, мы чего? Как по закону, так и мы». Особенно
горячились на эту тему Гомелло, писарь Ефи-
мов, один чиновник (Беляев) и 2-3 из мещан поддакива-
ли. «Что ж, мы, вот, не знали, а как по закону; так и мы».

Пришлось снова собирать голоса. Слава Богу, прошло
без поправки. Шумов, мещанин, особенно горячо рато-
вал. Мы-де подадим особое мнение. К нему присоеди-
нилось еще несколько человек: председатель Замошников,
Красильников⁹⁵, может быть, еще кто-нибудь. Шумов ин-
тересная личность, — он не глуп, читает газеты и еще кое-

что, получает «Сын Отечества»⁹⁶ и берет газеты и журналы у других; он прожектер и, как все прожектеры, не большого практичен. Лучшая мечта его — скопить денег и переехать на Уссури, сперва в Благовещенск, оттуда съездить высмотреть все, устроиться и перевезти свою семью. Впрочем, в комиссии прокурор протестовал еще против просьбы о праве быть избирателями мещанам, перешедшим из поселенцев по манифесту 1856 г. Тут тоже пришлось по голосам перебирать. Все уже начали беситься, личные интересы и самолюбия примешались, конечно, пошло все чертом. На жаловании снова сцепились; кончилось тем, что порешили жалование давать только десятникам да базарному старосте, — пользы мещанам будет от этого слишком мало. Ссылаясь на то, что их десятники будут получать жалование, мещан будут выбирать и в гласные, и во все нелегкие, а гласным да голове без жалования плохо будет. Стал я составлять протокол, чтобы тут же подписать: составил, прочел. Прокурор уже порядком был взбешен, я тоже злился на него по поводу необыкновенного, лишенного всякого здравого смысла возражения; я с ним сцепился, он мне заметил, что я тут производитель дел и не имею права с ним говорить, а сам завел со мною речь; я огрызался, прокурор ушел. Вообще вся наша неспособность выказалась вполне. И я не прав, начиная с ним спорить, но коли я сначала же так был поставлен, коли они сами же ко мне обращались с возражениями, чуть не как к посреднику, — «не так ли, князь?» — коли я сам же проводил целиком какой-нибудь вопрос, — как же было тут не спорить? Впрочем, это ничего, — без этого не бывает, иначе бы пришлось вести глупую и молчаливую роль исполнителя глупостей, а это уж больно плохо; лучше же хоть сделать дело, а там ничего — этакие заметки, тем более, что, может быть, один Гомелло подумал, что прокурор прав. Да, Гомелло,

тот лучше сделал; тот в другой комнате, не во время заседания, заметил мне: «Да не понимаю, право, чего вы тут спорите, — вы не гражданин Читы наконец, вы тут и права голоса не имеете, вы производитель дел!» — точно сговорились. Этого я отделал так, что он сам не раз был, что сказал, — в собрании за № газеты я не производитель дел, и вы не член и т.д. Он только ниже стал кланяться да руку протягивать. И черт знает, — и я ему протянул; это было на пиру у Поплавской, — как-то весело мне было на душе, не хотелось отвернуться, когда человек протягивает руку: «Христос Воскрес!» Воспоминания детства все-таки сильны, — не даром же Фауст отнял кубок с ядом от своих губ при звуке колоколов на Пасхе. Наша веселая молодая компания провела свое время на Пасхе весело-весело, если бы не слезы, не злость на бессилие, не отчаяние, — да, и оно подчас являлось.

Суббота, 20 апреля.

Приехал Д<адешкилиани> из Иркутска. Кукель успокоился, — его дело лучше, но здесь он не останется, само собою, старое порвано. Корсаков едет скоро, 29-го, что ли, он будет здесь. Вот человек выказался во всей подлости! Теперь, когда все замаслилось, он пишет Кукелю, чтобы тот взял себе на рассмотрение новое казачье положение, а 2 месяца продержал человека в полной неизвестности, что с ним хотят сделать, за что и в чем он виноват. Дело разъяснилось, — оказывается, что поступила куча доносов. Завалишин играет видную роль, только он уже ничего в покое не оставил, — ни злоупотреблений, ни домашней жизни. Кукель ничего не делает, в карты играет. Карпов⁹⁷ женился на содержании Муравьева, чтобы выслужиться и т.п. В Петербурге назначили комиссию, чтобы расследовать все это. Пока она занималась расследованием, государь не говорил, не замечал Корсакова;

тот, верно, шлялся по передним, пока дело не разъяснилось. Корсаков оправдан, надо полагать, и за Кукелем не нашли ничего особенного. Теперь Корсаков едет и ждет вдогонку производства, которое, вероятно, будет 17-го, и ему дадут о том знать по телеграфу в Омск.

Д<адешкилиани> рассказывает кое-что про Иркутск.

Пустота тамошней жизни замечательно бросается в глаза, — вся молодежь рада бежать теперь «хоть свиной пасти», как он выразился. Зато Жуковский и Вакульский⁹⁸ разгуливают на свободе. Вакульский полицеймейстер. Он обложил кабаки данью по 25 коп. с ведра (ведер выпивается должно, по расчету, гораздо более 10000). Он это гласно рассказывает везде, выставя в этом выгодность акцизной системы для полиции. Про это многие, многие уже говорили. Д<адешкилиани> в собрании сказал при большом собрании акцизных чиновников, что он удивляется, как низко упало в грязь их новое учреждение⁹⁹, и обвинял их в этом. Напр<имер>, говорят, полиция обложила по 25 коп. с ведра, но полиция не вправе опечатать кабак, теснить хозяина, если акцизный чиновник будет честно действовать против этого. Вакульский тут был, он подошел. Он стал говорить, что он может теснить, прижимать, так за это резонно брать; наконец, он объявил, что ему «разрешено» брать. Тогда Д<адешкилиани>, опираясь на сотню свидетелей, спросил у Жуковского разъяснения, — так ли, разрешено ли? Разрешить мог только он да Щербатский¹⁰⁰, иркутский губернатор. Что же Жуковский? Увернулся — нет, не до меня касается, я тут временный и т.п. Говорят, несколько человек писало об этом в разные газеты. Посмотрим. Хорошо общество, нечего сказать! И оно его терпит, везде принят, даже обеды делает, и посетители есть, поздравляют с производством.

А вот еще случай. Один мещанин не заплатил должной платы. Ему не отпустили вина из казны. Он выставил над

своим кабаком: «Продажа прекращена по случаю неотпуска вина из казенного склада». Его потянули в суд, таскали, — не с тем ли намерением сделал, чтобы вооружить народ против правительства. Жуковский был в своей сфере... Нечего было делать, — мещанин откупился тремястами руб. И все это знают, все повторяют, и все кланяются Вакульскому.

Рассказы про «Иркутские Епархиальные Ведомости» тоже великолепны. Там черт знает что творят, просто перебесились. Наир<имер>, ехали Жуковский с архиереем по площади, где построены качели и балаганы для народного гуляния. На этой площади церковь, и невдалеке две другие. Вот в «Иркутских Епархиальных Ведомостях» появилась проповедь, где говорится народу о том, каковы блюстители его нравственности. Вот они говорят, что если прекратить это «идолобесие», то разврат будет тайный и народ будет проводить время на праздниках за вином и за развратом. Вот что взводят на тебя блюстители твоей нравственности, добрый православный народ. Щербатский говорит: «Кто же это блюстители нравственности? Административная власть? Следовательно, это возбуждение народа против властей?» Написали к жандармскому штаб-офицеру, чтобы он потребовал объяснений от редакции. Чем кончилось, — неизвестно. Через несколько времени появилась благодарность от «православных» за то, что начальство снесло балаганы на площади, где они заглушали своим «идолобесием». Говорят, намерены потребовать от редакции объяснений, кто такие подразумеваются под именем православных, а то это относится до всех.

Третьего дня был я в Сивакове. Два дня тому назад лед тронулся на реке, воды совсем почти не прибыло, да и откуда ей было взяться — дождей и снегу не было, лед весь понемногу растаял, вообще сплавщикам придется повозиться со своими баржами.

Вчера спускали баржи¹⁰¹. Воды так мало, что против прошлого года аршина на два меньше. Работы много для спуска, и три партии по 25 человек и, кроме того, рабочие могли спустить только в целый день, работая очень много, 12 барж; почти подо все (9 из 12) пришлось подводить двойные слюзы¹⁰². А. Малиновский, который едет с первым рейсом в Николаевск, Волков и я спускались на одной барже. Ощущение довольно приятное; особенно, когда 13-саженная баржа разом грохнется с поддерживающей ее талки¹⁰³ на слюзы и скользит по ним с постоянно возрастающей скоростью, пока не грохнется об воду и разом не остановится поднявшимся валом. Зеленоватый вал во весь борт (они спускаются бортом) встает аршина на два, и потом уж баржа тронется и пойдет по воде, удерживаемая канатом. Работа кипит на расстоянии почти версты; на ту сторону переводят баржи, тянут их, и рабочие в лодках, никогда не бывшие на воде, никак не могут переправиться. Сброд народа в Сивакове замечательный; интересно слышать, как вечером Разин (он там начальник) говорит: «Да смотри, не зевать, отмечать мне прибыль и убыль людей, беглых отмечать». Это нипочем здесь, важно не то, что человек бежит: дело не в побеге, — это вещь обыкновенная, а чтобы на довольствии не числить понапрасну: раз пропустят, он и будет числиться несколько времени, пока не хватятся. Какая там возня! И воды нет! И хорошо, если на будущий год будет вода, а кто знает, — весьма вероятно, что ее не будет и еще год. Вообще, убыль воды непременно должна быть: в хребтах вырубают леса, следовательно, уменьшение воды постоянное. А теперешние палы? Все леса выжжены, — снег ли, дождь ли, все успеет высохнуть. Количество падающей атмосферической воды постоянно должно уменьшаться, — интересно бы было делать наблюдения над этим. Вообще, дело принимает довольно серьезный обо-

рот. На Амуре у крестьян хлеба нет, да и можно ли им сеять, когда кругом тайга, надо расчищать леса, да какие! Малиновский говорит, что на Амуре пашни бывают, ну, с небольшую комнату, и таких несколько клочков, или распахано около деревни на очень небольшом пространстве; общество же сообща не работает, а оно могло бы выкорчевать пни сообща и приготовить хоть 30 десятин ежегодно. Но всякому предоставлено думать о себе, и вследствие этого землепашество на Амуре развивается очень туго. Хлеб необходим, а как его доставить? Нет и нет воды. Замечательно сухо; вот целая весна, да что — с середины февраля или с начала марта, смело уже можно сказать, выпал раз снежок, который едва ли на дюйм покрыл землю, и вот с недели полторы выпадал дождичек два раза, один минут десять (maxim), другой минуты четыре, пять (maxim).

В хребтах то же самое — совершенная сухость.

Воскресенье, 21 апреля.

Лето было до того сухо, что куры почти вброд переходили Ингоду; зимой выпал снег, вершка на четыре, и к февралю весь понемногу стаял, в марте можно было ездить в горы, и снег попадался только на северной стороне гор, и то не везде, слоями вершка полтора. И это сошло понемногу. Сплавщики унывают, и беда крестьянам на Амуре. Не мешало бы подумать о доставке хлеба кругом света. Это весьма возможно. Казакевичу обошлась доставка хлеба по 90 коп., по 80 и по 70, кажется, средним числом по 75, и говорят, есть средство доставить еще дешевле. Малиновский ссылался сегодня на черноморскую компанию, где платится кораблям, с грузом ли они или без груза, за известное число рейсов поперстная плата. Теперь эта компания без работы: рассчитывали, что помещики будут сплавлять хлеб, — ошиблись; впрочем,

ведь оно известно, в каком жалком положении находится Новороссийский край. Но хлеб обошелся очень дорого оттого, что глупо распоряжались. Корабли должны были сдать хлеб с борта; у них должны были принять в известный срок; вместо того вот что случилось. Корабли пришли, затем из Де-Кастри дали знать сухим путем в Мариинск или Софийск, оттуда до Николаевска (300 в<ерст>) дали знать с первым пароходом. В Николаевске ничего не было готово. Нечем было сгружать. Насилу нашли пароход «Америку»; кажется, брала хлеб с кораблей и везла в Николаевск. И там сгружать было нечем; взяли баржу Российско-Амер<иканской> компании. Та сгружала несколько дней; отняли — самим нужна. Тогда стали сгружать с «Америки» с помощью наших барж. Между тем, по уговору, если бы задержали корабли более известного срока, им платился штраф очень большой. 2 недели почти прошло, пока дали знать до Николаевска о приходе кораблей, — о них словно забыли, — а сколько времени прошло в тройной разгрузке? Штраф был огромный. Между тем все-таки пришлось часть хлеба сложить в Де-Кастри на вольном воздухе в кучах. Не удивительно, что после этого доставка так дорого обошлась. А между тем, снабжение Усури и восточных портов едва ли бы не было выгоднее кругом света, чем по Амуру при таком безводии.

Сегодня у П<оплавской> толковали долго про Завалишина. Говорят, есть бумага в Иркутске об отправлении его в Казань. Каково! Ну, есть ли тут капля здравого смысла? Ну, он пишет доносы несправедливые; ну, положим, он вредный человек; ну, запрети принимать его доносы во все правительственные места, — но с какой стати его, имеющего на шее 90-летнюю мать жены, выгонять в Казань? У него сестра там, но захочет ли она его взять? А каков для него переезд, — ведь ему 60 лет, он столько лет высидел в тюрьме! Но хоть бы и ничего этого не было, —

разве он не может быть так же вреден в Казани, как и здесь! Черт знает, ни капли здравого смысла!

Понедельник, 22 апреля.

Судьба Муравьева в Сибири замечательна. Теперь так редко встретишь человека, говорящего о нем с сочувствием. После всеобщих восторгов (а смело можно сказать, не все восторги были подкупные, были и такие, которые происходили вследствие увлечений), после них началось противодействие, закон неизбежный. Время середины еще не пришло. А потому теперь иногда от самых порядочных людей приходится слышать самые несправедливые ему укоры, — ничего в нем не было, кроме ума. Мало того, — приводят сюда и бесчестность, и т.п. Взгляд на Муравьева еще не выяснился. Но дело в том, что тут не знают, да и не хотят знать, вследствие каких побуждений что делалось. Им нет дела до того, что если Муравьев оправдывал, поддерживал своих любимцев, то он делал это потому, что сам в них верил безусловно; наконец, главное обвинение — дело Беклемишева и Неклюдова¹⁰⁴. Что Беклемишев страшная скотина, что он делал невообразимые мерзости с крестьянами, вот хотя бы в деревне, носящей его имя на тракте; как он выселял крестьян, запарывал крестьян и т.п. и, наконец, устроил селение на таком месте, как Беклемишевка. Все так, но не мешало бы узнать, в каком виде все это представляли Муравьеву, как он узнавал про это и что выставляли ему во всем этом. Бесспорно, невозможно оправдывать Муравьева, деспотизма его управления ничем не оправдаешь, да нельзя же безжалостно кидать в него камнем. Наконец, трудно так разбирать это дело, пока мы фактов не знаем и узнаем их только из отрывочных рассказов. Еще труднее говорить о пользе и вреде, принесенных Муравьевым, — первой, выразившейся в толчке к жизни, сообщенной Сибири,

в некотором искоренении взяточничества и т.п., и в вреде, состоящем в направлении, в характере управления, в деспотизме, усвоившемся здесь, во влиянии личностей и т.п. Это дело нам еще очень трудно разъяснить.

Леса в горах все горят. Одна гора теперь удивительно похожа на вулкан, как я их себе воображаю. На вершине огонь, красный отблеск на дыме... Красиво, но еще красивее было явление на днях. Петров входит: «Чтойто, Господи, как хребты горят опять». Я вышел. На сопке против моих окон огонь. Деревья черными фигурами рисуются на красном фоне, красный отблеск, постепенно ослабевая, теряется сзади в соснах. Одна стройная ель, две-три мохнатые сосенки да два обгорелых дерева, словно два человека, стоящие рядом, рисуются на этом красном фоне; а внизу, под деревьями, огоньки горят и ярко блестят там и сям, разбросанные по горе промеж темных дерев. Там, подальше, повторяется то же, только дымом застилает, и деревья выходят не так отчетливо. По другой сопке несколько огоньков разбросано, красных и матовых из-за дыма. Дым отвратительный. Солнца сегодня даже не было видно утром, а небо безоблачно — все дым закрыл. Да и не мудрено. Я вышел на угол базарной площади — дома Юдина не видно, а это меньше 300 шагов. И нет дождей... Крестьяне из Верх-Читы сказывали, что они уж и пашут-то так только, по привычке, что как же-де не пахать. Новь пробовали поднимать, и что ж, земля сыплется, как зола. Надежды на урожай плохи. Хорошо, что хоть найдутся запасы. Говорят, они есть. Амур, вероятно, усилил хлебопашество, но в нынешнем году закуп хлеба меньше прошлогоднего. На горное ведомство потребуется тоже меньше с освобождением крестьян. 17 апреля

нын[<]ешнего[>] года Ольденбург, не выезжая из Бликина, купил 12 000 п[<]удов[>]» хлеба, по 40-50 к. пуд с доставкой в Бликино, теперь вот, весьма недавно. А вода едва ли будет, и сплавить трудно, да и будет ли еще возможно?

Вторник, 30 апреля.

Я съездил за 270 верст и вот по какому делу. В пятницу утром пришел я к Шелашникову, принес ему две-три бумаги. «Князь, у вас нет никаких особых занятий?» — «Сегодня нет, — вот бумагу к Дадешкилиани отправить только». — «Так я могу вас попросить съездить по одному очень важному делу, денька два, не более». — «Извольте, с удовольствием». Педашенко вмешался: «Да вы даже завтра можете вернуться. Только, князь, пожалуйста, поскорее, я бы просил вас сегодня же ехать». — «Извольте, куда же это?» — «Да вот, партию встретить и отправить ее на подводах; она идет сюда из Иркутска. Люди необходимы для погрузки как можно скорее, так отправить их на подводах». Я, конечно, поинтересовался, как делается эта отправка. «Да нет, об этом вам нечего беспокоиться, с вами поедет чиновник, он будет заготавливать подводы. Или, впрочем, нет, чиновник поедет особенно, чтобы вас не задерживать, а вы поезжайте скорее, встретите партию, отдадите ей деньги и скажите, что она поедет на подводах, а потом возвращайтесь скорее и скажите, когда она будет сюда». Я было сказал, что мы могли бы ехать вместе с чиновником. «Нет, он поедет сзади, он будет останавливаться заготавливать подводы; так чтобы вас не задерживать, он поедет сзади». Одним словом, дело весьма спешное. Но, спрашивается, для чего я-то тут? Что я мог сделать? Даже и поторопить заготовлением лошадей не мог. Но мне выдали курьерскую подорожную на тройку, чиновнику — на пару. Много шуму понапрасну. Вот, между прочим, как безалаберно расходуются сплавные деньги. Я встретил

партию на следующий день, в субботу, в 2 часа дня (я выехал в три), в 270 верстах отсюда. Ведет некто Леонтьев. «Поручик Леонтьев». — «Сотник Кропоткин». — «Очень приятно». — «Очень приятно. Я приехал вам сказать, что партия должна будет ехать, поезжайте скорее, не менее двух станций в сутки, без дневок, и идите в Сиваково (все это написано в бумаге, которую я ему привез)». Удивительно глупое положение. Напился чаю, потом попросил собрать партию, посмотреть, в каком она виде, т.е. не пропиты ли полушубки, целы ли вещи и т.п. Люди смотрят бодро, довольно весело. Как только я отошел, песню затянули и стали кучками, — просят, чтобы деньги их собственные перевели им в Сиваково, у некоторых довольно большие суммы — 130-140 р., у иных 10 и т.д. Народ все больше молодой, идут из Томской губернии. По большей части все 1-й батальон, который отправляется во Владивосток. Они сперва дойдут до Хабаровки, там перезимуют, а потом уже пойдут к Владивостоку, строить себе дома и зимовать. Я спросил о больных. Только два. Один из них очень трудно болен. При партии есть фельдшер, но не очень-то много он может помочь; да и где набрать довольно знающих фельдшеров, чтобы при каждой партии мог быть один, знающий свое дело. А сколько партий потянется после каждого набора по всем местам, и по каким дорогам придется им идти! Человек заболел; фельдшер преимущественно лечит слабительным да кровопусканием; больной болеет, между тем, серьезнее. Что делать с ним партионному офицеру? Я попросил «наставление для партионных офицеров». Отправлять в ближайший лазарет... и это повторяется несколько раз. Но ближайшие лазареты — Верхнеудинск и Чита — 160 и 270 верст. В партии один трудно больной — у него воспаление чуть ли не в легких. Как помочь? Оставить его в деревне — мало помощи: хозяева будут на него смотреть как на

страшное стеснение, наконец, он останется без присмотра. Везти за партией тоже трудно, — он едва дышит; выдержит ли он дорогу с перекладками из телеги в телегу и т.п.? Странное положение. Он охает: «Ох, не выживу, ох, не доеду», — оставаться тоже не хочет; просит, чтобы в случае его смерти жену отправили назад в Томскую губернию... А «наставление» все толкует о ближайшем лазарете...

Воскресенье, 26 мая.

Тихий, теплый вечер, весна и грусть... Сыро, небо чисто, звезды не зажглись еще, песни несутся издалека, и песня эта не разгульная; и этою бедною природой пользуется читинец — все ходят гулять, на воздухе побыть. Утром шел дождь, заволокло небо, так что и Петербург вспомнил; мелкий дождь, но весной пахнет, но зелень свежее кажется... Дождь, скоро выходить из Читы, думал я, — и жаль и хорошо. Крестьяне радуются, голод грозит... какие засухи. Но дождик только подразнил их, ведь небо свинцовое, а часам в 11-ти стали ходить отдельные тучки, стало прояснять. К часу небо уже безоблачное, солнце жгло, ветерок улегся, жарко, но сырость, сыро теперь... Какая бедная растительность. Ивы только распускаются, впрочем, есть два-три кустика цветущей черемухи, а травы нет, да и когда она будет? Все выжжено, все опалено. А в Иркутске когда еще черемуха цвела, багульник розовыми кустами покрыл целые горы. Но как бедна Сибирь! Правда, в жаркое лето вырастет и высокая, и сочная трава, но однообразна растительность.

Сегодня приехал Амосов¹⁰⁵, давно ожидаемый курьер. Он должен был все привезти — и письма, и бумаги,

и ответ о сплаве, и ответ Шелашникову на его письмо от Корсакова, и сапоги, и карточки мне, — все с Амосовым. Он ничего этого не привез, обманул все ожидания. Я, конечно, поинтересовался о сплаве, — нет даже ответа Шелашникову на его письма. «Ну, на словах?» — И на словах ничего нет. «Как?» — А вот поручил передать, что он не может официально приказать, но пускай Шелашников делает это частным образом, наряд казаков на сплав... Ну, что тут прибавить? Охарактеризован Корсаков, по крайней мере, в одной чересчур крупной черте.

ТЕТРАДЬ № 4

От Читы до Иркутска и обратно

с 3 мая по 26 мая 1863 г.

Суббота, 4 мая.

В пятницу, 3 мая, около 2 часов, я совершенно спокойно ехал по большой улице. Навстречу попался Пауль¹⁰⁶. «Князь, пожалуйста, когда поедете, отвезите от меня письмо в Иркутск». — «Как в Иркутск?» — «Да, вас посылают с донесением о сплаве». — «Странное дело, мне это бы ближе знать, а я ничего не слыхал». — «Поезжайте к Педашенке, это уж наверно решено, вы там все узнаете». Я еду к Педашенке. «Ну, батюшка, снаряжайтесь в Иркутск, сегодня вечером или уж позже всего завтра на рассвете. Что делать со сплавом; расскажите, в каком положении дела»¹⁰⁷.

Отчасти я был доволен поездкой, — в Иркутске Кукель, которого хотелось видеть, наконец, кругоморский тракт¹⁰⁸ замечателен во многих отношениях. Я стал собираться. Вечером мы отправились до «лясу», с Я.О., Ив<а>шевской>, Шелашниковым, Рик. Теплый денек, конечно, гарь слышна в воздухе, и ветер есть, но все-таки денек один из самых лучших, выдавшихся в эту весну. Время прошло отлично. Вернулись. Педашенко пошел писать бумаги, я посидеть к Поплавской. Это было около 7 часов. Бумаги через час будут готовы. Я попросил прислать к Поплавским за мною. Уже после закусывания, т.е. около 12 часов, я пошел к Педашенке. В канцелярии его работают, пишут, но бумаги еще не готовы. Я посидел с 1/4

часа, получил деньги, направился к Шелашникову. У него ничего не готово, даже ведомости не получил, в которой есть цифры, нужные для письма. Мы посидели до половины первого; у Педашенки бумаги еще не кончены, но материалы он принес. Шелашникову пришлось засесть за письмо и писать его всю ночь. Часа через два, впрочем, он обещал прислать письмо и бумаги. Я отправился восвояси укладываться, провозился около двух часов, до тех пор, когда ко мне пришел Пауль. Но бумаг все нет. Пауль успокаивал: «Увидите, Шелашников лег себе спать, думает, пускай и он отдохнет, а письмо до утра оставил», (совсем уже рассвело, а мне говорили выезжать как можно раньше, чуть свет забрезжит. Мы решили прилечь немного, но и задремать не успели, как Шелашников прислал казака звать к себе. Послали за лошадьми, через 1/2 часа была уже готова тройка сытых, здоровых коней. Мы доехали до Шелашникова в 5 часов. Он все еще писал и не кончил своего длинного письма. «Вот Ив. Конст. только что ушел, все толковали; да ведомость не была готова». Мы еще прождали около часу его писем. В 6 часов едва выбрались. Тройка сытая, и 37 верст в 2,5 часа считается обыкновенной ездой. Утро свежее, в степи всякой птицы вдоволь, какие-то турманы, огромные тяжелые птицы, журавли, гуси попадают; горы в сизом тумане; по ту сторону Читы пожары не прекратились, вчера чуть даже марсовский забор не загорелся. Но какая везде сушь, — вот сколько мы едем, а ни одной травки не видали. Несмотря на то что жарко, впрочем, утра холодные, и мы едем в теплой одежде и не снимали полушубка; а на ночь, в продолжении нескольких часов перед светом даже дохой покрывались.

Воскресенье, 5 мая.

Становится немного лучше, в Курбе даже травка показалась маленькая, и то только местами, небольшими пят-

нами. Горы крутятся в окрестностях. В нынешнем году истреблено страшно много лесов такими палами. Палы до того сильны, что мы в Чите не видали солнца в течение весны иначе, как в виде красного круга, иногда даже красного пятна. Не доезжая до Онохойской станции, мы подверглись следующей случайности. Лошадей запрягли нам очень плохих, было видно сначала, что едва ли они дойдут до станции. Ко всему этому прибавилось еще то, что коренник с урусом берет себе влево, да и только; ямщик стал бить его с левой стороны кнутом, он вскинет задними ногами да и забросит их за оглоблю, — поднимай за хвост, да и только; мы долго бились без всякой пользы, наконец, решили отпрячь пристяжку; я сел на нее и поехал вперед. Но конь подвигался весьма медленно; бьешь его, — он брыкается. Наконец, имея коня впереди себя, и коренник пошел, не отставая, т.е. весьма медленно. Трястись на коне было бесполезно, снова впрягли его. Едет навстречу бурят: «Дай, батя, коня до станка доехать, на водку будет». Бурят помог перепрячь коней, отозвался, что конь сырой, убьет, и поворотил коня. Я стал говорить, что ничего, доеду. Нет, и слушать не стал, и повернул, и не говоря ни слова, и поехал себе. Едет, обгоняет нас русский мужик на двух колесах, попросту на передней оси телеги, везет бурята. Мы уговорили его пересадить бурята в перекладную (тарантас, как они здесь зовутся) и довести меня до станка, чтобы выслать коней на помощь Паулю. Парень отговаривался тем, что у него конь устал, он ездил эстафетой и возвращался назад, не кормивши там, но под влиянием обещанного полтинника стал гнать коня вскачь; 10 верст мы проскакали очень скоро, но, Боже, что за тряска! Такой я не мог бы вообразить себе не испытавши; нужно было больших усилий, чтобы не слететь со своей передней оси. В Верхнеудинске уже везде видна трава, тепло, ходят за город без теплой запасной

одежды, деревья начинают распускаться, — не то, что в грустной, выжженной Чите. Из Верхнеудинска мы своротили на Кяхту. Горы самых странных очертаний, крутые, выдавшиеся скалы и степь.

Понедельник, 6 мая.

Та же степь, те же горы, те же скалы. Травы почти не видно. Беспреданно попадаются огромнейшие обозы с чаем, телег в двести; верблюды медленно двигаются, тяжело нагруженные выюками, наконец, чай идет и на лошадях, на выюках.

Утром были в Усть-Кяхте. После холодноватой погоды разом попали в жару; ехать в чекменях уже невыносимо жарко, — солнце печет так, что необходимо сделать себе навес от него. Мы так близко от Кяхты, жаль, что нельзя туда съездить. Начались кругоморские станки; едва достал молока на одном; буряты менее и менее понимают по-русски.

Вторник, 7 мая.

Ночь с понедельника на вторник была преоригинальная: вначале было очень тепло, даже душно, покрываться дохой не приходилось, в полушубке уж очень тепло, но в начале первого часа перемена стала разительная. Пауль ехал в летнем пальто, не надевая даже своего мехового пальто. Он заснул, холод разбудил его; он своей возней, в свою очередь, разбудил меня. Снег залег в долинах, разом пахло холодом и сыростью, в одной долине снегу хватило бы до колена. И это разом после душной майской ночи. Но, увы, какие здесь майские ночи, и какие вообще ночи! После жаркого, невыносимо жаркого дня -12° не редкость.

Вот она, настоящая Кругоморка. Станок — две, три бурятские деревянные юрты, — и то прогресс — не во-

йлочные; станционный дом — широкая, грязная комната с скамьями по стенам, грязные стекла, грязная печь... После внезапного холода не мешало отогреться. Впереди 7 станков верхом, таких же, еще хуже. Самовара само собой нет — «Саник», — предлагает бурят. «Ну, согрей чайник». Огонь, конечно, постоянно есть в бурятской юрте, — без него и жить бы нельзя было. Скоро приносят чайник, чугунный, грязный, но внутри приблизительно чистый, так как буряты ничего в нем не варят для себя. Приносят кипяток, вы засыпаете чай, мешать... но на то есть crayon d'artiste* Фабера. Из чего же пить? Деревянные чашки есть на то. Китайские лакированные чашки, которые продаются здесь очень дешево, распространены везде; у бурят непременно есть такие чашки. Чашки являются, лак сошел, от них пахнет салом, но лучше не смотреть вовнутрь. Чай пьется отлично и кажется очень вкусным. Между тем выюки готовы. Буряты связывают их с необыкновенной ловкостью поровну на каждую сторону, один сверху. В путь...

Первый станок прошел как нельзя лучше: дикий лес, тропинка в лесу, очень не богатая растительность: ель, лиственница, редко сосна, местами тропинка ползет в гору, местами идет по ровным, немного топким долинам, кое-где болотце протянет. Наш выюк очень легкий, конь под ямщиком попался слабый (т.е. не под ямщиком — сперва его нам подсунули, Паулю, но он пересел), пристаёт, да и только, а мы, где только можно, ехали рысью; насилу вскарабкался этот конь по камням на одну из гор; ямщик видит, что плохо, связал его, бросил на дороге, возьму, мол, на обратном пути, а сам поправил выюк и карабкается на него. «Ты что это хочешь делать?» — молчит и промычит что-нибудь, так ничего и не добьешься. Он сделал свое дело, пресерьезно вскарабкался на выюк,

* карандаш (*фр.*)

уселся как обезьяна (кстати, и росту крошечного), — жаль, не могу изобразить его, а то вышла бы недурная карикатура с натуры.

Снова 2 бурятских юрты: вечный огонек, щели, в которые руку просунешь, на полках несколько винтовок, несколько мисок, над огнем котел с грязным кирпичным чаем, — жалкая жизнь, но они ею довольны, — чего же? Пробовали им дома строить, живут; потом рядом с домом выстроят себе юрту, и в ней живут. Мне говорили, что для бурята нет ужаснее наказания, как арест, и аресту надо подвергать их осторожно; продержать неделю в каталажке — это слишком жестокое наказание, против которого следует восставать с такой же силой, как против розог Марковича.

Кони оседланы, несколько болят уже ноги, но лишь только сел в седло, как все прошло; впереди 32 версты. Дорога тянется то по бесконечному болоту, довольно еще сухому теперь («тундра не растаяла»), то лезет в гору; когда же конец. «Еще высоко», — говорит братский. Верст 5 как мы уже лезем в гору, все лезем по крутому скату, а горе конца нет. Там под ногами с трудом разглядишь ручеек, который пробегает под горой. Конец горе. Поворот, и снова в гору. И это повторяется несколько раз. «Да когда же конец?» — «Близко». Но и это вздор, снова карабкаемся мы, — кажется, другая гора взгромоздилась на первую, на нее третья, — все выше и выше.

Перевал. «Ради Бога, оглянитесь назад, А.К.». Горы легли в 5 рядов, одна за другой, все покрыты елью и лиственницей. Там синее гора, за ней другая, третья, все синее, все бледнее. А там облако залегло. Снег на горе или облако? Нет, облако, вон какую причудливую форму оно приняло. А впереди? Все те же горы, горы, горы. Но какие горы? Я радовался как ребенок, потом молчал, снова смотрел... «А до станка далеко?» — «Далеко, далеко». Вот грязь начинается. Наконец, и станок показался. Вот

речку надо вброд переехать; сердитая, а какая крошечная. Речку насилу переехали, сносит лошадей; ну, выбрались, наконец. Вот и станок. «Чайник скорее». На станке встретились проезжие. Пугают дорогой. «Ну уж дорога в гольцах¹⁰⁹, — кони так и проваливаются; спешите, спешите, а то с каждым днем хуже становится; да вот выпустит ли вас речка?» — «А что?» — «Мы сегодня на рассвете переехали, так и то едва выбрались, а теперь видите, какой жаркий день, воды, должно быть, прибыло, едва ли переедете». Хозяин, старик бурят, умоляет не ехать: «Коней погубите», — «Ну, да ладно, коней погубим, так ведь и сами не выберемся». Долго толковали они, хозяин приставал, коней не погубите. Мы решили ехать и посмотреть: старый бурят взялся ехать с нами, везти эстафету, которая шла вместе с нами. Старик переедет. «Худэ, худэ», — и головой покачивает. Однако старик погоняет лошадей, мы отстаем, везде показываются ручьи, со всех вершин бежит чистая, прозрачная, холодная вода; так и хочется пить, а с коней слезать не хочется. Снова перевал и снова горы, горы по всему горизонту. Везде были палы и страшные опустошения наделали. Все соединяется тут против этих великанов-лиственниц; и пал пожжет их, и водою повалит, и ветер вырвет с корнем, — всякие невзгоды; и жалкий же вид представляют эти леса: они не выдерживают борьбы и гибнут, зато молодое дерево снова растет и снова вступит в борьбу.

Проводники погоняют, едва поспеваем за ними, — видно, хотят переправиться и домой оборотить. Впрочем, они на всякий случай взяли чайник, может быть, придется ночевать на берегу и переправляться чуть свет, а то за день успело прибыть много воды.

Вот и речка, снежная, кажется. Несется с необычайной скоростью. Составить себе понятие о скорости трудно. Но вот что может дать понятие о ней. Громадные горы,

полуторасаженные снега. Речка эта одна из главных, притоков у ней бесконечное число, с каждой неровности начинается ручеек, из десяти ручейков и готова речушка очень порядочная. Со всех скатов, где вздумается, текут такие речушки: три-четыре жарких, безоблачных дня, таких, что в одном чекмене жарко. Речку мы переезжаем в верховьях. Покатость страшная, речка не широка. Кажется, все условия, чтобы быстрота была огромная. Вода течет сверх льда, совершенно позеленевшего и опустившегося на дно. Старый бурят несколько раз пытался перебраться то там, то сям, но все бесполезно. Но видно, не в первый раз приходилось ему так переправляться. Скоро он нашел хорошее место, в локте (?), но странно, где река суживалась. Он пересел на моего коня, переплыл рукав и вышел на льдину. Коня так и сносит вниз. Осталось еще одно узенькое местечко; старик и то переехал, правда, провалился в яму, но конь, удержанный крепко в поводу ногами, не свалился. Старик вернулся, перевел выюки, потом перевел и нас — Пауля и меня. Кончено. Котелок отдали какому-то буряту, который пас лошадей на берегу. Все шло хорошо. Но в 5 верстах от станции начался снег... Еще поднявшись на гору перед переправой и бросивши взгляд вдаль, я остановился: «А.К., снег или облако?» — «Облако». Но облако обрисовалось отчетливо, среди него мелькнули 2-3 небольшие скалы. Снег. Это и есть голец. Громадная гора с кругловатыми очертаниями, вся покрытая снегом, кое-где видны черные полосы. Снег становился все глубже и глубже, лошади проваливались, падали, делали страшные скачки, чтобы подняться, но передние ноги не находили себе точки опоры, и лошадь опиралась на задние... и задние проваливались, тогда лошадь падает. Соскакивай скорей, бросай стремя, не то ноге может достаться, не скоро высвободишь. И какие скачки делает несчастный конь, чтобы приподняться,

и как все это напрасно. Впоследствии я приловчился, — я ехал последний, — где провалился передовой, я удержу коня, и он осторожно ступает, ставя ноги туда, где ушла на аршин нога передового коня. Каково приходится поднимать ноги! Мой конь меньше падал, и я меньше промок, чем Пауль. С мокрыми ногами, усталые, с измученными конями, мы дотащились до станка. И только 5 верст — только, а сколько трудов и усталости. Надо было сушиться, греться... А тут беда с бурятами: на станке мало кто понимает по-русски. Например, юрта рядом, а ничего не докличешься. Мы уже после такого рода сноровку взяли. «Ей, Бадма! Сынгэн!» — бежит кто-нибудь. Эти два имени, особенно первое, особенно употребительны между бурятами, мы этим пользовались. Еще их привычка притвориться непонимающими, — не мало труда стоит уже говорить с непонимающими, а тут еще притворяется. «Поди сюда», — манишь его, — не идет, приходится пальцами показать, как переступают, и по направлению к себе. Тогда обрадуется, что понял, скорчит уморительную рожу и идет. Ехать было невозможно, мы остались дожидаться свету.

Среда, 8 мая.

Денек выдался замечательный. Перед нами был станок в 18 верстах. Снегу много, много: худэ, худэ... Чуть свет мы тронулись. Три версты прошли, но как! Снег еще глубже, мы проваливались до паха. Лошадь беспрестанно падает и беспрестанно приходится соскакивать в воду, — под снегом везде вода... Спускаемся с горы: лощина впереди, голец с его мелкими побочными спутниками. Снег глубже и глубже. Вот вода стоит озерком. Сверху рвется с необыкновенной силой по дороге поток. Он промыл себе дорогу между двумя стенами снега в 1,5 аршина, даже два, и под снегом везде подмывается.

Приходится спускаться в воду. Лошадь сразу падает, не предвидя такого скачка. Наученный опытом передовых, я своей не дал упасть на колени. Глубже и глубже, ноги в воде, выюк купается, яма, которой обойти нельзя, и вы уходите еще глубже. Лишь только выбрались из воды, лошадь упала на снег, снег протаивает, рядом другая стоит по горло в воде. «Спасай выюк!» Выюк спасли, но лошадь по шею ушла в воду, а вода быстро рвется с горы вниз с непомерной скоростью, и холодная, холодная, как только может быть, конечно, 0°. Лошадей пришлось бросить и спастись на снегу. Пауль стоит впереди и зовет меня. У меня твердо. Я пошел, провалился несколько раз. «Переждемте здесь». Я остановился. Но лошадей вытащить невозможно. Ежеминутно для каждой лошади прибегали к самому радикальному средству — за хвост, и это средство изменило. Усталые лошади не поднимались. А островок нам начал уж изменять, — снег под каблуком, подбитым гвоздями, протаял; я провалился, но удачно высочил. «Больше стоять нечего, мы провалимся через 1/4 часа в воду по пояс. Надо предпринять что-нибудь». Вперед.

«А если вся дорога такая же?» — «Ну, доберемся до дерева, там обтаял снег, подождем». — «Да эти лошади не могут идти. Братский, какая там дорога?» — «Худэ, худэ, це, це, це», — «Ну, да лучше там переждать у сосны». — «Да не доберетесь, провалитесь». Мы толковали несколько минут. Пауль пошел вперед; шаг — провалился, вышел — провалился, хочет выйти — обламывается; я протягиваю руку, он снова поднимает ногу — проваливается, едва вышел, а грудью снега не проломишь. Тут было по грудь. Нечего толковать — назад... Провалились несколько раз, но идти можно, воду обогнули и по снегу могли перебежать мелкой пробежкой, не наваливаясь на одну ногу. Выбравшись на камни, мы могли уже хладнокровно рассуждать,

что делать. Солнце печет, а 5-й час утра, что-то днем будет. Мы решили бросить коней и назад идти пешком. Поворотят одного коня, прочие выберутся и домой пойдут. Да, забыл. Один конь сунулся по протоку, шедшему с горы; сколько раз он падал коленями на камни, попадая головою в воду, но вставал, отряхивался и снова шел, пока совсем бессильный остановился. Вода бьет чуть не в самую морду, он кладет ее на снег, хоть несколько минут выдержит, а то в естественном положении пришлось бы держать ее в воде. Выучный конь то же делал.

Итак, на камнях мы держали совет, что делать. Вперед идти по этой дороге невозможно. Мы мокры. Впереди 15 верст такой дороги, лошади плохи, да с ними больше возни, чем одним. Решили вернуться, делать трое саней, забрать бурят и идти хребтами прямо на ту станцию или куда выберемся, коней не брать, выюк на три части и на 3-е санок. Положение, действительно, затруднительное. Ждать, чтобы вода сбыла, — когда это будет? — пожалуй, неделю прождешь, а там мосты взломает. Вернуться еще на ту станцию и ехать в (Посольское) ждать парохода. Но переправа? И старика нет, а тут 9 мальчишек, не знающих по-русски. Ждать, но у нас 1 белый хлеб и гусь, улыбка является при этом слове. Гуся мы купили в Погромной, спохватись, что нет ничего мясного на Кругоморку. И уж досталось же этому гусю. Он весь высох. Хозяйка жарила его в собственном соку. Проехавши 3 дня, он высох как мумия, — ничего, мы ели его с чаем, выходило, сколько помню, недурно. Припасов нет, а ждать придется долго. Мы остановились на том, чтобы сейчас же вернуться на станок и там заняться выделкой саней. Сказано и сделано. Кони выбрались назад, домой, охотно. Я шел пешком, но Пауль поехал. Он, бедняга, не имел сапог покрепче, надел обыкновенные сапоги, простые и, конечно, старые. Они налились водою так, что вода в них шлепала,

да и подошвы грозили отвалиться. Он поехал. До станка мы живо добрались и, конечно, прежде всего принялись за сушку ног. Отогревшись чаем, мы подумали о санках, позвали бурят; пришел один из казаков, должно быть, из соседства, чтобы поднять почту на своих лошадях. Через него мы начали переговоры. «Надо санки делать». — «Не из чего». — «Неси топор, скамейки годятся, мы расписку дадим и озаботимся о высылке их при первой возможности». Они почесались, подумали, переговорили. «Нет, дорожку пойдем прокладывать, со всеми братскими со станка. Проложим новую дорожку, тогда пойдемте». Мы согласились. Действительно, через несколько часов они вернулись, поели буды¹¹⁰, и мы тронулись. Проклятую трущобу прошли спокойно, — воду они отвели в другое место. Сладить с нею было нелегко, пришлось сделать довольно большую запруду и в сторону пробивать дорожку для воды. Но только мы миновали запруду, как снова застряли. Конь пустой впереди не мог пройти, он ложился несколько раз. Лошади, измученные переездом 3 раза через воду, ложились, и не было возможности их поднять, — хвост и тот не помогал. Навстречу попался почтальон, он сбил нас с толку. Надо 7 верст непременно пешком идти, и до станка можно дойти пешком, — речек нет, а 7 верст и сами устанете, и коней измучаете. Мы послушались, бросили коней и ушли вперед, велевши им выбираться, как могут. Мы понадеялись на старика, который обещался вывести нас на гонец, если мы дадим 3 рубля. Снег так же глубок. Как трудно было идти до гольца в гору! Право, трудно рассказать, потому что я бы не представил себе всех трудностей при рассказе другого лица. Мы проходили 200 шагов и шли, выбирались на прогалинку под лиственницу с корнями, поросшими мхом и выдающимися на поверхность, садились на какой-нибудь выгнутый корень, отдыхали, чуть не высовывая языки, как собаки, и снова шли в путь.

Вот и голец. Слева поднялась какая-то громада с закругленной вершиной, вся засыпанная снегом, кое-где уже виднеются, впрочем, прогалины, солнце ярко отражается на белой горе. Жаль, что оно так сильно печет, что везде под ногами журчит вода, что между всякими камешками пробивается ручеек, что лиственницы зеленеют. Природа имеет неопределенный характер, а для таких гор неопределенность некстати, не идет. Вот когда хорош голец, когда весь засыпанный снегом, он, испещренный миллионами блесток, синевато светится при луне. Да... Летом он не может быть хорош. Раскаленные камни, выжженная богом пустыня, нет... Зимний наряд идет к этим ущельям, горам, лиственницам (4000 фут<ов> над Байкалом). Да, но тут он давил бы своею пустынностью, дикостью, а тут обновляющаяся природа, — обновляющаяся, да для какой жизни? Летом на гольце должно мертвым пахнуть. Зимой та же пустынность, но эта пустынность — величественность, а в величии этом красота.

Мы отдохнули и прошли мимо. Почта отдыхает. Кони с мешками золота щиплют ветошь, — как должно давить их это серебро и золото. Все это едет в Кяхту. Мы, испорченные люди, подумали: «А что мешает ямщикам распороть мешки и уйти себе?» — «Куда?» Мы невольно улыбнулись. Мы сделали еще более 2-х верст и у Большого Камня сделали большой привал. Воды все больше набирается, мы чаще и чаще проваливаемся, но под гору легче идти. Мы с полчаса уже сидели, как пришел нанятый нами старик; лошадей бросили, выюки принесли на руках к гольцу, хотели просить, чтобы почта обратная нас свезла, только та не знает, когда вернется, не берется нас везти. «Да ты обязался нас до гольца доставить». — «Ну, и доставил». — «Да разве так доставляют, на чем же мы дальше пойдем?» Старик просит хоть рубль. «Нет, мы заплатим, когда кони сюда придут с выюками». Старик стал

говорить, что Бог нам судья, — мы его обидели, что если отдадим его 3 рубля ямщикам, они не передадут, просит хоть рубль. «Доведи сюда, получишь, еще прибавим». Старик выканючил 3 рубля и уже не возвращался. Мы долго не знали, что делать. Вьюки на гольце, лошади в воде в 3-х верстах от станции Лемкарун. До Хундабани 12 верст, — дойдем, но какова там дорога, а реки, а воды! Идти вперед без вьюков опасно, — пожалуй, так и останутся там; ямщики, верно, вернулись, поручив подобрать их почте. А уж холодно стало в одном пальто, а мне в чекмене. Костер мало помогал. Мы решили ждать до 7 часов и идти тогда на голец, там дожидаться лошадей, надеть теплые платья и ночевать или идти вперед. Но до 7 часов ждать! Пауль уговорил меня уйти раньше, — он прозяб. И снова пошли мы назад той же мерзкой дорогой, но не прошли 2-х верст, но каких 2-х верст! Отдыхать — холодно; в гору я выбивался из сил; но вот показались кони, — стой, я дальше не иду; я задышался, и мы сразу пошли скоро... И для чего мы шли, не дождавшись 7 часов, когда они должны были прийти по нашему расчету. Идут кони обратные из-под почты, последние везут наш вьюк, там полушубок, как я ему обрадовался; ввалился на коня, и с мокрыми холодными ногами поплелась мы вперед. 7-й час, свежее, темнеет, дорога все так же скверна, еще несколько верст (версты 2), мало-помалу она перешла в грязь.

Прихотливо вьется какой-то поток, не менее прихотливо вьется за ним дорога, переходя с одной его стороны на другую, переходя за ним из одного ущелья в другое. Круто, тесно высятся горы, — при длинном поводе и спущенной руке приходится нагибаться или еще вытягивать руку, чтобы не задерживать лошади.

Что-то вроде этого, и вслед за таким спуском дорога сейчас же поворачивается вправо, потому что за этими

переилами под размытым обрывом в 3 сажени ревет сердитый поток. Дорога все идет коридором, глухим, между столетними лиственницами. До какой степени они громадны, трудно себе вообразить, не видевши. И идет дорога коридорами, поворачивающими под прямыми углами, и такая темнота в этих коридорах...

Среда, 15 мая.

Наконец, вчера ночью выбрались из Иркутска. Этот город производит на меня в высшей 'степени тяжелое впечатление. Черт знает, что за глупая жизнь. До 12 часов, может быть, еще занимаются своим делом, но с 12 часов начинает таскаться молодежь по всем домам, звонить у всех квартир; у Клейменовых постоянно приходят, потолкаются, расскажут свежих новостей — и в другой дом; обедать собираются, говорят, у Шульца — благо кормят; тут все рассказы, тут и служебные отношения, т.е., вероятно, дела поважнее обсуживаются тут с застойной легкостью, а формальностей никогда не упустят. Я утром и не рассчитывал ехать, но Пауль, едущий на пробном пароходе, раззадорил меня, мне захотелось в Читу, которую я теперь люблю еще больше прежнего. Бумаги, — но весьма вероятно, что они еще и не успеют к субботе. В субботу идет первый пароход, на нем должен ехать курьером Амосов, пускай бумаги (возьмет). Я так и объяснил Шульману, — пускай-де говорит Корсакову, что у меня дело есть, а бумаги могут идти с Амосовым. Шульман так и передал... «Ну, а если бы М<ихаил> С<еменович> не успел как-нибудь, в случае чего всегда будет оказия, потому что теперь поедут много туда, всегда можно успеть написать». Что же, я вернусь дураком? Они ждут хоть какого-нибудь ответа, а я приеду, — Амосов, мол, везет. Спасибо не скажут. «Так, но что же писать?» — «Ну, меры какие-нибудь приняты». — «Это может принять мест-

ный губернатор». — «Хотя бы успокоили чем-нибудь, — и того нет. Присылают курьером, скачешь. Прискакал после черт знает какой дороги». — «Зачем вы приехали?» — «За тем-то». — «Очень нужно, верно, в Иркутск хотелось!» Затем никакого ответа, — с Амосовым будет¹¹¹, а нет, так после можно, а вы можете ехать, даже и откланиваться не надо. Последнее всего лучше; на улице откланился Шульману, и конец. Этому я рад больше всего. Ночью я выехал. Скучно было расстаться с милым Кукелем; он и вся их семья — одно из лучших воспоминаний в теперешней жизни моей. Такие люди, конечно, не годятся для них, — им нужны Муравьевы (адъютант Корсакова), эти пойдут и сделают свое.

Ну, да дождемся ли мы, быть может, своего праздника. Когда? Не скоро, — вот все, что можно сказать.

В 12.30 час. ночи мы выбрались; в 6.30 час. идет пароход из Лиственичной¹¹² (60 верст), но кони добрые (мошор-хэ), доедем и хорошо. Действительно, в 5 с чем-то мы уже подъезжали к пароходу. «Поезжайте в гостиницу, ишь, какой ветер». Ветер дует с Северного Байкала, следовательно, в лицо. (Волны с пеной, следовательно, на том берегу буря сильная, идти трудно, а пристать будет невозможно.)

«Поезжай в гостиницу», — и это имеет хорошую сторону — выспаться можно. Мы выспались хорошо. Чай, обед, в первом часу выбрались. Теперь уже и Голоустную миновали, идем поперек Байкала прямо на Посольскую, но льды белеют впереди нас, — как еще пристанем? Если не удастся пройти, направимся в устье Селенги, там, может быть, проберемся. А нет, так назад. Это уже скверно, но делать нечего. Этот пароход только пробный, от него

и требовать ничего нельзя. Холодно, руки зябнут, и каюта не может согреться, особенно при нелепом устройстве дверей. От утреннего ветра, даже бури, развело довольно сильное волнение, качка боковая и довольно сильная. Пауль, Кл. и З. не вытерпели: мы пили чай, — они убежали на палубу спасаться от рвоты. Вот от этой качки дверь беспрестанно отворяется, и нет решительно никакого средства удержать ее, нет никакого замка, никакой завертки. Для шкапов не нашли лучшего средства, чтобы они не хлопали, как забить их гвоздями. Вообще пароходы не отличаются ни хорошим, ни толковым устройством. Например, диваны жестки, насколько возможно дивану быть жестким; неужели ремонт может стоить так дорого для Хамикова, купившего все за 44000 рублей и выручившего в первый год за расходами 35000? Барыш для него огромный, так как все едущие за Байкал и оттуда, с мая по конец октября, не минуют его пароходов; все чай, идущие в Россию, — тоже. Каков должен быть доход? Рассказывают, что пароходство принадлежало компании из 3-х купцов. Раз за обедом они бросили жребий — Решетников; что ли, вытянул узелок, — пароходство его. Он подарил все пароходы, здания в казну. Догадались, что казенное управление не будет выгодно, стали продавать. Хамиков купил за 44000 руб. Теперь с 1/IV по октябрь он с почты берет по 1000 р. в месяц. В летние месяцы идут арестанты еженедельно партиями в 200 человек почти. С арестанта берется плата 2 р. 85 к. за эти 100 верст. Дрова дешевы... Барыши должны быть огромные.

А вот пример устройства пароходов. Чтобы тянуть якорь, везде принято делать ворот, здесь десяток рабочих тянут громадный якорь собственными руками... Ничего, терпят.

ТЕТРАДЬ № 5

1-я поездка на Амур

16 июня 1863 г. — 8 сент<ября> 1863 г.

Суббота, 16 июня, в дороге.

Все горы, горы да горы! За Читой сейчас почти заметна перемена в растительности. Там ель, только ель, редко береза, соснового леса ни одного нет (нет, один есть, к Верхнеудинску), а тут пошли леса сосновые, в них березы много. Сосны, впрочем, не очень-то большие. Дорога все по хребтам, подъемы крутые, лошади скверные, сена нет, а травы еще мало. В одном месте делаем объезд, прежняя дорога идет прямо в гору, новая делает поворот в болотистое ущелье. Дорога будет великолепная, усыпана галькой, сверху дрсесвой и оттого становится твердою, как паркет, колеса почти не оставляют следа, — славное шоссе. Буряты (до 150 человек) пригнаны сюда с Аги, чтобы ладить дорогу. Именно пригнаны, — это их рожи (совестно лицами называть) говорят.

Я не раз замечал, что у старых бурят умное и хитрое выражение лица довольно часто. Отчего у молодых этого нет? До такой степени тупоумные лица у всех, что ни на что не похоже. Смотрят с невыразимою глупостью на проезжающих; лица, обожженные солнцем, тряпки на голове, халат на голом теле, отрепья на ногах, и какие бессмысленные глаза. Что же это? Убивание их нашею цивилизациею? Не иначе. Ямщик весьма хладнокровно рассказывает: «С Аги пригнали». Впрочем, кто-нибудь из этого выведет, что «население хладнокровно смотрит на

это насилие». Нет, во-1-х, ямщик такой хладнокровный попался, 2) ямщики не «население», 3) на братских вообще смотрят довольно презрительно; им часто приходится получать разные милые эпитеты — «скотов» и т.п., главным образом, за нечистый образ жизни.

Дорога вновь проложенная, стоила немалых трудов. Скалы идут так*, «а» надо было взорвать, и рвали порохом на громадные расстояния, камни перетрескались ромбоидальными кусочками и предико торчат стеной вдоль дороги.

Все по горам, изредка по лугам; правый берег Ингоды все роскошнее травой и березняком, чем левый. Правда, березовых рощ и там нет, а мелкий березняк прорастает и выгорает периодически — рощи из него не выйдет.

Бликино¹¹³. 17 июня. Утром.

Шилка красиво течет между гор, берега живописны туда вдаль, а под Бликином удивительно безобразные горы, все отрогами, срезанными почти вертикально, — не ледниками ли давнего времени? Зато за Бликином к Сретенску виды лучше, напоминает Россию, только степная растительность разнообразнее, лилейных больше. Ирисы торчат из воды и подле воды, очень красиво. Дорога идет по плоским возвышенностям и беспрестанно то подымается, то опускается между двух рядов пологих холмов. Затем прямо спускается (не круто) к Шилке, и вдали виднеется Сретенская гавань. Опять дорога прошла под самой горою, над самой рекою; рвать, видно, пришлось не мало, — гора просто на голову нависла. Дорога отличная, но двоим нельзя разъехаться; местами есть впадины, тут проехать кое-как можно. Шилка широкая катит свои мутноватые от дождей волны. Как

* В этом месте рукописи сделан набросок, на котором отмечен пункт «а»

речка горная, она быстра, и волны образуют струйки на ее поверхности. Горы смотрятся в ее подвижное зеркало. Ключки пашен; горы слева; лоза, густо заросшая над самую рекою справа дороги. Горы на той стороне, в противоположность этим, одетые сверху донизу лесами, широкие воды Шилки; солнце греет, в воздухе свежо, хорошо пахнет. Кони несутся шибко. Вот забелел ряд крашенных домиков, дамба из покосившихся вертикальных бревен — Сретенская гавань в затоне на повороте Шилки. Вот деревушка, еще долина очень хорошенькая, дорога под скалой, спуск; самолет еще не починен; карбас тронулся. Как обыкновенно ползет к тому берегу много, много, ползет и ну перебираться через реку; снесло сажень на 25, не то на 30, и снова на шестилах ползем вверх, до пристани. Операция длинная, и в бинокль успел рассмотреть село Сретенское. Недаром я не считал Сретенск за горд и недавно узнал, что он село Сретенское, а не просто Сретенск. Это городок, и городок гораздо красивее Читы. Хоть бы одни горы напротив, да красавица Шилка, да горы туда вниз, — но и домики хорошенькие, — видно, Шилка располагает строить их красивее, или мне показывали их красивее, чем они есть на самом деле.

Стоит на том берегу пароход, около пристани; на пристани работа идет. Далее судно какое-то, баржа, народ на берегу. Вот, напр<имер>, домик батальонного командира, крашенный с красною крышею, архитектуры обыкновенной, и был бы казенной архитектуры, да прилепилось как-то еще строение под прямым углом и тут же балкончик с навесом, и домик вышел миленький. Вообще Сретенск произвел на меня очень приятное впечатление. Я остановился в гостинице; довольно чистый номер, окно на Шилку, под окном стоит пароход, который завтра уйдет на Амур.

17 июня, вечер.

Сегодня, в 10-м часу вечера, я первый раз видел явление, которое очень хотелось видеть — радуга от лунного света. Страшная туча висела вправо от меня в горах. На-лево уже очистилось небо, и выглянул ярко из-за туч месяц во 2-й четверти, близкой к полнолунию. Радуга хотя слабо, но хорошо заметным полукругом образовалась на туче.

Перед дождем еще мы ездили с Заборовским в Муравьевскую гавань (с 1/2 версты от Сретенска). Гавань очень порядочная, прочные шлюзы, удачное пользование 2-мя речками, чтобы поднять горизонт воды, ввести пароход, поставить на станок и воду спустить на время починки; все это хорошо достигнуто с помощью затвора. Строения прочны, чисты. Строится механическое заведение, очень просторное, но из которого пока ничего не выходит, так как машин нет, а Писарев ничего не знает, как велики будут те, которые ему пришлются.

Не знаю ни дня, ни числа.

Ну, первый блин комом, первая попытка сплава неудачна, и как неудачна. Третьего дня в половине второго я вышел из Сретенска; две баржи, которые нагружены, одна мукой, другая солью, и груз для третьей баржи, ко-т<орая>*

На двух баржах, соляной 4540 пуд<ов>, мучной 4100, лодка на буксире у баржи 560 пуд<ов> и вперед ушла лодка с 1600 пуд<ами> муки. Все шло хорошо. Но в нескольких верстах от Сретенска я увидел, что баржа течет, вычерпывать нечем, — 2 котелка, шайка, которая скоро рассыпалась, и больше ничего. Я взял лодку с мучной баржи (задней) и выехал к Лончакову купить шаек. Купил, но как ни гребся, а барж догнать не мог. Около Ломов я мог бы догнать их, но я вышел на берег звать Лисовского провести меня. Лисовский не поехал. Я попросил

* Два слова не разобраны.

у него народа и этого не получил. Причалить к Ломам не решился, не надеясь на своих людей.

Скверная история, и писать не хочется¹¹⁴.

Р<ека> Амур. Пятница, 12 июля.

Вот и не думал и не гадал, а снова пришлось идти с баржей. В прошлое воскресенье, 7-го рано утром, я приехал в Сретенск. Оказывается, что в Сретенске оставлено несколько тысяч пудов муки, не взятой Парфентьевым, что эту муку надо отправить, а потому снаряжают баржу, с которой я должен догонять Волкова, а там догонять Ма-линовского на лодке¹¹⁵. Я отговаривался, но надо было идти. Волков вышел 4-мя днями раньше меня. Весь расчет в том, что ему нужно идти с 15 баржами гораздо дольше, снимать их с мелей, раньше приваливать и позже отчаливать, чтобы иметь время выспаться. Дали мне кандидата по судье, чтоб провожать и находить лоцманов; на каком основании кандидат по судье, хоть бы и смотритель почтовых станций, обязан делать это, — не знаю. Лоцманы доставили из почтовых ямщиков, иногда, кажется, из жителей; тоже на каком основании, — не знаю. Есть опасное место при устье р<еки> Черной; вот кандидат в деревушке перед Черною берет 4-5 человек «для провождения баржи» мимо утеса. На каком основании — не знаю. И много найдется таких «мелочей», вовсе не мелких в рабочую пору, — великая река Амур много надела-ла зла бедным казакам. И долго ли продолжится такое состояние казаков? Работают точно над каким-то новым положением, но не знаю, что из него выйдет. Конечно, нельзя кричать, как кричат завистники, что казаки обеднели единственно вследствие того, чтобы Амур разорил их. Нет, но скольким несправедливостям он подал повод. Теперь уже втянулись все в это. Приезжает в станицу, старшего требует, — сделай то-то, весел найди и т.п., —

а главное, что требует этого; ну, старший ведь казак; а тот офицер, — ну разве тут не принуждения. Правда, что если старший поленится, то он очень ловко и плутовски отделается, но этого недостаточно; не со всяким отделаешься плутовски, — от Бруннера, Моллера и др. не скоро отвертишься.

Итак, я ехал на одной барже; десять человек хорошей команды, немножко знающей, но, главное, работающей и говорящей, не забитой. Плыли хорошо.

На Шилке недаром прославилось одно местечко — устье реки Черной (о ней я Саше подробно писал). Все боятся страшного утеса против самого устья этой речки, о который ежегодно бьется столько барж. Побоялись и мы, но напрасно. Шилка была очень высока, не давала Черной бить баржу. Зато другая беда, — въехали на косу и застряли там. 10 человек команды, — что с ними сделаешь, — пришлось народ собирать. На другой день подъехал Малиновский¹¹⁶. Тот с народом; еще разгрузили баржу, она тронулась, пошла.

Затем все уже шло хорошо; казаки еще не начинали покосов, следовательно, время было почти свободное; им поднесли по большой чарке водки, и дело с концом, они разошлись довольные, да... их это не бесит, за что их тревожат. Только одна жалоба вырвалась. «Эх, проклятое местечко, — нас никогда не минует баржи снимать; вот олгорюйские в стороне, знать ничего не хотят; грубияны этикие, никогда не придут, — на покосах, мол, знаем мы их покосы». И жалоба-то даже в виде зависти.

Вот справа открылась цепь гор, подходящая под углом к тем, которые провожают Шилку; впереди местность открытее, ровнее.

Горы словно стушевываются, отходят вдаль; они придут потом, но уже не такие высокие, не такие крутые; не будут спирать реки в узенький проход между утесами

и камнями; трава гуще и выше, больше лозняка, больше сорных трав, высоких, густых, приволье видно. Вот станица Покровская; на вид недурна, видно, что жилье, — заселяется. Народ выходит на берег, казаки в кучке посиживают у магазина, а лень-то видна, — ведь можно бы дома что-нибудь «робить», а они сидят себе да болтают. Нам надо было купить себе весел, молока, крупы думать найти. Вместо того ничего не находится, не то чтоб его не было, а «нет, батюшка, нет» — т.е. проваливай-ка, дружок. Торговая неразвитость? Пожалуй. Но она, должно быть, оттого происходит, что на Амуре слишком уж в ходу 11-я заповедь: «не зевай». Да и замечательный народ бывали по большей части сплавщики, — не мудрено, что хозяйки стараются не подпускать их. Наконец, тут пароходы грузятся, разгружаются, нанимают народ на поденную работу, наконец, и кабак есть, и деньги есть.

Суббота, 13 июля.

То же вот почти в Свербеевой, но уже слабее. Сперва то же недоверие, но поговоришь, ничего, не грызется хозяйка, даже чайку предложила испить (кирпичного) с «забелкой»; оно не худо, хотя и без сахара. Наконец, хозяйка даже огурцов предложила. «Огурцы? Да давно ли они у вас?» — «Давно, батюшка, только вот все продаешь, так не дают вырастать». А в Сретенске и по Шилке и понюхать этого не пришлось. Что ни говори, а если бы огурцы так хорошо родились в Забайкалье, то небось не поленились бы их разводить. Во дворах много собак. «Да нельзя же без них, тоже ведь на охоту ходить». Собаки простые дворняги. «Как на охоту?» — «Да белкуют, так собака это укажет; ну они и стреляют».

Огурцы оказались по копейке (не торгуясь).

Жарко, небо безоблачно, по ночам свежо и пыльно, страшный туман. Но я плыл уже в лодке, баржу сдал

Волкову, которого нашел в Свербеевой; ну, а в лодке «по экой воде» можно плыть всю ночь по течению, один сидел только на руле.

Воскресенье, 14 июля.

Утром рано пришли в Албазин, сотенный штаб 1-го полка 1-й сотни. Станица большая, деревянная церковь построена недавно, простенькой архитектуры. Я пошел на почту прописать подорожную и взять ямщика. Станок, конечно, казенный, старший неграмотный, — пишет за него писарь, немного выпивший (4-й час утра), пишет, а сам тоже малограмотный; я сам прописал подорожную. На окне валяются шаньги, 5 стаканов, я стал торговать — нельзя. Неужели старший так живет? Вернулся на лодку. Добрынин показал бутылку спирту — 70 коп. Купили еще крынку молока, простокваши (кстати, во всей Сибири я слышу «простокиша» вместо простокваша, как привык слышать в России). Потом нанесли до десятка горячих шанег — ватрушки с начинкой из гречневой каши, варенной на молоке; шаньга большая (диаметром в эту раскрытую книжку), стоит 2 к<опейки>; крынка молока — 6 к<опеек>, коврига хлеба (фунта два с половиной) — 10 копеек. Разговорился я с ямщиками — горбиченские; тогда всех оттуда взяли да первых и переселили, — живем ладно, привольно. Косим на той и на нашей стороне, покосов довольно. «А пашни где?» — «Да здесь ничего, добротнo, пашня верст 5, а есть и ближе, под самой деревней». (Везде видны огороды, огурцов вдоволь, только уж очень большие, отходят, желтеют.) «А вот по иным станциям, так пашня далеко, трудно». Станица большая. Далее я спрашивал, нет ли добровольных переселенцев. «Есть, Воскресенская». Станицы понемногу заселяются. Вот, например, Амазар: показано дворов 2, а их около 10. Почти везде так.

Привалили мы еще к одной станице, кажется, Воскресенской; приходят казачки, продают огурцы, молоко.

Я все расспрашивал про луга, про пашни. В этих станицах не жалуются.

Время от времени попадают манагры¹¹⁷; на маленькой лодке плывут себе вверх по течению, привалят, построят шалаши и странствуют таким образом, продавая по станциям и сплащикам холстину, рыбу и др. дрянь.

Откуда вы? — «Все с Горбицы, из первых переселенцев». Станицы все почти построены или на выходе из леса, или между берегом и сосновым бором. Сейчас за дворами и за огородиками начинается сосняк, сосняком же кончается улица. Домики, по большей части маленькие, в два окошка, с окрашенными белою краскою каймами.

Да, забыл. В Покровское пришли манжуры на большой лодке, почти судне; пришли, стали повыше деревни (осторожны), раскинули шатры, и милости просим. Продадут дабу, грубую бумажную ткань, буду — просо, араку — водку. Торговля завелась порядочная.

Понедельник, 15 июля.

К станциям нигде не приваливали, а потому ничего не могу сказать про все их, до Аносовой. Знаю только, что чаще и чаще попадают манагры на лодочках. А то видны шалаши в лесу, — рубят лес и плывут в Благовещенск. Амур все шире и шире, разлился версты на 2, местами и гораздо больше; протоков куча.

Вторник, 16 июля.

Ночью предстояло ехать мимо Белых гор, но оно бы еще ничего, кабы ночью, а к утру, когда обыкновенно станет так туманно, что не видно ни одного берега, и то не видно его в нескольких саженьях.

Мы шли как в тумане (ночью лодка идет обыкновенно сама, не гребут, один только правит кормовым веслом), шли в тумане, греблись, вдруг оказывается, что лодка что-то трудно идет. Пустили щепочку, смотрят — видят, что лодка идет вверх по течению, что они вверх гребутся; пустили, повернулась и пошла вниз; а уж сколько раз она шла по кустам, шаркала по камешкам, ну да ничего — сидит всего 4 вершка.

В том станке, на котором находятся Белые горы, находится утес Круговорот, как он назван. Если баржа или лодка попадет на Круговорот, то ее так завертит, что будет стоять страшных усилий, чтобы стащить ее, разве вода сама ее стащит. Мы взяли ямщика и пошли; прошли очень хорошо в самый туман, только жаль, нельзя было рассмотреть этих гор, — только видно было что-то беловатое, много осыпающихся белых камней, обнаженные белые утесы и много тени под утесом. Течение тихо, но во многих местах пену так и крутит.

Амур все разливается, все шире, попадают и орочоны на лодках, едущие вверх. «Ханшины надо?» Конечно, я отказываюсь. Я уже столько разговоров слышал про эту ханшину, что надо будет непременно расспросить про нее и попробовать; говорят, что из-за нее многие просадили кучу денег, — выпьет 3-4 чашки и на неделю пьян, наутро будто трезв, а выпил чашку чаю... ну и опять пьян.

Расспрашивал я ямщика, — жалуется, что у них в станнице> Ермака плохо. Покосов нет, ну и косят у манчжуров, а сено велят свезти, как скосил, а скоро ли его свезешь. Ну, а нам косить негде на своей стороне. Вот если бы высшее начальство запретило им зверовать на нашей стороне, так они позволили бы косить. «Да они у себя будут зверовать». — «Где им там зверовать? Нипочем не станут, потому — жить нечем будет; а зверуют они все на нашей стороне». — «Ну а пашни?» — «Да есть мало, мало

есть». — «Далеко?» — «Нет, есть и близко, на той стороне есть малость. Да оно место-то худо, вот в Кузнецовой не так живут — приволье, одно слово, станица богатая, покосов вдоволь, пашни богатые. А нам поди-ка, станок 50 верст, ну, а зимою подводы доходят. Всего нас 17 человек; ну, 5 человек беспрерывно на службе в Благовещенске; подводы держат человек десять, не более. Ну, десять-то подвод скоро выйдут. Вот почта придет, так бывает на 25 подводах; ну половину отправили, половину оставили; как пришли, так сейчас покормили, снова запрягай, — нет, доняли нас эти подводы. Вот это Аносова, — да эти все станицы, так тем житье, а живут ровно братские, — дома пустые совсем».

Мне надо было заплатить ямщику [за] прогон 1 р. 33 к., я дал 3 р. и послал разменять. Брант проходил более полчасу и вернулся с бумажкой. Я пошел сам. Старшой нашел разменять, да он и должен найти, — невозможно же проезжему возить 15 пуд<ов> меди, а у них всегда есть медные деньги. Старшой стад говорить: «Были, да в сотенный штаб представили». Конечно, медные деньги нашлись. Я просил простокваши или молока. «Нет, ваше благородие, скот весь перепал. Вот пало 30 голов рогатого скота, да 17 лошадей весной в прошлом году, мы вот послали своего брата в Забайкалье за скотом, пригонит, только его еще нет». — «Неужто у одного хозяина пало 47 голов?» — «Сорок семь, ваше благородие. Да у нас в станице сто восемьдесят голов скота было». Перед двором ходит штук 8 волов, лошади довольно сытые.

После, когда мы плыли, Брант уже рассказывал, что он пошел менять деньги к купцу; у двоих был, — один казак, а другой-таки купец. Ну, он и говорит ему: открыл ящик целый, ром тут, мадера, говорит, бери мадеры либо рому, ну, разменяю. Я уж, говорит, хотел

рубашку взять; 1 р. 40 коп. спросил, отдавал за рубль двадцать, ситцевая, шитая, совсем готовая, сейчас на-девай.

Продаются и платки бумажные, американские, 30 к. Меня удивило это, — видно, хорошо живут.

Среда, 17 июля.

Ветер мешал идти всю ночь; немного же мы отошли: все прибывает к берегу, не отобьешься; ну и затащит, — не всегда отобьешься без весел.

Ночью мы проезжали мимо какой-то скалы Корсакова, — преоригинальная скала; против нее какое-то строение, кажется малогира¹¹⁸, у них какая-то лачужка и два столба с орлами около нее по бокам.

Они теперь попадают очень часто; кричат что-то, часто просто или зовут: «Поди сюда». — «Купить. Рыба есть?» — «Не, буду купи».

Утром привалили к ст. Карсакова (на известной криву-лине). Я посылал покупать молока. Молоко просто кислое нашлось, но хлеба не нашлось: посылали во многих местах. «Отчего у вас нет хлеба?» — «И, батюшка, у нас его совсем нет». — «Что так?» — «Да вот два года неуро-жаи были, да ничего не собрали». — «Чем же жили?» — «Да все больше у манягров брали, уж у них все брали, и ячмень, и буду, да и пякут так, что-то вот, пожалуй, найдете, да есть не станете». Бранд подтвердил, что, действительно, ему предлагали какой-то хлеб из буды, с ячменем пополам, да он сплюнул.

Пришла баба продавать огурцы. Медных денег не было. «Да у вас продать чего не найдется ли, сухарей нельзя ли, оно бы нам лучше».

Да, действительно, значит, хлеб в редкость.

— А вот зато ноне так такие хлеба, что благодать, только полегли уж, дай Бог сухой погоды.

Если не будет каких-нибудь особых обстоятельств, то урожай будет великолепно хорош, «таких в Забайкалье не знавали».

«А где у вас делись Кучумяхи?» — «Кучумяхи-то, да сюда переселились все. Нас там всего было три двора. Ну, это, приехал Карсаков, сел на берег, разостлал, самовар поставили. Ну и спрашивает: «Как вы, братцы, живете?» — «Ничего, мол, ваше высокопревосходительство, только вот покосов нет, пашни далеко». — «А ну, переселитесь ко мне, в мою станицу». — «О, ваше высокопревосходительство, переселяться-то теперича, которые это огородики есть, так их бросать, что ли, домишки опять». — «Ну, я вам народу, — говорит, — пришлю». Вот по сию пору и присылает». — «А давно здесь в Карсакове селятся?» — «Да седьмой год пошел». — «А пашни у вас далеко?» — «Нет, а есть и верст 12». — «Ну, а покосы?» — «Покосы эвона, близко, вот в Кучумире, бывало, нет, так у манчжур косят; ну, первый раз жгли, теперь ничего». — «А ваши не косят там?» — «Почто не косят, косят». — «Ну а манчжуры?» — «Ноне это ничево, не жгут».

В двух местах попались новые переселенцы — пришли на паромах, построили землянки; а бывает и так, что новые переселенцы ходят и милостыню просят. «Да кто ж вам велел переселяться?» — «Да не отставать же от стариков».

Какие здесь идут богатые луга по обеим сторонам, но время от времени это перерывается сопками, и нет дороги иной, как по Амуру, а дорога по Амуру очень непостоянная, — она хороша в большую воду, а случается, что пароходное сообщение прекращается в июле, тогда уж худо, тянутся на лодках вверх, груза уже доставлять невозможно, впрочем, и в такую плохую воду, как прошлого года, можно было дойти пароходом до Покровской, следовательно, оставалась только Шилка. Но зато как пойдет

(в конце сентября) лед, сообщение становится прерывистым до того времени, как Амур вскрыется. Амур становится очень неровно, ну, и проезд очень труден.

Четверг, 18 июля.

Я сбился числом, 18 июля.

Утром я никуда не заезжал, греблись до 2 часов, чтобы успеть сегодня в Благовещенск. Сплавщики все уши прожужжали, как они купят себе то или другое, и зарок давали ханшины не пить; Благовещенск кажется им чуть ли не обетованным городом, — правда, они получают здесь разом порядочную сумму денег за сплав (они нанялись за 15 р. и ничего не взяли вперед, кроме одного); кстати, перед тем как отчаливать, они все приставали, чтобы им выдать деньги и отпустить купить кое-чего, напр<имер>, нужен табак, сапоги т.д. Я хотел отпустить с вечера до 3-х часов утра, но кончили погрузку поздно, — нечего давать денег, теперь ничего не купишь. Я хотел отпустить их утром, до 8 час<ов>, приставить часовых к кабакам или их отпустить с конвойными. Заборовский говорил, что положительно отпустить ни к чему. «А табак?» — «Ничего не нужно. После вас же благодарить будут. А то будет то же, что в прошлый раз, — все перепьются». Я, наконец, согласился; они говорили, что «как же так, ничего не купили», но оказался фунт табаку на всех, и довольно, «в дороге купите». Они поворчали, но слабо. После они сами напомнили мне это и благодарили, — «а уж вы хоть бы 10 часовых поставили да конвойных давали, — ничего бы не сделали, напились бы, потому у себя, знакомые нашли бы».

Да, итак, все толки про Благовещенск, — и когда придем, и что сделаем, как придем, и как Бог привел на Амуре побывать, после хоть можно будет сказать, что был на Амуре.

Селения манчжур, китайцев попадаются беспрестанно, хоть по одному, по два домика; лают собаки, огонек, а днем кучка деревьев, из-за нее выглядывает домик, аккуратный, чистенький; домики разбросаны, это не русская станица, где домики аккуратно один в один вылеплены, выровнены, поставлены на полувзводную дистанцию и кругом ни деревца, хотя бы станица была поселена в лесу, — «пошто ходить далеко, когда лес за избой».

Селения и на русской стороне становятся гораздо чаще, — деревушек очень много, да и как не заселить этих богатых мест, — это лучшие места по Амуру. Что за трава — в аршин! Почва богатая, сила страшная. Амур широко разливается на много протоков. Сегодня три парохода попались Амурской компании с баржей; «Корсаков», «Зея» и «Ингода», под самым Благовещенском.

На берегу (на нашем) попались 2 стада скота — табун лошадей и стадо быков, славный скот.

Вот еще несколько деревень и Благовещенск. Городок раскинулся на берегу, на рейде куча барж, идет разгрузка; жизнь видна, и много жизни. Сам Благовещенск плохо виден. Напротив китайская деревушка, довольно большая — Сахалин.

Я причалил около катера Малиновского. «Буссе уехал, являться не надо, а вот поедemте в гости к китайцу, дело есть». Ладно, поехали на узенькой лодке, и то было трудно, даром что Амур тут так широк, а очень быстр, надо черт знает сколько заходить с лодкой вверх, чтобы переправиться (на 4 веслах). У китайцев на самом берегу идет работа, возят бревна, пилят и тешут. Пилят не так, как у нас: бревно ставится наклонно и закрепляется. Нижний пильщик сидит верхом на доске и пилит так, что опилки не могут уж сыпаться ему в глаза, — и бревно наклонно, да и он может сидеть подальше. Пила не такая, как у нас, а узенькая, с большими очень зубцами и устроен-

ная как маленькая одиночная пила (почти). Пилить очень хорошо и не трудно, я сам пробовал, зато, говорю я, дольше будет пилить; бревно липовое, сырое, в 3 сажени, а 3/4 аршин диаметра, — в 7 рядов (6 досок и две плахи) пилит 2 дня. Не знаю, как скоро идет пила у нас, знаю только, что пила считается у нас самою трудной работою, у них она легка. Далее тешут бревно. Топор на длинной ручке, так что не надо нагибаться, тешет очень аккуратно и чисто. «Но зато, должно быть, очень долго». — «А зато русский плотник 50 коп. в день, а я пойду в Благовещенск за 25 коп., сам пойду, и другой пойдет». Вообще во всем малоценность труда, бездна трудолюбия и низкие цены, оттого богатые живут хорошо, но рабочие живут в нищете, бедно и грязно. Во всем много практичности и отчетливости. Шляпа соломенная с широкими полями, с узеньким колпачком, чтобы не находила на лоб и лба не терла. Снасти для сети устроены: в двух шагах от берега веревка, которую надо бывает потянуть; русский непременно шел бы в воду два шага, а у них все это аккуратно и дощечка есть, и опять такие дощечки, не жердочки, а толстые, «как следует быть, настоящие». Лодки очень чисты, прочны, замазаны какою-то очень прочною белою мазью; вода не бежит; крыши крыты в грядку превосходно, циновка чистая: аккуратно сплетена и удобна — мягкая. Много можно найти таких мелочей.

Мы зашли к знакомому китайцу Иоганишу. Малиновскому было до него дело — быков купить. Иоганиша не было дома; мы вошли в лавку, поговорили с прикащиком. «А много быки купить?» — «Много. Я в прошлом году 60 купил». — «И теперь 60?» — «Да, и теперь 60». Тогда он послал за хозяином, а пока попросил в комнату. Хозяин живет не так, как все остальные. Комнаты у него более аккуратно и с большими европейскими замашками, — например, тюменские ковры на лежанках, американ-

ские стулья, дорогие, самовар. Наконец, четверо часов стальных. Часы каждый китаец считает долгом купить. У него, напр<имер>, четверо, и все четверо стоят. Садись, кури; ганзу он сам не выпускает изо рта; чтоб зажигать ганзу, есть постоянно огонь, горят тонкие фитили коричневатого цвета, твердые, они же употребляются при богослужении; фитиль горит в коробочке с железным решетом. Шкаф очень прочный, удобный; стены оклеены: одна русскими обоями, другие три — китайскими. Большие банки зеленого стекла, русские, налиты водой, и в них плавают маленькие рыбки, в дюйм величиною (из Амура). Это так, для забавы. Мы зашли в лавку, — картонная картинка висит на стене, лежит китаянка, — само собою, за этим кроется похабщина, — вся одежда снимается, — работа очень грубая; купили бамбуков, отличны, в сажень длиною, по 50 коп. (не торгуясь, они всегда запрашивают). В лавке много безделок, из них много русского или американского происхождения, — пуговочки и т.п. дрянь. Пока ждали, пошли осматривать хозяйство, — все это делается очень бесцеремонно, — иди и смотри, коль нравится. Около дома кухня. Повар в одних штанах и обуви курит ганзу. Род плиты, тут же несколько корчаг, замечательной работы, по 2 арш<ина> длины, 1,5 арш<ина> высоты, с дырой посередине; они сплетены из ивовых прутьев и выклеены внутри бумагой; держат масло отлично; в кухне деревянный стол, нож вроде косаря, два котла, и только, все чисто. Повар надел род белого пальто, очень чистое. Огород великолепен, ни одной травки, грядки трехугольные, — посеяна редька, редис (очень крупный, круглый вроде репы, 3-4 дюйма диаметром, слаще редьки, напоминает репу), морковь, кукуруза, бобы (обе в цвету), фасоль (готовая), огурцы, картофеля не видел, но он, кажется, есть. При нас сеяли что-то. Китаец, старый, с зобом, проводит лопаткой борозду, баба очень

скоро проходит всю борозду и кидает семя. Работники в удивительно жалком состоянии, ободранные, в лохмотьях, грязные; хозяева чистые, в хорошей одежде.

Телеги с очень тяжелыми колесами; в колесе четырехугольное отверстие, оно вертится вместе с осью, на которую накладывается тележка. Замечательны их глиняные кадки, ведь лесу здесь почти нет, а годный для поделок сплавляют сверху, потому надо было что-нибудь придумать. Бочки из муравленой глины большие и прочные. Перенять бы это не худо*.

Женщины в одежде из синей дабы, вовсе не такие, как мы их обыкновенно знаем, ну, да это, впрочем, и не Китай, а просто в халате; ноги у всех, как мужчин, так и женщин, очень маленькие, у мужчин обуты в башмаки черные на толстой войлочной, что ли, только плотной подошве; надеты на бумажные толстые, немного жесткие чулки, подвязаны шнурками; штаны не на все ноги, а з.... не закрывают, у иных халат, у других род рубашки; шляпы соломенные, в таких костюмах ввалилось человек шесть; когда пришел Иоганиш с ганзами в руках, с очень размахистой походкой, пренахально расселись и заговорили (я вспомнил о чухнах в Токсове под Петербургом, которые придут, рассядутся по лавкам и молчат, пройдет много времени, кто-нибудь что-нибудь скажет, другой ответит, — тем и кончится), подходит, здоровается за руку. Подали чай по-русски, т.е. в стаканах с блюдечками и ложечками и с сахаром, — это уже вовсе не по-китайски. Иоганиш — один из честнейших китайцев; говорят, на его слово можно вполне положиться, а это редкость; наконец, он джентльмен, не нахальничает, не харкает у вас в комнате, покуривая ганзу, не разваливается на сту-

* Здесь помещен рисунок лопатки в плане и разрезе, а далее телеги, затем чертеж, объясняющих способ прикрепления оси к телеге, а далее - рисунок глиняной кадки.

ле так, что стул затрещит (сидят они все нога на ногу, и я чаще видел их в этой позе, чем поджавши ноги).

Вечером мы вернулись в Благовещенск; все время гремела музыка, не знаю почему, — так себе, видно, гуляло довольно народа. Когда приходят баржи, Благовещенск оживляется, т.е. базарная его часть, сплавщики получают много денег кормовых и т.п.; на первый же день они все пропивают. Наемные отправляются на казенном пароходе, но они все пропивают, все до последней копейки, на пароход тоже не попадут и должны ждать следующего без гроша в кармане. Стоит им выпить чашку или две ханшины, и тогда их обирают дочиста; беспрестанно приходят такие сплавщики ко мне просить денег, так как все пропили и жить нечем до парохода. Пьянство и воровство страшное, — пропивают некоторые по 60 руб.

Благовещенск. Пятница, 19-го.

Рано утром я пошел смотреть город. На берегу бульвар, т.е. ряд жиденских березок, пространство между ними заросло травой. Прежде всего бросился в глаза губернаторский дом, очень хорошенькой постройки, одноэтажный, но с красивым фасадом и, вероятно, большой и очень поместительный; строили, конечно, казаки, и сколько они уж настроили домов, сотенных правлений, канцелярий, школ и т.п. Как только поселились, церковь строили и с проклятьем бревна возили. На берегу же большой двухэтажный дом (вернее 1,5 этажн<ый>). Это был прежде дом губернатора, потом батальонного командира, теперь канцелярия, — тоже казаки строили.

Далее очень хорошенький домик батальонного командира, большой с внутренним балконом (от которого перенято почти во всех домах так), аккуратно выкрашен, собственный дом, говорят, верно, строен не по наряду. Городок небольшой, меньше Читы, вытянулся вдоль берега;

сказывают, что он удивительно застраивается, да и теперь заметно, что очень много новых построек.

Заходил в магазин Людорфа покупать сигар; оказалось, что Розен (в Чите) брал в Чите, даже в Покровской на ящик 2 и 3 руб. барыша (сигары здесь в 5 руб., продавали за 8 руб., потом семь).

В Благовещенске я ни у кого не был, обошел только город с базаром в полукитайском вкусе, где очень много китайских лавок, потом письма писал.

Часа в четыре отчалили, оставив лодку дожидаться пьяных людей и велел нагонять нас; ветер все противный, низовой, катер трудно идет, приходится все время идти на гребях.

Вечером пристали (чтобы дожидаться лодки) около какой-то манчжурской деревни. Китайцев сперва пришло 2-3 любопытных. «Что купи? Огурцы купи, ханшина купи?» Мы пошли в деревню, мальчишки гоняют двух страшно разъяренных быков и никак не могут загнать их домой. Дома китайцев во дворе, открыты во двор, в пол-стены; эти окна закрываются летом тонкою сеткою; они так устроены, что на солнце не выходят, а потому в комнатах всегда прохладно. Зимой окна залепляются бумагой и в комнатах тепло. Потом в комнате по 2 сторонам ее всегда устраиваются сиденья или лежания довольно низкие, (немного ниже стульев), покрытые циновками, и под этими лавками проведены дымовые трубы из печи, потому зимой тут всегда тепло. (Как говорит Малиновский, который был зимою.) Крыши далеко выдвигаются над домом и закрывают от солнца, вообще в этом отношении великолепно устроены, и летом удивительно прохладно. Мы таскались по нескольким дворам, почти везде есть цветы, везде отличные огороды, но довольно побывать в одной фуре, чтобы знать устройство всех остальных; затем идут особенности, связанные с характером, жизнью

хозяев, а этого не узнаешь из простого рассматривания; плуг у них удобен, прочен, нет отворачивающего ножа, а сошник вот какого рода*, плугов на колесах я не видел**. Странно, неужели не догадались? Упряжь волов неудобна, зато упряжь лошаков для мельниц удобнее, кажется, наших хомутов, — короче, нет шлей, а две палки, которые накладываются и завязываются; для быков упряжь веревочная.

У Катера начался торг: в деревне не могли ничего купить, а сюда наташили всего, чего нужно; покупали уток, кто-то купил утку за старую рубашку; попробовали купить на мешки. Мешки провиантской комиссии, не очень-то новые, — один с заплатой, другой с дырой пошли каждый за утку. Уток продавали: хорошую — за 25 коп., попроще — за 20 коп. Их набралась такая куча, что уж надоедать стали.

Суббота, 20 июля.

Утром пришли в Айгун¹¹⁹. Причалили к тому месту, где базар на берегу. Мальчишек набралась куча; торгуют, продают как взрослые купцы, выучились немного по-русски говорить. Вообще я замечал, что у них мальчишки рано развиваются, да и, наконец, нет того, чтобы при старших они не смели рассуждать; напротив того, они горланят с вами, пожалуй, громче старых. Курят трубку, и ни разу мне не довелось слушать, чтобы кто-нибудь из старших остановил разболтавшегося мальчишку; нам с непривычки очень странным кажется видеть такого мальчишку лет 10-ти с длинной ганзой, разбитного, торгующего и очень хорошо (плутовски) торгующего. Один из таких мальчишек повел нас к юрте амбана¹²⁰; мы хотели сделать ему визит, посмотреть на китайские церемонии. Жилье амба-

* В этом месте рукописи пером сделан набросок сошника.

** В этом месте рукописи пером сделан набросок плуга.

ня далеко, огорожено высоким частоколом с вырезами вроде крепостных, не имеющими никакой цели, так как сзади стоять не на чем; в воротах выступ, против них помещается раскрашенное зданье. Тут обогнал нас верховой на лошаке, — он ехал известить о приезде к берегу лодки; попался какой-то нойон¹²¹ из маленьких, — он слез одной ногой с лошади, честь отдал; нойон пошел с нами; дошли до какой-то караульни, много народа, около нее нас и оставили, — делай, мол, что знаешь; посмотрели: учат солдата луком стрелять. Мы поймали какого-то нойона маленького и настойчиво велели к амбаню вести. Ввели нас в канцелярию; сиденья по 3 стенам, — за 3 столиками пишут писцы, как-то особенно держа кисть, пишут ужасно медленно. Сидит какой-то нойон, уже с голубым шариком. Поклонились. «Минду» (?), здравствуй; сели, посидели, дали огня, закурили. «Толмач нету, Гантимур». (В Благовещенск, что ли, уехал?) Жалко. «А нойон знай мало-мало руски». Нет, а потом говорил несколько слов. Расспросы: куда едете, зачем, с чем и т.п. Посидели. «Мы амбаня хотели видеть». Молчит. Ну, посидим, покурим, да и пойдем. Посидели, покурили, да и пойти собирались, а потом решили все же добиваться свидания с амбанем; входит другой нойон, постарше, помоложе и умнее на лицо. Сел, подали ему ганзу, закурил, спросил, куда едем, зачем, кто такие; переводчика нет, говорит; помолчал, посидел, покурил, опять помолчал. Мы покуриваем. «К амбаню». Молчит. Пришел переводчик. Белый халат, черный плащ, черная шапка. Поклонился. Они поговорили с ним, помолчали. «Что же, М.О., ничего не добьемся». Говорим переводчику, что к амбаню хотим идти засвидетельствовать свое почтение. Помолчали, и мы помолчали. «Что ж, амбаня можно видеть?» — «А какое дело?» — «Засвидетельствовать свое почтение». Помолчали. Я уже настойчивее спросил еще раз. «Если

бы казенное какое дело, а то сегодня голова болит, сегодня нельзя теперь». Повторили еще раза три, хотя мы и не спрашивали. Еще раз спросили, кто мы. Майор? Да. А это сотник. Перевели, начальник всех барж. «Мы их прежде смотрели, все что везут, теперь не смотрим». — «Да». — «Ну, амбана нельзя будет увидеть». Как бы выразить, что мы хотели вежливость сделать, а это уже невежливость от амбана. Да переводчик не передаст. Погодите. Я сказал переводчику, что у нас, в России, закон, когда приехал в город, то надеваешь все это, — эполеты, и идешь к старшему, так вот мы хотели тоже так. Он начальник всех барж, ну, приехав в город, хотел к старшему пойти. Польстило, рассмеялся даже от радости. «Хорошо, можно будет после. А мы прежде все ваши баржи смотрели». Да, ну, а теперь начальник всех пришел вместо того и спросил. Да хорошо ли прошли, может быть, солдаты худо делали и т.д. Можно, можно. А все-таки посидели еще и покурили. Наконец, встали. У дверей колясочка, двухколесная, шелком крытая, ковер раскрашенный и т.п. Мы пошли к амбаню. Дорогой помощник амбана спрашивает: «У вас есть медведь на лодке?» — «Нет». Засмеялся: врешь, дескать. «Лисица у вас есть?» — «Лисица есть». Какова мелочность. Помощник губернатора знает, что у какого-то приехавшего офицера есть лисица, и это доносит ему казак, дежурный на берегу.

Наконец дошли до двора амбана; комната, как и все другие, попросили подождать в передней. Вышел амбань. «Здравствуйте, садитесь». Сели. Малиновский говорит: «Скажи, что Корсаков ему поклон прислал». Говорит. «И об здоровье приказал узнать». Покраснел и засмеялся от удовольствия. Подали чай желтого цвета. «Извините, по-китайски, без сахару». Думает, ничего, желтого цвета, — желтый чай можно и без сахара. Оказывается, такая отвратительная бурда, — просто скверный чай желтого цве-

та, — просто-запросто кипяточек без всего. У Иоганиша так подавали, по крайней мере, какие-то фрукты в сахаре. Я едва допил стакан из приличия. В ответ на наши любезности нам несколько раз повторили: «Вперед просим быть знакомы».

В комнате стоит полковник, тут, верно, живет, прочие в соседней комнате.

Посидели и ушли, спросив позволения посмотреть город и острог, и все; с переводчиком и ушли.

Только что вышли, вышел и амбань; у дверей налево стоят два солдата на коленях, чиновные, потому что с шариками, амбань распекает их. «Маленько украл, амбань сегодня сердитый», — поясняет переводчик. Амбань долго кричал, те кланяются. «Ну, разжаловать, шарик снимай». Тише, тише, — амбань простил и пошел, чиновники за ним, кивок головой — и ушел налево.

Мы простились с чиновниками и пошли по городу. Вошли в полицию. «Вот кандалы», — какая-то маленькая палка, длиною около аршина, с тремя крючками мутовкой, чтобы «полиция ловила вор». Палки вроде весел, чтобы сечь. Мы спросили про доски. Нас повели в отдельную хижину; на лавке сидит человек, на шее у него доска дубовая, толщиной пальца в два с половиной, в аршин квадратная, весом полтора пуда, вырез для шеи неширокий, доска сдвинута и заклеена бумагой с печатями и подписями: выйти ему из избы нельзя, доска не пускает. Кушанье стоит, уксус в чашечке*. Дают столько, чтобы не умер. «Так спать нельзя?» — «Нет, можно». Вытянули такую дощечку на веревках, на ней что-то вроде подушки**. Оказался камешек (из снисхождения), чтобы доска не так да-

* Необходимая приправа (Примеч. П.К.)

** В рукописи сделан рисунок, изображающий человека, лежащего с доской на шее, и отдельно доски на веревках. Далее помещен схематический рисунок жернова.

вила. «И долго он так сидит?» — «Нет, этот не долго, — три месяца, — он маленько украл. А большой украл — три года». Оказалось, что есть одна доска на двоих, на троих, и держат так 3-4-5 лет. Это возмутительно. «Ему можно пятаки дать». М<алиновский> дал рубль. Надо было видеть его радость, его поклоны доской на шее.

Зашли на мельницу. Сушится пшеница на полотнах, — напочена, мыта, верно. Пшеница великолепная. Мельница устроена очень скверно. Один человек с 2-мя лошаками может смолотить и просеять в день 4 пуда муки*. Буды обить 15 пудов. Таскались по городу, — то же самое, что и во всех деревнях, лавок только больше. Были в божнице, и в одном я убедился, что китайцы не очень-то богомольны, по крайней мере говорят про своих богов и смотрят на них совсем бесцеремонно. Бурханы огромные, есть страшные уроды, с собачьими и с птичьими головами, множество свечек, фитильков, литавры, и больше ничего.

Ниже Хабаровки. Пятница, 5-го августа.

Ничего не писать с самого Айгуна! Нехорошо, но сперва не до того было, потому что принялся письма писать, потом тоже не до того было из-за мерзости и гадости, нас окружавшей. Тащимся невыносимо медленно. Дождь, холод, страшная сырость и противные сильнейшие ветры — вот что сопровождает нас с Михайло-Семеновской¹²², а противные ветры с самого Благовещенска. Один только день выдался порядочный, — сперва было тихо, потом подул попутный ветер, как следует. Мы чересчур ему обрадовались, — и мачта сломалась. Так дотащились до Михайло-Семеновской и должны были простоять всю

* Здесь в рукописи сделаны два рисунка, изображающие ручные мельницы.

ночь, делать мачту, благо рей с Акциза нагнали и были плотники. Потом пять дней до Хабаровки; это просто непонятно, как продолжают постоянно такие не ветры, но бури. Что сказать про все станции ниже Благовещенска? Есть станции богатые, огромные станции, как, например, Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская, Иннокентьевская, Константиновская, — хорошие пашни, хорошие луга, живут хорошо. Я заезжал в Иннокентьевскую. Попал на что-то вроде вечорки. Приезжие из Константиновской, ну, идет угощение, песни. Хозяин зазвал нас, покуда другие пошли покупать молоко. Я был с Колписом, нарочно пускал его вперед, чтобы на меня не обращали внимания (ну и задал хозяйке затруднение, кому подавать прежде вино, чай). Угостили нас вином, т.е. спиртом, разбавленным теплым чаем, — страшная мерзость, потом чаем крепким, очень крепким, без сахара. Заговорил я об их житье. Теперь что, хорошо, хвалят. Вдруг встает очень толстая баба (в ненецком платье, как и все), встает: «А ну-те-ка; каково оно на Амуре, — споемте», — и запекает разбитым голосом, с телодвижениями вроде перекачивающейся пляски:

Кто на Амуре не бывал,
Тот горя не знавал,
Кто на Амуре побывает,
Тот горе всякое узнает.

Песня длинная, не помню ее, но расскажу содержание: Как плыла по Амуру лодочка, приставала к берегу, и на берег выходили офицеры и раскидывали себе палаточку. И как сидели офицеры в той палаточке и раздавали топоры и лопаты, и заставляли казаков копать ямки да канавы. Тут только казаки узнали, какое оно горе на Амуре. И копали казаки ямочки, «копали, Амур проклинали»...

Наконец

Забайкальские казаки
Запросили плату,
Офицеры им совали
Топор да лопату.

«Песня очень длинная, я вам и половины ее не спела».

Жаль, было некогда, катер уходил, а его догнать трудно, я должен был уехать. «Да, так вот оно каково на Амуре; виноваты как офицеры, так и знайте, как про офицеров песня поется». Это говорилось с маленькой досадой. Подвыпившая баба была очень мила в это время. Все ей дружно подтягивали, но как она фальшивила, то долго не могли, она не конфузилась и продолжала одна, еще громче выкрикивая песню.

Наконец, мы въехали в Хинган¹²³, предмет стольких песнопений и восторгов. Действительно, он очень хорош. Амур сперт горами и уже не разливается на десятки протоков, а идет одним узким руслом. Горы эти — не Шилкинские утесы, на которых заросла ель да лиственница, а по ним видна только глина да гранит и самая бедная травяная растительность. Горы Хингана гораздо положе, все формы круглее, они заросли сверху донизу лесом; растительность удивительно приятного колорита: мягко зеленого, то темного на дубах, светлого на березах, осинах, орешниках, местами синевы хвойных деревьев; лес не так густ, чтобы в просветах нельзя было разглядеть травы, напротив, светло-зеленый фон, по которому раскинуты деревья с крутыми красивыми очертаниями, — фон, который отчетливо выдается между ними, делает горы Хингана удивительно красивыми. Кто бывал на юге, говорит, что они имеют совсем южный характер; судя по рисункам, могу и я сказать то же. Появление таких высоких гор на протяжении каких-нибудь 200 верст, после ко-

торых начинается тундристая гладь и ширь, действительно замечательно. Расследовать эти горы: направление главной цепи, геологическое строение, растительность, — вглубь, а не лишь только по берегам Амура, было бы весьма интересно, и, должно быть, были бы полезные результаты. Наши же ученые не отваживались (проникать) в глубь Хингана и удивлялись только богатствам, представляемым им по берегам Амура, — действительно, камни, удивительно роскошные породы насекомых, растительность, — все достойно удивления по роскошности форм и красоте их. (Говорят, Радде¹²⁴ за 1 бабочку получал в Париже по 25 руб., до такой степени они красивы.) Вот бы где собрать хорошую коллекцию насекомых. Нашлось бы, я думаю, много незнакомых видов.

За Хинганом ровные места, тундры довольно чисты, попадаются иногда горы, но редко.

Встречаются гольды¹²⁵. Лодка небольшая*, величиною вроде 4-весельной шлюпки, конечно, манчжурской конструкции. На ней 2 женщины, 3-4 собаки, кибитка, покрытая какой-то циновкой, 3 детей, лет 7-8, гребут тонкими веслами; тут вся утварь, — едут на Уссури. Впереди берестяная лодка, для одного человека, глухая; сидит поджавши ноги, рядом 3-4 остроги, чтобы ловить рыбу, очень хорошо и отчетливо сделанные, — железный наконечник соскакивает и на длинной веревке может быть привязан к бревну, если гольд один не может справиться с рыбой; бьет острогой и дном в заливах, речушках. Гребет он одним двойным веслом, то справа, то слева, или же двумя лопаточками, которыми он может отлично править тихо, не шумя, и даже держаться против течения на одном месте; вероятно, может и ходить вверх. Тут у него все имущество, даже черепок с огнем для ганзы. Лодка удиви-

* В этом месте рукописи — два рисунка, изображающие лодку, и один — весла.

тельно легка, ходит скоро. Он променял нам дикого гуся на мешок старый и на чарку спирта, — это было, впрочем, в придачу, также и сухари.

Хинган мы проплыли в одни сутки, не причаливались даже, да и на берег нельзя было выезжать, так как катер шел очень скоро.

В Екатерино-Никольской заходили к полковому командиру Чесноку; живет в маленькой комнате у казака, дома своего не имеет; это редкость, — везде прежде всего дома батальонным и полковым командирам строили.

Михайло-Семеновская очень большая станица, широка раскинулась, есть и лавки, живут очень порядочно.

Пришли мы в Хабаровку только 2 августа. Хабаровка расположилась на высоком, очень крутом берегу, — нужно было делать лестницы, чтоб подниматься. Здесь стоит 3-й лин<ейный> батальон и недавно пришел 1-й. От этого Хабаровка очень заселилась, — много строений, казармы, дома офицеров и, наконец, особая улица, Купеческая, с красивыми домиками и лавками. Нам хотелось отпустить Осипа, поэтому не варить обеда и отобедать где-нибудь. Расспросили, где Юзефович, — уехал; еще кое-кого — тоже не было. «Пойдемте к купцу Чердымову. Скажем ему, что у него обедаем». — «Ладно, пошли». Купец Чердымов имеет очень порядочную лавку, хорошо снабженную всякими товарами, и ведет вот такого рода торговлю. Как только станет Амур, он посылает приказчика, который умеет говорить по-китайски и на этих наречиях, на собаках с хлебом (будой), с кое-какими припасами и водкой; тот меняет это на соболей на Уссури. Торговля выгодная, к этому же, так как товары выбраны у него хорошо, не то что пакостные Людорфские товары, то он ведет свои дела очень порядочно и поднялся что-то очень скоро.

Чердымова дома не оказалось, сидели в лавке долго. М<алиновский> заказал соболей; стали расспрашивать, где, кто, — оказалось, что в Хабаровке есть один знакомый Малиновского — казначей Финкстен. Пошли к нему без всякой церемонии. Я познакомился, Бабст, Дубинский, Дор, потом Аносов. Большая комната, красивая, выбеленная, пианино (Людорфом отдано на комиссию Веберу), — все, — одним словом, очень хорошо, чисто; хозяин аккуратный, немец, напомнил мне Карлушу, но много хуже его. Живут, как видно, в довольстве; и была бы потребность, могли бы иметь более книг, чем «Военный сборник»¹²⁶. Может же Финкстен проигрывать по 200 рублей.

Вторник, 6 августа.

Я сперва было думал писать про хабаровских знакомых, но едва ли того стоит. Про Бабста, как только назовешь его имя, прибавляют: «отличный человек, хороший очень». Действительно, человек он безвредный, да, говорят, полезный для своего батальона потому, что не ворует, не дерется и не дерет без толку, — впрочем, так как и то редкость, то Бабст отличный человек. Аносов получает от казны 1200, кажется, с тем, чтобы искал золото; ищет на правах частного человека. Так как содержание большое, а он, выходит, человек богатый, то считает долгом страшно ломаться и воображать, что перед ним все склоняется; в манере, в разговоре страшная наглость и привычка к тому, что все слушают, чуть не с подобострастием. Впрочем, черт с ними!

Хабаровка при устье Усури, и потому сюда приходит вся уссурийская растительность. Там есть утес, над очень крутым изгибом Амура. Утес высокий и замечательный по удивительно разнохарактерной растительности. Это невольно поражает и впоследствии: рядом с осиною,

очень рослою и толстою, стоит толстая же береза, белая и изредка черная. Тут же растет орешник, покрытый кистями огромных орехов (грецких), тут же клен, орешник, (казанские орехи). Вид с утеса великолепен: волны бьют об утес и шумят внизу, вправо виден Амур огромным прямым плесом, только островки виднеются по краям, влево Уссури, впадающая в Амур, острова, горы на горизонте, Хабаровка, рассыпавшаяся по горе, почерневшая церковь, баржи на рейде. Жаль, что шел дождь и не было соответствующего освещения. Весь день мочил нас дождь и ветер дул.

Среда, 7 августа.

Выехали мы из Хабаровки 3-го на рассвете. Отошли станка на два, не более, ветер все завывал, дождь все дул. Амур широкий, расплылся весь, острова да острова, покрытые то тальником, то мелким леском. Дождь и скверность, команда мокнет, поварчивает и припоминает все старые счета. Некоторые по 3 года не получали ничего из казны, т.е. ни жалования, ни одежды. Одни так пошли на сплав, у других, 1-й батальон, батальонный командир отобрал одежду батальонную на том основании, что она неимоверно рвется на сплаве, с него будут взыскивать, если одежда на солдатах рваная. А так как имеется в виду не то, чтоб они не мерзли и не болели, то оно и признается резонным.

Четверг, 8-го.

Дождь только вчера начал переставать, ветер тоже утихает, есть надежда, что можно будет ночью идти. Люди обсохли и не нарадуются сухой погоде. Все 4-е и 5-е мы простояли на одном месте. Такая буря выла, такие были валы, что мы могли едва спрятаться в устье речки, поднявшись несколько вверх на парусах, но и тут стали за-

ходить валы, так что мы должны были уже уйти в самую речку. У берега обдавало как постоянным дождем, — это волны бросали такие брызги. Скука, холод, сырость, все промокло, сырость доходит до самых костей. (Разговор, который я слышу на палубе: «Вот 11-й станок. Да, а год словно шли 11 станков!»). Самые кости побаливали, ревматизм в плече давал себя знать; до такой степени было все скверно, что ни за что не хотелось взяться. Выйти на берег и то невозможно, — сапоги промокают как губки, переменить нечем, и за удовольствие потаскаться по лесу, да и то без цели, пришлось бы поплатиться. Я все валялся в постели или дул чай по пяти, семи стаканов, чтобы согреться. Читать и то даже не мог; разве перечитывал Фауста да Геца¹²⁷. 5-го, наконец, дождь перестал на время; мы решили идти в деревню, версты три от катера. В лесу великолепные грецкие орехи*, медвежьи пушки в полтора дюйма в диаметре, а тут же рядом осина! Немного подальше, верст 5 вовнутрь страны, — сосна, ель, лиственница, нет, значит, разницы в уровне. Добрались до деревни. А вот вам пашня (вятский станок № 3). Клочок земли в 150 шагов длины, столько же ширины. На нем гораздо более 100 пней, берут minimum. Тут посеяны рожь, ярица, овес. Другой клочок такой же, пней немного меньше, — рожь озимая и ячмень. Вот и все. Изба красивая, крытая тесом, много построек около нее прочных и хорошо сделанных. Вошли в избу. Отличная работа, чисто, хорошо вытесана. Семья из хозяина, 4-х сыновей, жены его, 2 девочек и грудного ребенка. Была невестка, да умерла. Купили молока (кстати, не знают, что такое простокваша и как ее делать и ставят молоко в печку, топят его, и только. Так готовят масло. Просили научить как делать, научили). Вятские, вятского уезда, пришли сюда

* По 8 на кисти, и таких кистей - десятки на маленьком деревце. (Примеч. П.К.)

в 60-м году. Хозяин, видно, хлопотун, сыновья работающие, сами обо всем заботятся; 5 работников, — трое, чуть ли не четверо, могут пахать. И при всем трудолюбии и работ — 2 десятины. Там, дома, не было сенокосов, да лесу не было, ну и худо. Пожелали сюда идти, ну, избавление от подати на 16 лет, от рекрутчины на 6 наборов. А теперь так сами не рады. «А переселился бы куда-нибудь?» — «Вот наши все просятся на Уссури. Да и я, так только говорится, жаль постройки, а то переселился бы, здесь ведь вовеки хлеба не дождешься». Расспрашивали о переселении. Хвалит Гвоздева, — хороший человек. «Как привезли это нас, высадили, — лес кругом, берег крутой, лес да лес. Даже этого места не знали долго, вот где дом стоит. Ну вот какой был лес, что вот видишь всю постройку, так вот тут все и вырублено. Окромя только избы. Та из паромов. Дали это лесу, ну, прикупили у соседей, — у кого бревно, у кого два, вот и построили. Деньги есть, но хлеба нет и не будет. Что могут дать такие два клочка? И это у самого лучшего, самого богатого хозяина. Что же у остальных? Паяк! Пайка на 20 дней только хватает (из месяца), но а на 10 ден покупать должен. Я вот как пришел, так цалковых на 50 уж купил хлеба-то. Ну, все уж тут идет — и рожь, и ярица, и ячмень, и овес. Ну, потом прикупаешь у соседей, у кого остается от пайка, потому на малых ребят тоже дается». Сказали мы ему, что в нынешнем году хлеб везут на полный комплект. Призадумался старик. Худо, ведь и купить будет негде; то покупали по рублю, теперь и купить, поди, нельзя будет; благо еще деньгами запаса. Вот на пароход уж поставили сажень 25 (по рублю 30 коп<еек> на частные и 1 руб<ль> 20 коп<еек> на казенные). Вот теперь хоть знаем, что деньги платят, а то прежде велено ставить, ну а за деньги ли, так ли, не знаем, опосля уж вышли, на другой год деньги. Теперь, это, дают квитанции. Ну, вот хоть этим поддержка. Ну,

вот тоже пароход снизу идет, всегда заходит; ну, продашь молоко, яйца, денежки тоже есть. «Да что, здесь денег много, в Рассее рубль ассигнациями так уж много стоит, а тут серебряный рубль ничего не стоит, — вот кошек купил на рубль восемьдесят серебра, за Ваську рубль отдал, да за кошку 75 коп<еек>. А то уж бурундуки да мыши одолели, а уж сколько их было, так это упаси Боже. Ну, купил кошек, это ничего, слава Богу, меньше стало, а то, бывало, так весь хлеб и съедят». Заговорили о покосах. «Да оно что, кое-где сено-то, это, есть, сено тоже хорошее, только уж беда, как нет. Ну, снесешь и начнешь пособирать в лесу; а его вчетвером в день более двух возов не пособираешь». Посоветовали им лабазы строить, класть на подставки в сажень вышины и того довольно. Приняли к сведению. «А после-то пни одолели. Ну, и копаешь себе пашню промежду пней лопатой. А скоро ли ее выкопаешь. Эх, хлеб одолел. Кабы было хлеб где сеять... не то бы было. Ходили, это, вовнутрь искать, — тундра, болота, а то лес».

«Вот я одна только... не с кем позаняться, была невестка, да умерла». — «Что ж ты сына не женишь?» — «Да молоды невесты уж очень. Да и нет их совсем почти, все по 14, по 13 лет. Ну, да оно бы ничего. Просто страсть смотреть, на каких женятся, — ребенок, как есть ребенок, — ну, 12 лет. Приезжал преосвященный, это, разрешил». (Видно, решил, что довольно развита для супружества, толк знает.) — «Уж мы тут высматривали по берегам, нет ли местечка, да нет, нигде нет. Место бы и хорошее, леса нет, а зато, вот поди, топит, все топит. Уж наши за Уссури прошлись и у Корсакова просились, — нет разрешения».

Спрашивается, какая была цель поселить здесь этих несчастных? И никакие усилия ни чему не помогают, никакие просьбы: не хотят сознаться в сделанной ошибке.

Вчера ходили по лесу. Смородина (ягоды), черемуха, виноград, огрех, тальник, дикая конопля и очень густая трава.

Наконец, сегодня выдался хороший денек, — довольно свежий, попутный SW, катер так и несется.

Пятница, 9 августа

Вчера вечером расположился было писать. Приходит Малиновский; «Едем рыбу лучить». Поехали. Это один из родов охоты, который довольно мне нравится. Сел я на весла гресть с одним человеком, Малиновский на руле. Берег все скверный; отъехали версты с 2, наконец, въехали в узкую протоку, начали бить острой спящую рыбу; Малиновский бьет очень порядочно, и если бы вода не была так мутна, то мы набили бы порядочно рыбы. Между тем начался дождь, а мы все еще не хотели бросить охоту, а протока все тянется, и нет ей конца. Час уж десятый. Насилу расстались и стали гресться. Протока тянется черт знает как долго. Вдобавок Малиновский на основании своих нелепых рассуждений, чтоб оспорить мое мнение, порешил, что надо идти в такую-то протоку, а не в такую-то. Впоследствии уже, когда мы прошли версты три, и я пересаживался с кормы вновь на гребь, заметили, что лодка идет вниз и что мы греблись вверх против течения. Течение еще было довольно слабо, — из какого-то озера. Насилу выбрались на Амур. Дождь не переставал, совершенно перемочил нас, ветер резкий, так что под конец мне и на гребле становилось холодно, — сил не было, чтобы навалиться со всей мочи, и если бы израсходовать скоро силы, то было бы потом худо, — впереди ничего, кроме самой подлой неизвестности. Хотя Малиновский уверял, что впереди должна быть дер<евня> Мылка¹²⁸, но он же утверждал, что надо идти в ту протоку и завел против течения. Одним словом, было очень скверно. Я предложил даже остановиться, вытащить лодку на берег и лечь под лодку. Но огонь у нас погас, а скоро ли разведешь его из мокрых сучьев. Наконец, в первом часу

ночи (мы выехали около восьми вечера) увидели какой-то огонек, причалили, потом увидели лодку. Деревня! Ура! Обсушились, завалились спать и все забыли.

Вчера, когда плыли, увидели баржу разбитую на берегу и бревна от крутого*, чтобы барж не било. Через несколько времени еще баржа, разбитая же. Малиновский поехал туда. Оказалось полбаржи воды, но полбаржи муки, овес сухой; рейс Лончакова. Вероятно, ее разбило ночью и унесло в протоку. Что тут сделать? Заводить баржу вверх, чтобы после перейти в протоку, — это стоило бы неимоверных усилий, особенно там, где разделяются протоки: с нами случалось, что занесет в протоку и потом выгребаясь, выгребаясь из нее, даже парус натянешь (при слабом ветре) и все-таки не выйдешь. Для баржи это было бы делом очень трудным; понятно, что Лончакову пришлось бросить эту баржу. Наконец, этого мало: вчера расспрашивали в деревне, когда проходили баржи. «Со скотом прошли, а рейсы Малиновского-2 и Лончакова не прошли. А вот, сказывали гольды, свечи ловили, на том берегу. Бочку поймали, с-под мяса, да воняет как-то (солонина в нынешнем году для продовольствия сплавщиков, действительно, плоха, уже портится; немудрено, что такая и сильно испортилась). А тут поймали бочку в 6 пудов солонины». — «Какие обручи?» — «У той деревянные, у этой — железные», — значит, с рейса брата (Малиновского), значит, в двух рейсах разбились баржи¹²⁹. Поймали также ящик с медикаментами. Плохо, как нарочно, пошли мы протокою ближайшею и разошлись с рейсами. «А барж много видели, вот приезжал пароход, топограф на нем. Они там, у озера, меряют, широко ли, глубоко ли. Как это ее зовут, делают?» — «Телеграф?» — «Да, да, он самый, для телеграфа, а для телеграфа еще прошел пароход». Телеграф, а крестьянам есть нечего, переселяться

* Так в подлиннике.

не позволяют! Как бы пригодились эти пароходы, чтобы переселять крестьян.

Мы остановились сперва у одного крестьянина. Но изба тесная, повернуться негде, хозяевам неудобно, да и нам сушиться негде, — печка крошечная, в четверть аршина в квадрате. Мы перешли к старшему. У него же почтовый станок. Дом большой, просторный; дал нам комнату, обогрелись, обсохли.

Хлеба было выросли отличные, да вот какие-то слабые, совсем не держатся, попадали, да осыпаются, да уж пташка одолела, ничего не сделаешь, такая ее куча... стрелять пробовали, перелетит, рядом на пашню сядет. Пашня! Громкое слово для клочка земли в 70-80 шагов длины, 50-60 шириною, раскопанного лопатой между деревьями в лесу.

Вот каково несчастное положение дер<евни> Мылки*: а, в) берег — галька, с) огороды, d) покатость, падение около 30°, е) болото, f) горы, лес хвойный и осиновый, g) гора, покрытая прежде лесом, теперь пашня с отдельными деревьями, клочки даже на покатости в 30°!

Всех пашен десятин 15 на 30 дворов; вплотную за домами и иногда между ними впадина, в дождь — болото, мелкий кустарник, был орешник, сквозь который, когда пришли на берег, прорубались топорами, в 1861 году затопливалось водою. Пароходы пристают не всегда, место скверное, — в бурю так и бьет. Следовательно, дров берут мало, — в нынешнем году 50 саженой не взяли. Сенокосы на таком месте, что прибудь вода на аршин, все затопит.

Понедельник, 12 августа.

Как все скоро меняется. М<алиновский> собирался ехать в Хунгари, разыскивать-баржи. Но заболел и поре-

* В этом месте рукописи помещен неясный рисунок П.А. Кропоткина, изображающий соответствующий план.

шил ехать 10-го. 10-го утром показался сверху пароход. М<алиновский> просил меня съездить туда, уговорить капитана причалить. Я поехал на большой шлюпке; буря так и качала ее, как мартынку (птицу). На пароходе Дризен¹³⁰. «Где Малиновский (2-й)?» — «Ушел ко дну целый рейс, и он и Лончаков вместе, а вышли Хабаров, Сафронов и Мамонтов». — «Как целый рейс?» — «Так, целый рейс, ни одной баржи». Пароход причалил. Капитан вышел со мной на берег. Разбиты рейсы совершенно, только щепки плавают. У Лончакова одна баржа цела, была в протоке; тысяч семь спасли всего. Худо. Малиновский совсем растерялся, запустил руку в волосы, ходит. Крестьяне заметили, что он переменился, впрочем, он, действительно, несколько болен, — простуда после ловли рыбы. Поговорили, что делать. Порешили так. Малиновский едет в Николаевск требовать пароходы, я еду в Иркутск и Читу сказать, каково положение сплава, просить Буссе послать хлеба крестьянам, крестьянский хлеб сдать в Николаевск и т.д. К часам двум мы собрались. М<алиновский> поплыл на «Лене», которая взяла катер с дровами на причал, я поплыл наверх на гиляцкой лодке разыскивать баржи. Плохая дорога предстояла впереди, тащиться на лодке вверх со всеми удовольствиями. Наконец, по станкам нет крестьян, надо было бы идти по «гольдам», т.е. нанимать гольдов, а они, вследствие приказаний исправника, что они никого не обязаны возить, кроме исправника, попа, доктора, пожалуй, не повезут, и т.д., и т.д. Одним словом, утром я плыл в Николаевск, к полудню плыл в Иркутск.

Я выехал, кажется, 10-го. Вечером ночевали где-то. Разговорился с крестьянами, которые меня везли. «Уж так-то плохо, так-то скучно здесь, не знаешь, что делать. Хлебушки уж, видно, нам не дожидаться своего». Действительно, менее пятнадцати десятин на 30 семей. Пайка же не хватает. «Мы вот теперь посеяли свой хлеб. Вот сами

видели, каков он». Действительно, весь хлеб пророс. Вот я теперь еду на пароходе; мы только что отчалили от мели № 11. Один из стариков-пассажиров приносит мне колосок, который весь пророс, зерна горькие и мягкие, и это, заметить надо, из сжатого хлеба. «Поела пташка, и кто ее знает, откуда это столько пташки налетает, — ничем ее не сгонишь. Стрелять пробовали, ничего не помогает, — слетит, рядом тут же и сядет». — «А позволь вам теперь переселиться, найдутся ли охотники?» — «И, что вы, в[аша] с[ветлость], как можно, — все до одного готовы идти сейчас». — «Что же вы не проситесь?» — «Ох, уж просили, просили; вот летошний год Корсаков был, просили, это, его. Ну, думали, назад будет, ждали его как Христова дня, а вместо того проплыл мимо, это, деревень и не видали его. А вот Лутковский¹³¹ проезжал, не заходит, нет, так под тем берегом и прошел. Вот теперь трое из наших ушли самовольно, значит, в Благовещенск к генералу Бусеву просить, чтобы позволил переселиться. Ну, он принял прошение, обещал похлопотать. Один, это, вернулся, ну, адмирал хотел его наказать сильно, однако, покался; ну, ничего, простил. А те двое так бросили здесь своих жен, без билетов ушли, там теперь и остались. Так, слышь, рассказывают, что по Заветной, это, они, ну, десятин двенадцать распахали». — «А Казакевич был у вас?» — «Был; как только высадили на берег, объехал пашни, был еще раз недавно, посмотрел, это, всходы, ну, сказал, трудитесь. Я не требую от вас, чтобы вы там столько распахали, и трудитесь, распахайте, сколько можете».

Крестьяне прежде не умели обращаться нисколько с лодкой, теперь отлично умеют обращаться. Все лодки куплены у гольдов, с которыми они живут дружно, — берут, например, у них рыбу, котелки, и хоть бесплатно. Мы так останавливались вчера обедать у гольда. Наши пошли туда; один говорит немного по-гольдски, спрашивать мо-

жет (пишет он порядочно: сперва записывал; гольдский язык очень находит нетрудным, учатся легко, и из четверых человек двое говорят несколько). Взяли у них рыбы, котелок, чашки, сварили, и хозяйка невесть как обрадовалась, когда получила за четыре больших куска белуги и за хлопоты 30 копеек, — ходила и всем показывала. Крестьяне теперь плавают в такие валы, что мне приходило вчера, как мы перегребались через широкие протоки Амура, мысль, что бросить, мол, сумку, легче плыть. Сегодня тоже подъезжали к пароходу. Ничего, — только припихнуть, да рулевой режет вал. Я смотрел со стороны, как в такую волну кидает лодку, плыли два гольда, еще мальчишки, но гребли и без паруса.

Сегодня у Маэ мы насмотрелись, как привыкли к этим лодкам мальчишки и даже девчонки, лет 12-ти, им кидали бутылки, они ловили и, чтобы поймать бутылку, даже сцепились на лодке, чтобы отбить друг у друга. Впрочем, девчонки воспользовались спором и три раза плавали за бутылками, сажени по три. Смотрел я, где пашни в Маэ. Тоже история, молоко вдоволь, огурцы, репа. Теперь я плыву на пароходе «Граф Муравьев-Амурский»; плыл бы хорошо, но у капитана белая горячка, — бросался в воду два раза. Едва спасли саженьях во ста; поэтому довольно беспорядка, все неладно. Вчера вечером я приплыл к Малиновскому-2 и Лончакову на место, где разбиты баржи¹³².

1-го августа вечером причалили на это место 16 барж Малиновского-2-го, совершенно тихо и хорошо. Затем ночью поднимается противный ветер, баржам идти нельзя. Они стоят. 4-го ночью поднялась страшная буря. Я знаю, какая была это буря, мы в это время стояли у ст. № 3; буря выла, попасть с баржи на баржу невозможно, потому что сходни попадали, а баржи поднимаются на сажень. К полуночи стало еще хуже, со всех сторон

прибегают. «В<аше> б<лагородие>, у нас вода одолела», «В<аше> б<лагородие>;», на нашей барже не могут воду отлить», — и так со всех барж. К утру все баржи затопило. Думали вытаскивать груз, но буря все выла, выла; баржи стало ломать окончательно. Бывало так, баржа поднимается серединою на вал и разломается посередине. Нос отрубит, и он несется на другую баржу, там его поднимает волною и бросает на другую баржу. Были случаи, что оплеухи (плаха в семь сажень, толщиной вершка в два, шириною семь-восемь) попадала внутрь баржи, у которой сорвана крыша. Есть одна баржа, у которой целый борт снесен и положен около. Наконец, есть днища, перевернутые вверх кокорями. Мы видели такие днища у Мылок, другие — на месте разрушения, а то было, что ухваты вырваны из баржи и плавают на канатах. Канаты все целы. Диски на стыках все ходили, кокоры ломались там, где дыры для нагелей просверлены вкось. Тогда уже стали ловить преимущественно бочки, которые плавали на воде, ну, и спасли тысяч семь пудов, не более. Стали спасать муку у Лончакова; возьмут комок, разобьют, внутри мука и сухая; спасли тоже тысяч семь, преимущественно в мешках, которые плавали на воде и выкинуты на берег.

Среда, 14 августа.

Где-то сами теперь? не говоря...

Вчера в Доле. Тоже неплохо. Скот-то еще есть, хлеб весь пророс. Я шел сливок покупать. «А вот наша пшеница». Куча навозу, и только, — все сгнило. «А вот ярицу сеяли, да трава заглушила». Трава в аршин, хлеба и не видно. Работают, трудятся, бьют землю родом лопат*.

А вот еще из разговоров с крестьянами, когда я плыл. «Вот теперь топоры взять неоткуда. Купил я, это, аме-

* В этом месте помещен рисунок П.А. Кропоткина, изображающий лопату.

риканский топор. Эх, богатый топор, крепкий, хоть что хошь руби, только уж пообтесался маленько*. Три рубля дал, купил у солдата, только точить не на чем, уж мы искали брусков точильных. Камню нет нигде. Казенный, это, вышел весь, купили, значит, американских подпилков; ничего, берет хорошо спервоначалу, потом, глядишь, весь протрется.

В Доле старик плачется, рассказывает об своих горестях — уж и не знаем, к кому доходить. Лутковский нигде, по-видимому, не заезжал, даже тем берегом проехал. Я вот уже в 4-х деревнях спрашивал, в Маэ № 11, в Доле № 8, в Мылках № 16, в Вятском станке № 3. Бедняки говорят, ко всякому бросаются с теми же жалобами, особенно к военным, а пользы все мало. Умоляют, чтоб их переселили: «Худо, худо, туго, хлебушко не родится».

Суббота, 17 августа.

15-го пришли в Хабаровку. На рейде два парохода телеграфа: «Гонец» и «Телеграф» и пароход «Механик». Я дошел до парохода «Телеграф», узнал, что они не сверху, и пошел к фон-Котену. С ним же отправился к Романову¹³³ просить, если можно, парохода, чтоб свести груз Малиновского-2 и Лончакова. Он говорит, что не может быть полезным, потому что должен идти на Уссури, а пароход его поднимает мало груза, прицепки же нет. Пообедавши, я ушел. Потом оба парохода отправились. Оказывается, что «Телеграф» служит единственно для удовольствия Романова.

Я было написал бумагу на пароход «Сунгари», который стоит на 23-м станке, ждет нас, штаба Казакевича, с просьбой идти вверх и взять груз, сложенный в Степановой Сафроновым, но пришел Бессонов¹³⁴, говорит,

* В этом месте помещен рисунок П.А. Кропоткина, изображающий лопату.

что там ничего нет и т.п.; я взял бумагу назад. Во время обеда пришел Бессонов с 4 баржами; привез Е.К. Рик. Они насилу взяли ее у мужа, когда увидали ее на своей вытасченной из воды барже в сырости посреди гниющей муки, после того, как мы и без того 4 дня прожили на острове под дождем и открытым небом, возле разбитых двух барж. Бессонов и Кв. наняли ей квартиру, вечером мы ужинали у ней и просидели весь вечер. Вернулся я на пароход, услышав, что идет снизу «Амур». Он пристал в I-м часу ночи. Рано утром я поехал на «Амур», потом пошел к Рик, таскался к Мухину ругаться и т.п. В обед пришел Сафронов с 2-мя баржами и I баркасом, потом Рик с 3-й баржей — остаток рейса. Пришлось таскаться на эти баржи. Постройка плохая, и баржи порядком пострадали. 7 кулей муки высыпали к носу, чтобы избавиться от течи. Решили, что «Граф Амурский» идет 17-го вечером, а «Амур» — 17-го же рано утром. Я переехал на «Амур». Потом еще таскался к фон-Котену с Риком, в лавку и пр., и пр., — устал как собака. Поздно вечером, во 2-м часу, возвращаясь на пароход, я никак не мог попасть на него. 3 раза проносило. Наконец попал, но носом ударился в колесо, и лодку затопило, едва успели ухватиться за конец. Люди вылезли, я остался сзади, но лодку затопило совсем, а я удержался на канате, пока подали шлюпку. Жаль пальто кожаное — унесло.

Ст<аница> Петровская. Воскресенье, 18 августа.

Вода страшно прибыла, везде все затапливает, сено, местами даже хлеба затопило.

27 августа.

Мы уже подплываем к Амуру. Целый день «Амур» провозился, снимая у Куприяновки с мели «Успех». Наняли «Корсакова», тузились вдвоем, но ничего не сделали, —

так плотно сесть редко удастся. Вчера я пересел на «Корсакова», так как он опережает «Амур», который, пожалуй, и не станет проходить Зейский бар.

Тут, с Куприяновки и около Благовещенска, еще сносно, — хлеб не топило, да он и не пророс, а то везде, по всем низовьям хлеба затопило; Амурский батальон останется без хлеба. 24-го мы встретили Буссе; плывет вниз на катере, плыл сперва с «Успехом», да как тот сел на мель, Буссе поплыл один, да велел из Благовещенска выслать себе пароход! А теперь они так нужны; говорили ему, нельзя ли хлеба отправить, нельзя, нужно вот 25000, надо отправить в Амурский батальон. Из Забайкалья тоже не могут прислать, только 10000, там все затоплено.

Суббота, 31 августа.

«Гольтепаки» — слово, которое часто приходилось слышать. Теперь пришлось познакомиться с ним. Во всяком гарнизонном батальоне набралось много «сволочи», а в Сибири рабочих рук мало; вот Муравьев и предложил послать в Сибирь всю «сволочь». Ее и прислали. Муравьев, конечно, мечтал, что из них выйдут хорошие рабочие, и порешил поселить их между казаками, — «сынками» к хозяевам, но побогаче. Целую жизнь свою прожили эти люди, не имея никакой собственности, кроме казенной, не работая ничем, кроме ружья для приемов. Попадались в чем-нибудь, их драли, драли, драли. Не помогает. Тогда только отдавали человека под суд, гоняли сквозь строй и махали на него рукой. Затем провели через Сибирь; кто знает, сколько времени обворовывали его всю жизнь, — ну и вышел из этой школы человек. Люди вышли разные: кто молчит да ворует, да не молчит с начальством и уж черт знает что говорит этому «начальству»: какое бы оно ни было виновное или безвиновное, всякое ругает в глаза, хоть и, вероятно, много типов. Этих людей — сынков, гольтепа-

ков (более употребительное) и еще как-то зовут, бузуй, — послали в Николаевск — рабочие были дороги. Ныне в Николаевске они не зандобились, — посадили их на пароход, дали им офицера, которому нужно было ехать в Россию, но никак не заниматься гольтепаками. Дали провизии и, слава Богу, сбыли с рук, — в Благовещенске, мол, разделаются. А в Благовещенске уже получили предписание отнюдь не принимать сих гольтепаков. Что делать? Кормить в Благовещенске шайку воров, пьяниц и ничего не делающих людей — нечем (так как из них половина таких, то ясно, что прилагается ко всем без разбора). Ну, и отправить их в Забайкалье, до Сретенки, — там нет ни казарм, ни готового продовольствия; но ничего. «Карсаков» пришел 28-го очень рано, утром же рано я пошел к Савичу¹³⁵, отдал бумаги. Старая карга прочел их (я отыскал его на работах, после двух верст прогулки). «Надеюсь, вы будете добры (не ловко же сказать мальчишке «так добры») зайти ко мне за открытым предписанием». Очень хорошо, и снова двухверстная прогулка. В бумагах писалось, что придут на «Амуре» 120 гольтепаков из Николаевска, что их и благовещенских надо отправить вверх на «Корсакове»; ничего не делается. 29-го утром пришел «Амур». Стефаницкий (при гольтепаках) идет хлопотать по своему делу (о своих прогонах и отпуске, конечно); об гольтепаках забыли. 30-го царь именинник, да Александр Петрович, — надо женить, и пароход сегодня не идет, завтра... ну, и завтра не успеть. А мы хлопочем, чтобы скорее идти. Пойдите к Языкову, он отправит их. Дома нет. Еще раз. Тоже, и не жди, не будет. А пароходу надо идти, и мне ехать, а я, — не моя персона, а человек, который едет с нужным делом. Ну, хлопотали. В 5 часов вечера назначили приемку людей, но Языков гулял за городом, — нельзя же; ну, в девятом часу приехал; темнеет, сделали перекличку; так себе, темно совер-

шенно. Ступай на пароход. Зги не видно (мы еще ракеты китайские пускали); гонят гольтепаков на баржу, натащили добра, отвели баржу и сходни сняли, конвойный там. Наутро часть их съехала с баржи, и конвойные ничего не сделали, сплыли на берег, разбежались частью. Ночью, по обыкновению, было несколько попыток воровства, но в городе уже были настороже, потому что «Амур» привез сынков. Действительно, сынки составляют страшную тягость, — каждую ночь бывали воровства, пьянство страшное; одним словом, кто-то говорил, что он охотно даст 60 рублей, лишь бы не было сынков в Благовещенске.

1-го сентября.

Вчера я ездил с капитаном парохода к Языкову (батал<ьонному> ком<андиру>) просить о скорейшей отправке. Он ссылается на Стефаницкого, что все сделано. Стефаницкий на него. Сынки собраны на барже, но им не дают провизии, — так, на вчерашний день они не получили; они подняли крик под окнами у полицмейстера. Стали ругать его всячески и тому подобное. Дело в том, что им не выдавали провианта в течение восьми дней тотчас по пришествии «Лены» и посадили на гауптвахту. Наконец, они думали, что им дадут провизию разом за восемь дней, — не дали. Ясно, что они озлобились на начальство; и подняли же они ругань, когда пришел к ним Языков. Дело могло кончиться для него худо, но заковали из них трех человек, тем и кончилось. Я долго говорил с этими тремя скованными. Что ж, они правы. Конечно, они незаконно требовали, потому что с камнями в руках (не фраза) не полагается требовать себе провизии, но что же, и их выводили из терпения всю жизнь целым рядом несправедливостей. Один из них, нет, пожалуй, все трое очень неглупы, один особенно; начитался «пункт I. XI ст<атьи>» и т.д. нового закона; говорит, что за дерзость, ну, на три

дня под арест на хлеб и воду. Но и подлый же, должно быть, господин. Я говорил ему, что он должен требовать провиант за восемь дней, но что ему не выгодно так требовать с руганью, «что ваша жена, а не жена, так ваша курва ела сегодня, а нам не дали провианта», — и это полицмейстеру, который ни в чем не виноват. Но для него полицмейстер начальство, — ну и довольно этого, он и ругает.

8-го сентября.

Медленно же мы тащимся, сегодня только дошли до*. Сынки не слушают нисколько своего начальника Стефаницкого, впрочем, он им и не приказывал. Придет старший сказать, что сынки не идут грузить. «Пошел вон, глупости говоришь», — особенно шикарно начальническим тоном. «Чтоб вышли сейчас!» И все-таки никто не идет; наконец, нашлось 20-30 человек поселенцев, которые постоянно грузят за всех. Отчего шеф не идет к ним и не заставит их грузить дрова, или предложить идти пешком партией? Наконец, я убежден, что можно и без насильственных мер добиться того, что они будут грузить. Но сперва я приписывал это его лени, а теперь, оказывается, что «рыльце-то в пушку» и у него, не только у благовещенского начальства. И пока идем тихо, так же тихо, как тихо грузятся дрова. Бекетова небольшая станция, дворов 10, в лесу (береза, листв^еница, осина), пашни, где в 3-х верстах на лугу, топило у некоторых, у других же нет, живут хорошо, — если свинская жизнь хороша, — довольствуются малым, хлеб есть, скота тоже будет, следовательно, молоко будет, ловят рыбу (икру купили 4 ф<унта>, — только и было, — по 25 к., и то не свежая); огородишки маленькие, амбаришка нет, а седьмой год живут¹³⁶.

* Пропуск в подлиннике.

ТЕТРАДЬ № 6

От Иркутска до Чинданы и от
Благовещенска до Николаевска

12 февраля 1864 г. — 19 июля 1864 г.

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный
Отзывной песнью отвечай.

Иркутск, 12 февраля 1864 г.

Вчера приехал в Иркутск. Конечно, по сибирскому обычаю, не нашлось номера в гостинице, так к знакомому офицеру, поселили у него. Прием Корсакова был интересный. С 3-го слова: «А вы статьи пишете?» — «Да, корреспонденции в «Московские Ведомости»¹³⁷. — «И всех задеваете?» — «Кого я задел?» — «Лутковского»¹³⁸, как же и т.д.» Все это говорилось с неудовольствием, легким. Впрочем, тут был Кукель, следовательно, надо было сдерживаться. Расспросы, конечно, впрочем, ответы были все для него успокоительные, следовательно, прошло хорошо. Мне говорили, что за обедом он опять об этом говорил, что он, впрочем, выразил только, что «молод». В его шуточках, впрочем, неудовольство заметно. Зато в Иркутске уже черт знает что говорят про мои амурские письма. «Царский адъютант», как называли крестьяне Лутковского, слышишь ото всех. Ивашевская говорила даже, что она слышала, будто и «статья» моя озаглавлена «Царский адъютант». Меня просили дать эти письма, так как их достать здесь не могут. Интересно и то, что обратили внимание не на письма, а на то только,

где напечатано про Лутковского, а потому все говорят о какой-то загадочной моей статье. Лутковский же в Петербурге в восторге от Восточной Сибири. Еще бы. Его здесь так принимали, поили, — как сыр в масле катался, и проводы ему устраивали в собрании, и т.п. Еще бы не быть в восторге; впрочем, действительно, много сделано хорошего в короткий срок, хотя и много есть неурядицы и скверности.

Иркутск такой же; сплетни, слово, сказанное сегодня, завтра знает весь город, с толками и пересудами, вроде статьи под заглавием «Царский адъютант». Впрочем, здесь, говорят, веселятся, устроили семейные вечера в клубе, где все очень просто, и очень весело проводят время... Посмотрим завтра. Иркутск также жаждет новостей, с жадностью бросается на меня, выпрашивая новостей, которых я, между прочим, очень мало привез¹³⁹.

Иркутск, 4 апреля.

Сегодня расстреливают здесь двух крестьян, да в Иркутском саловаренном заводе еще двух. Они долго вчетвером сговаривались ограбить одного богатого крестьянина. Убить его они считали лучшим средством для достижения цели. Убили целую семью с невыразимым хладнокровием и обдуманностью. Двое резали, один стоял на подчасках, третий выходил смотреть, как бы часовой не убежал, и на вопрос, как идут дела, отвечал: «Отлично, порешили, только храпят еще». Улики все налицо. Сознался же только один крестьянин, который сознался только, впрочем, тогда, когда его уличили, что вещи у него. Вообще закоренелые люди. Судила их целая комиссия, судили военным судом, так как, чтобы скрыть убийство, они потом подожгли дом. Корсаков придрался к приказу прошлого года судить военным судом поджигателей, и их судили так, что заранее весь город знал,

и они сами знали, вероятно, что их расстреляют. Двух расстреливали здесь, за острогом, чтобы весь острог вывести смотреть на экзекуцию. В саловаренном заводе то же будет. Думают этим утешить народ, прекратить подобные вещи на будущее время. Едва ли.

Весна вступает в свои права не без борьбы с зимою. То теплые дни, невыносимо теплые, то вдруг снова снег, мороз. Скучно.

Пятница, 10 апреля.

Вчера в ночь выехал из Иркутска¹⁴⁰. Еле двигаюсь от усталости. Байкал заставлял торопиться. Но когда я приехал в Лиственничную, то узнал, что даже почтовые станки не сняты; переезд через Байкал я сделал великолепно, правда, немного скучно ехать такой длинный станок, но вообще без опасности, хотя рассказывали уже в Иркутске, что худо переезжать. Всего попались три или четыре щели не более аршина, следовательно, такие, которые легко было перескочить коням. Впрочем, говорят, что хорошо, что так было холодно, когда я ехал; сильный северный ветер, пронзительный, сквозь доху и полушубок пробирался, зато теперь выяснилось, и снег, напавший за два дня, верно, примется таять и на Байкале. Дорогу испортит. Крестьяне получают за пару триста шестьдесят рублей, гнать было выгодно, но братские сбили до 250 р., и, вследствие этого, они должны отказаться: невыгодно, — держи на этакий станок 9 лошадей, а 9 лошадей 500 пудов хлеба съедят, да сено, да 2 работника не менее как по 25-30 р., в результате невыгодно, а братским, верно, выгодно, хотя крестьяне говорят, что они уж из самолюбия сбавляют цену.

Посольская произвела на меня очень выгодное впечатление, веселенькое местечко. Кругом Байкала горы, они все еще в снегу.

Верхнеудинск. Суббота, 11 апреля.

Утром я переехал через Селенгу. Селенга широкая река, течет в горах; горы круто падают с левого берега к реке, состоят из сланцев, растрескавшихся на большие ромбоэдры; пласты наклонные перемешаны с крупным песчаником, мелким хрящем, потом снова сланцы, темно-дикого или красноватого цвета. Вскрытие ее, как большей части сибирских рек (кроме Ангары), происходит постепенно. Целый плес тронется и начнет его ломать, лед разбрасывает по берегам; местами же есть плесы (верст 5 ниже города), где лед держится еще сплошной массой и переправа происходит наискось, версты 2 приходится идти по льду. Перевозчики берут цены по одному рублю с частного проезжающего, по два рубля с воза в 7 пудов, с проезжающего по казенной надобности, — что пожалуете. Весь труд перевозчика при перевозке возов — это протащить по мосткам, которые наложены сажень на 5, потом идут уже сами; то же и при высадке на другой берег. Беспорядок страшный. Переправили на этот берег, лошадей нет; должны были послать верхового в город, да кроме того и верховые-то не едут, — все насилие нужно, крик, брань, угроза. Добрался до города; почта выезжала навстречу, да тут и засела: лошадей нет; нашел вольных за 3 рубля (331/2 версты), и то благо, — собрались двое, один и боялся дорого просить, чтобы не отбили, да и то, чего-то не едут. На Селенге был какой-то крестьянин Батков, тот брал по 7 рублей, 13 рублей, чтобы довести только от Селенги до города. Все жалуются, что с них дерут большие цены. Одним словом, общее плутовство.

И вот во второй раз приходится мне писать в свой дневник: бедная русская женщина! Тут сидят проезжий офи-

цер, инженер Г. с женой. Они закусывали. Перед закуской принесли «живительной влаги», как он выразился, и во время закусывания он не давал ей спуска. Жена уговаривает, молодая, очень недурна, ему лет 24, не более, если не менее. В ответ: «Молчи, 1/4 рюмки выпил». — «Какой 1/4 рюмки?» — «Ну, наливай», — и т.д. Кончилось сценой. Повздорил с приятелем. Шум поднялся. Жена уговаривала, прикрикнул. Смотритель вмешался, — нельзя-де шуметь в казенном доме. Поколотил его. Жена упрашивать стала. Конечно, и ей досталось. После она, заплаканная, выходила подать милостыню проходившему под окном нищему. Совестно чужого человека, не глядит. И так с 20 лет. А дети пойдут?

Братская степь тянется, в горах все же снег виден, только меньше, да и вообще после диких гор селенгинских стало как будто теплее. В степи всегда хороша дорога. Даже и теперь, когда она не совсем просохла, есть колеи, выбоины, и то она сносная. Я из Верхнеудинска нагнал Кондратьева. Часть пути, 3 станка, ехал с нами старик, болтали о нелепостях, предложенных Корсаковым в военном совете зимою нынешнего года, когда боялись войны, именно — летом очищать посты в гаванях, уходить, а зимою двинуться в ту гавань, которую займет неприятель, и выбить его. Мера бы хорошая, если бы была выполнима. Дело в том, что зимой пройти отряду там, где вовсе нет дорог и тропинок, где еще и птица, может быть, не перелетала через Сихотэ-Алинь, двигаться отряду по крайней мере в 600-1000 человек с припасами на выюках, по тропам и пр. просто невозможно. Еще, кстати, при тамошних пургах, во время которых в Николаевске нельзя перейти улицы (не фраза, а действительная об-

становка). И в это время двигаться отряду по компасу. Кукель, конечно, был против, другие поддакивали. Или еще, — в случае войны, захватить Сянь-Син-хо, Сунгари и часть Монголии. Это к чему? Разбросаются во все стороны со своими ничтожными силами. «Графа Монгольского захотелось», — как сказали в Петербурге на проект завоевания Монголии. А эти проекты их не покидают. Я уверен, что и при моей поездке имеется в виду эта цель, хотя она и не высказывается, и приняты все меры, чтобы даже заподозрить не могли его ни в чем. Таким образом, в бумагах не остается даже и следа моей командировки. В бумаге мне сказано; отправляйтесь в Читу, а там получите указание от атамана. А атаману написано конфиденциально самыми темными выражениями о цели моей поездки. Шульман, смотря на карту, говорил мне: «А вот бы хорошо этот кусочек». Мало терпят теперь Забайкалье или Амур.

Дороговизна провоза, недостаток сена, насильственный закуп.

Онинский станок. 12 апреля.

Опять сижу и жду лошадей, — не могу добиться, чтобы меня отвезли в Онинский дацан верстах в 12 от дороги. Обывательский ямщик не везет, — бланка нет, почтовый тоже, — в контракте этого нет, — ну, и кричишь: вези, да и только. А они копаются, время теряют. Такое нежелание вести, при плате 2-х прогонов, верно, имеет свои причины: запрещено или дерут с них много ламы, когда они приезжают в дацан.

Чита. 14 апреля, вторник.

Я съездил тогда в дацан. Пришлось сделать верст 15, чтобы до него добраться; в степи все залито: в глубоких местах вода стоит с весны в огромных непроезжаемых

лужах. Надо было их объезжать, там, где они соединились в род временной речки. Дацан, приход, род небольшого монастыря состоит из одной кумирни, нескольких домов, где живет ширет¹⁴¹ и 12 лам, ничего не делающих. Когда я спросил у одного бурята, — не пашут ли они землю, он чуть ли не обиделся и с гордостью ответил: «Нет, он только молится, книгу читает». Я зашел к одному ламе: шаг вперед против бурята, дом, а не юрта. У передней стены бурхана возвышение, от которого идут 2-3 ступеньки, установленные разными бурханами, преимущественно намалеванными, за слюдой в 4-угольных коробках. Тут всякие есть: и шигемуний, главный бог теперь, и мать бога (не знаю, есть ли сын бога) зла и добра и т.п. Медных литых бурханов нет, вероятно, лама не богат. Несколько чашечек с ярицей, павлинье перо во что-то вставленное, 2 чайника для кипятка и еще какие-то безделки. По бокам две низенькие скамьи, на них тоже чашечки, табакерка, какой-то сверток молитв, которыми лама благословляет бурята по лбу, после того, как он, войдя, 9 раз поклонится в землю. Около скамеечек войлоки, чтоб сидеть ламам. Дацан сам сильно напоминает архитектурой православную церковь, стар, не красив, с высокой деревянной крышей; окна без стекол, закрываются ставнями, и чтоб отпирать их, в верхнем этаже устроена галерейка. Стены довольно толсты; поднимаются по овальной полукруглой лестнице, очень грубо сработанной из кирпичей, внизу дикого камня. У дверей сделаны раскрашенные слегка барельефом два зверя, похожие на собак. У других дверей род дракона с собакой. Внутри дацана: 2 ряда деревянных тонких колонок, лавки около них, навешано много лент, сшитых из кусков цветных сукон (синего, желтого, красного), прямо против входа 3 истукана, кажется, глиняных, позолоченых. Шигемуний довольно красивый, слева у него другой бог, тоже красивой наруж-

ности и хорошо сделан, справа бог зла (Malhu Alila), так, что ли, с собачьей физиономией, около них горит постоянно огонь в лампадке, налитой застывшим жиром, и тлеют свечечки желтые. Навешаны тоже молитвы на шелковых лентах. Потом впереди еще несколько бурханов — целая коллекция под стеклом, затем место для ширета, около него столик с громадным колокольчиком, чашечка и т.п. Он сидит спиной к богам, лицом к народу, который и видит и ему поклоняется. С другой стороны место для другого какого-то лама, боком, лицом же к ширету. На скамейках от алтаря к дверям сидят ламы с обеих сторон алтаря, далее книгохранилище (книг 50). В храм входят без поклонов, чрезвычайно бесцеремонно обращаются со всеми; опять повторяю, религиозности мало заметно. Уважение к бурханам поддерживается только влиянием лам. Слева в одном отделении стоит белый деревянный слон. «Раз в год, — говорил переводчик, — братская компания мало-мало идет кругом дацан». Кроме литых и лепных бурханов много нарисованных на холсте очень грубой работы. Наверху, во 2-м этаже, в который поднимаются по крутой витой лестнице, то же самое, только в чрезвычайно бедном виде.

После осмотра меня один лама позвал чай пить; подают по-русски, даже вытирают стаканы какой-то бумагой. Я отдал их красным сукном, пуговицами, меня — лентой шелковой, — всегда дарят гостям. Я приговаривался купить бурхана, надеясь получить такого в ответ за подарок: «не продает».

Запрягли мне коней от дацана, и я уехал. Да, около дацана 2 пол <...> из кирпича, — один для сожигания угля, другой с дерев<...> с одним образом. Построила «братская компания».

Дацан выстроен 50 лет тому назад братскими, строил мастер из Иркутска по указанию одного старика тайши.

Около дацана несколько домиков, отдельн<о> в одном из них 6-уг<ольная> штука, набитая молит<вами>, кот<орые> вертят. «Господи помилуй», — поясняет лама.

Чита, 15 апреля.

В прошлом году большую часть сена унесло у крестьян, в Забайкалье был недостаток и в хлебе, потому в нынешнем году закупили большую часть хлеба в Иркутской губ<ернии> с платою по <...> коп. за пуд и 85 к. за доставку с места до Читы. Такая цена не цена, а пародия на цены; вольные цены свыше 2 руб. до Читы, а до Верхнеудинска 1 р. 15 коп. или 1 р. Закупка произведена Сиверсом¹⁴² по старой методе — насильственным росписом по душам. Крестьяне обязаны везти, их принуждают вывозить из Иркутска, везти по дороге все земскою полициею; и везут бедные крестьяне, сена нет и купить не на что, и гибнут лошади; между Погром<ной> и следующей станцией валяются 3 издохшие лошади; замена прежде делалась так, что если он не довезет всего, то продают лошадь, телегу. Спасибо, теперь этого не делают и решили выдать им по рублю на подводу, чтоб дать возможность выбраться из Читы. Милостыня за их же добро!.. Возмутительно!.. Кажется, насильственные закупы не скоро, видно, еще выведутся. И сколько таких налогов потерпело Забайкалье. Один Бог знал бы, если бы мог знать...

Чита. Среда, 15 апреля.

Здесь в приюте теперь 70 мальчиков и девочек, и то по положению 14-летних сейчас выключают. Кроме того у Струнникова (мужа смотрительницы) еще 16 мальчиков и девочек учится за деньги. Учат их истории, географии.

Вторник, 28 апреля.

Большой промежуток, и было что писать¹⁴³! Спектакль отнял все время. Сошел он хорошо. Мне приятно было играть¹⁴⁴. Здесь есть одно довольно милое существо. Мешает, черт возьми, Никонов.

Воскресенье, 17 мая. Старо-Цурухантуевский караул.

От Чинданы¹⁴⁵ степь сперва довольно ровная, в двух-трех местах попались лесочки сосновые, — и только, потом вовсе их не видно. Зато степь становится уж не такой ровною, вся она перерезана холмами, вдали виднеются хребты горы Ара-Булак, — славится своими топазами, тяжеловесными бериллами. Здесь найден громадный берилл, перед которым Гумбольт¹⁴⁶, как говорят, стал на колени, как перед чудом природы, — длиною кристалл был около четверти, без малейшей трещины. Холмы, которые попадают, очень мелки до кар<аула> Цаган-Ола. Караул расположен в домике между крутыми хребтами из голых камней, которые теперь совсем выветриваются и лишаются земли, она же, смытая, образует великолепный грунт в неширокой, но длинной долине, по которой идет дорога от караула. Почва, должно быть, очень плодородная, но хлеба на ней вовсе не сеют. От непривычки, от лени, кажется. Впрочем, говорят, прежде сеяли, перестали только после того, как подряд было несколько засушливых годов. Но в эти же засушливые годы, особенно в последние, они испытали, каково без хлеба, — его нигде не было, цены стояли высокие, да и торговля контрабандой прекратилась после 1854 г., и не было никаких источников дохода. Но и чушь же говорили, что хлеб не родится. Некоторые зажиточные хозяева не бросали запашки и круглый год жили своим хлебом. В прошлом году лето было мокрое, во многих местах подняли залоги, и теперь весной почти все стали засеивать по 1, по 2, кто

по 5-6 десятин. Вообще нынешний год этим отличается; прежде в Чинданте, говорят, вовсе не сеяли, теперь, — о диво! — можно было проходить между 2 рядами пашен. Прежде было здесь много разных источников дохода, которые теперь все ослабели, напр<имер>, золото. Горные, которые прежде (до Муравьева) были действительно царями здесь (не понравится кто, хоть чиновник, военный, — вспорят, — и нет на них ни суда, ни расправы), постоянно сбывали за границу золото. Ясно, что это отбивало всякую другую торговлю, — какая нужда монголам покупать скот, когда за дешевую цену можно купить золото, — а у других ничего не покупают, хоть с голода умирай. Стада и здесь огромны, только скот здесь гораздо крупнее верховских караулов (у монголов скот тоже гораздо крупнее, чем у здешних казаков. Причина та, что телята питаются всем молоком матери, — коров не доят). Но вообще всякий этот скот куда как мелок сравнительно с порядочною русскою коровою зажиточного крестьянина.

Кстати, о скотах. Вчера вечером мы гуляли по окрестностям, — вдруг страшный рев в куче коров. На рев отозвались другие, наконец, весь скот во дворах, — все коровы (в том числе и одна лошадь), бывшие в поле, с ревом сбегаются. В особенности одна черная корова с особенным азартом ходила по одному месту. Оказалось, что они наткнулись на кровь убитой скотины. Видно, не вздор то, что говорится, что когда толпа волнуется, то первой крови достаточно, чтобы в высшей степени разъярить ее.

19 мая.

Вчера приехал Петров (переводчик), ждавший нарочного из Читы. Привез стереоскоп с похабными картинками. Надо было видеть, в какое удивление и азарт приходила хозяйка, когда я, в отсутствие Буксгевдена, стал показывать им эти картинки. Первое слово: живая,

да какая, королевна, красавица (картина изображала женщину, с обнаженными грудями, белую и очень полную). В азарт пришли: приводили мальчишку маленького (лет 12) смотреть картинки, просили показать девушке и т.п. Чувственность здесь страшно развита, оттого люди удивительно рано стареют, в 30-35 лет седой (они все черноголовые с бурятским типом) и на вид старик. Во всем похожи на «мунгалов»¹⁴⁷.

Мунгалы постоянно шляются здесь. На той стороне реки стоит караул пограничный, — просто голь. Вот сегодня приходил сюда один. Вот он и весь тут, тут у него и зимняя и летняя одежда, все тут. Ободранная шуба и ободранная же шапка — все его имущество. Ходит себе по казакам, у того попьет чая, хлеба поест, тем и живет. Правительство неаккуратно снабжает их всем. Они получают, кажется, при выдаче провизию: кирпичный чай и буды, рису, а потом по два лала (1/5 ф<унта> сер<ебра>) в месяц, но и это до них не доходит, — остается у чиновников.

Но затем и наибездельничайший народ эти мунгалы — в целое лето палец о палец не ударит, целый день сидит и буквально ничего не делает. Напр<имер>, начальство принуждало их косить сено на зиму. Они русских наняли.

Те взяли да накосили им узкую, в три размаха, полосу, но длиннейшую. Те уж ахали, да как мы насобираем все это, довольно, довольно, много с нас и этого, не нужно, собирать надо. Вот братские, те на них не похожи, те сидят, да хоть плетут корзинки, в которых носят аргал (кал), здешнее топливо, колеса делают и т.п. Братские, те теперь нанимаются и пахать, потому что лучше их пахарей трудно найти: запрямятся вол, русский бац его по морде, а братские, те уж очень к своей скотине жалостливые и, конечно, <она> их слушает. Но иногда и они безжалостно обходятся со скотиной.

В Чинданте я видел, как «укрючат» лошадей. Огромное стадо в 1000-2000 коней подводится поближе к той юрте, где будут клеймить скот, молодых жеребят и некоторых кобыл. Всего я не застал, но хозяин для нас велел укрючить двух кобыл. Садится «укрючник» на бойкого резвого коня с длинным шестом, тонким и легким, на коне его аркан. Затем пускается за выбранной лошадей. Та удирает во всю прыть, но конь под ездоком не отстает, нагоняет, накидывает аркан, тогда кобыла начинает скакать, бесноваться, бросается во все стороны, и если конь отстанет, то просто выдергивает из седла укрючника, но он крепко сидит, да к тому же принаравливается ко всякому движению кобылы и носится за нею до тех пор, пока она не устанет; он ее обгонит и станут *en face*^{*}, тогда он очень ловко стаскивает укрюк с ее шеи, а другие буряты, пешие, накидываются на кобылу, кто-нибудь схватывает ее за хвост и бежит, пока ему не удастся так ловко дернуть ее, что она грохнется; тогда все на нее накидываются, двое садятся верхом, один держит за хвост, трое-четверо за гриву, и стригут гриву ножом, — это идет на веревки. Затем одну зануздали, бурят сел на нее, — и что уж она не выкидывала, — сидел, непомерно колотил нагайкой. Так он целый день ездит на измученной кобыле, пока она не усмирится. День, когда укрючат, есть истинный праздник: собираются и женщины в юрте, хозяйки бурятки надевают свои мозираны¹⁴⁸, которые нещадно бьют ее по лицу., и женщины принимают во всем живейшее участие, — они такие же как и мужчины знатоки коней, и так же, как они увлекаются достоинствами, пороками коней и т.п. Участие их ограничивается не только этим, — они прекрасно ездят верхом. В Дорунгуле мать сотенного командира, напр<имер>, всегда ездит на запашку за 30 верст взад и вперед верхом, и теперь раз ужасно обиде-

* лицом (*фр.*)

лась, жаловалась Буксгевдену, что сын предложил ей доехать до запашки в телеге: «Старые мои кости (ей 80 лет) растрясти, что ли, хотел, надоела видно». Чиндантская «матушка» в свое время была замечательная наездница. Теперь ее дочь, лет 15, тоже наездница, с пола поднимает вещицу на всем скаку и т.п. Не мудрено после этого, что у солотов¹⁴⁹ женщины охотились, а я в этом усомнился.

Никонов пишет из Читы, что 5/V пришел из Сретенска пароход. Новинка всех забавляет, — происходят катания с музыкой по Ингоде. Пароход пришел за делом — брать баржи. Но как это, очевидно, невозможно, то он возьмет Корсакова и его будет катать. Пока на нем катаются читинские красотки в ожидании их высокопревосходительства, к приезду которого будет устроен базар в парке, в тени деревьев (сосен в 3 арш<ина> вышины). Так это поэтично. Потом их в[ысокопревосходительст]во поедут прокатиться по Амуру, тоже на пароходе, может быть, пойдут по Сунгари... им достанется честь первому пройти по новой реке... Сердце захлебывается от восторга за их в-во.

*Благовещенск. 15 июня 1864 г.*¹⁵⁰

Пакости, которые со мной делаются¹⁵¹. Вчера был у Черняева, утром с Сафроновым. Прием чрезвычайно любезный, простой, судя по этому только, выходит, человек порядочный. Теперь только я успел хорошенько рассмотреть, что за громадный дом Буссе. Канцелярия тут же. Казаки говорят, целая деревня бы вышла. Сад хорош, а на бульваре худо разрастается. Заметное увеличение Благовещенска, много домов, землянки срылись, но и их куча за городом. Целый город солдатами выстроен. (Амур против города в среднюю воду — 400 сажений.) В магазинах пустота, ничего нельзя купить, в одном только магазине сахар, и тот не свой, на комиссию: по 40 коп.

сер<ебром> в голове! В Благовещенске, когда в Николаевске сахар был 8 руб. пуд, стеарин здесь 24 р. пуд, соль и свечи 16 или 20 р., фотоген вытесняет, — хорош. Бумага дрянная, все ждут хорошей. Сигар у Людорфа несколько ящиков — 20-25. Торговля с Манчжурией. Овес 5 коп., за коровью шкуру 50 мешков. Русские купцы поднимают цены, теперь 221/2 коп. в казну, было год тому назад 40 и 45 коп. Греча — 25, кажется. Пшеница в зерне — 50-60 коп., молотая в казну 1 р. 10 к. (майза). В нынешнем году много пользовались у манчжур. Манчжурские деревни на русском берегу выселились, потому что архиерею место понравилось. Переселенцы, 40 семей, что ли, сказали. Воронежцы не знают, где место отведут, — бравый народ. Сидят, потолковали, встали, один сел, другие после, один унтер старый с ними. Садоводство разведут, не казаки, которые удивлялись вдоволь, когда Буксгевден стал сад разводить. Молокан-хозяин сажал яблони, привил, растут хорошо. Груши не выдержали, просил своих малороссийских баклажан и пр. Затруднение в семенах, трудно им выписывать по почте, долго, и деньги наличные нужны. Выставка, Читинская выставка, так и не состоялась от лени, некому взяться. Благовещенские гостиницы из рук вон плохи. «Амур» без стульев, «Николаевск» без обеда, — громадный домина, где жили доверенные Юдина. Плачевное состояние магазина Амурской К°, — ничего нет. Или пароходов еще нет.

Низменная. 16 июня, вторник.

Посевы хлеба хороши. Благовещенский собор красуется на берегу. Далее выселенная станица, — отняли под город. 3 раза переселяются. Маногиры бродят зиму и лето, рыба в нынешнем году что-то худо <ловится> от половодья. Манчжуры всячески, говорят, распутива<ют>. Снасти, невода, сети, мало корзинки. Пароходы путают,

рыба бросается в снасти. Перевоз манчжур разоряет казачков. Теперь в Низменной вовсе мужчин нет (18-й день как ушли верст за 150 по Зее рубить лес для постройки бригадного штаба... строят, строят, и вот уже 18-й день в отлучке). Как только придут, должны идти в сотню для лагерного сбора. Все уж недовольны этими сборами, многие гречихи еще не посеяли, другим нужно залогии поднимать.

Ст<аница> Пояркова. 17 июня, среда.

Низменная напрасно получила такое название. Когда во всех станицах топило огороды, там ничего. Местность от Низменной вниз — та же степь, иногда попадаютсЯ деревья, черная береза и мелкие дубы, большею частью высокая трава, остатки прежних русл, отчего земля идет уступами. Высокая трава, — впрочем, влияние людей выказывается, — далеко не такая, как было прежде, судя по той траве, которую видел на островах в прошлом году. Цветут лилии, — голубые здесь замечательного темно-фиолетового цвета, — преимущественно желтые, мало красных, те горные мельче и худенькие, «сарана» (?). В нескольких местах остатки городков, теперь саж<е-ней> 11/2 вышины, а ров уже зарыт, только следы видны. На каждые 10 саж<е-ней> курган на вале. Таких городков по Амуру много. Между Неожданной и Благовещенском даже идет постоянный вал. В Константиновке видна мельница, ветряная, 3 казака построили. Действует хорошо. В других местах у зажиточных казаков конные мельницы. В Низменной долго ждал попа, — хотел вместе везти, чтобы не тратить лошадей. Гоньбы <распределяются> между <дворами>; подрядчиков не могут найти. Давали 600 руб., но на Неожданной нужно взять 1200 руб., говорил хозяин; полагается 2 тройки или 6 человек, но на таком станке, чтоб не задерживать проезжих, —

а нельзя же задерживать, — надо держать по 3 тройки, вместо 1, следовательно, 1200 руб. как раз в меру, и станок большой. Кресты по дороге на валах. Поверье об крестах. После Константиновки, особенно после Сычевки, дорога уже не так хороша, низовая, заводная, эта кочковатая, очень тряская. Переехали в Сычевке речку, потом под Поярковой, завитая, быстрая, утонул мальчик 15 лет. В Сычевке жалуются на дороговизну в деревне. То же и здесь. Дикий кот в Айгуне стоит 1 р. 80 коп. и 2 руб., здесь продается за 2 р. 40 и 2 р. 30 коп. Кирпич большой 1 р. 30 коп., малый 80 к., а без них жить нельзя. Сбор (учебный), который в городе; турят казаков, чтоб жили в лагере и варили там. Аммунция очень неудобна: ружье, пашка, пика, он с ними справиться не может, длинные стремена, седло, все неудобно. Мишень, стрельба плохая, тяжелые ружья. От кого назначен сбор. От Савича? — Здесь очень обрадовались вести о своих. Старуха приходила. Недостаток женщин. Девочка 14 лет имеет уже женихов. Огороды порядочные, большие. Вчера, вечером, разговаривал с 2 казаками. Амур имеет и почитателей, и недовольных. Один ужасно жалел о невозможности иметь 1000 голов, о том, что скот вовсе здесь держаться не может, нет солонцов, гужира¹⁵², скот не может быть так жирен, а ему нужно такого жира, чтобы выбирать кусочек синего мяса, а то сплошной жир. Кони на станках хороши, возят скоро 8-12 верст. Гермафродит в Константиновской.

Бараны, говорят, родятся все зубастые. 7 родилось у хозяина, только 3 живы, но привыкнут 3 пока, пойдет хорошо. Так думает и хозяин. Братан яростно спорит: что за скот, где гужиру нет.

Трудность заводить лодки.

Избы строили солдаты. Хозяева недовольны постройкой. Еще бы — плохи, но строили по уроку иногда люди,

никогда не бравшие топора. Здесь выстроено 18 домов. Столько же и по другим станицам. Остальные строили сами. <...>

Я был у сотенного командира. Он, поп, вот и все общество. Книг никаких, живут по-скотски, ничего, видно.

Пояркова. 18 июня.

Вспомнил, когда я приехал сюда и вошел в избу, в которой теперь живу, то хозяйка извинилась в том, что изба не топленая. Действительно, она была прохладная, так как в ней не жили, но только в ней и можно было сидеть и заниматься, — сколько-нибудь прохладнее.

Вчера и третьего дня очень жарко, небо безоблачное. Сегодня пасмурно; вдали гром гремит (11 часов).

Амур сильно прибывает, речки тоже, но не так сильно. Дожди были на Шилке и Аргуни. Как кажется, собольный промысел в Большом Хингане не был велик. Говорят, что тамошние орочны¹⁵³ ежегодно ходят в М<алый> Хинган, по Бурее, Завитой, Зее в хребты за соболями, затем осенью на р. Маланге бывает ежегодный сбор ороchon; приезжает чиновник и берет ясак по 1 лучшему соболу с ороचना, черному, затем он платит им какое-то серебро, не за соболя ли? Только редко достается это серебро ороचनाм, — или остается у чиновников, или переходит к даурам. Дауры держат их в своих руках, — за все с них дерут непомерно. Обыкновенно ороchon забирает аракою в долг, с тем, чтобы принести, напр<имер>, 5 соболей. Не посчастливилось, — он откладывает, но уже 10 соболей, и т.д. crescendo, пока не оберет всего ороचना, ружье, лопотишку. Впрочем, то же делали с ними и русские казаки, так же обирали. Здесь проходила артель, 5 ороchonов и 1 даур, везли несколько пантов, одни о 6 отростениях, 30 фунтов; казаки давали коня, не отдал даур. Здесь уби-

ли изюбра; панты, 1 отростень, продал в Айгун за 2 бычков. Напрасно не купили в Хингане за 3 р. серебром. Есть ороконы богатые. Тут, на Маланге, 5 братьев, 3 племянника живут хорошо, до 50 голов скота, кони, ружья, все есть (ружье палка). Здесь кроме соболей и изюбр, выносят сохатых (лось), выдр, рысь, тут убили на льду 2 сохатых, живых изрубили. Коз очень много. Зимой выходят, потом уходят, воспитывают индигашек (Р. где мж. перевоз м<ежду> Неож<иданной> и Благ<Совещенском>» — Ханнин курган, баран-барашек). Они становятся ручными, ходят по станице, и собаки не трогают, но на будущий год показалась свежая трава, — бегут.

Рассказы про хохлов: необщительны даже между собою, ни за что не попросят у соседа долота. Говорят, что мы бы раньше пришли, обобрали бы нас.

Дворы, много нагорожено. Кучи навоза понапрасну пропадают.

Сегодня ждут архиерея из Благовещенска. Старик постоянно разъезжает. Теперь — в Николаевск, в Аян, назад верхом через Якутск, и очень бодр и добр. Рассказ юнкера, ездившего на воды, который взял от архиерея 50 руб., потом Кукеля заставил заплатить в гостинице 29 руб., и не совестится рассказывать. Теперь архиерея ждут сюда. На берегу ходит сторож. Для чего? А как же, — приедет, всех баб и созовут под благословение. Да и сами бы пошли из любопытства, только не разом. Религиозности вообще мало, внешней обрядности тоже.

Хозяин рассказывал, как в нынешнем году один сынок ехал полковником, приехал из Забайкалья в Николаевск, оттуда ехал без бакенбардов. В передний путь остановлен у Черняева, ругал, бил ямщиков и, когда занимался этим на одном станке, пришел гарнизонный солдат и говорит: «Что вы даетесь ему: он такой же варнак сынок, как и мы». Донесли сотенному командиру. Он ночевал, ночью

сжег все свои бумаги, подорожную и теперь ничего не говорит. Утром его арестовали.

Здесь у хозяина из 5 мальчиков 4 учатся в школе, пишут порядочно, всякий вздор, выписки из законов!

Пояркова. 19 июня.

Все то же. Нет ни Савича, ни архиерея, ни черта. Сегодня все сидел и писал. Вечерком ходил в лес. Какая бездна разнообразнейших насекомых, тут много нашлось бы подтверждений для вопроса об изменяемости вида. Вчера дождь прошел сильнейший, гроза гремела во всех сторонах. Сегодня жарко утром, пасмурно, к вечеру безоблачно. Все просохло, в лесу даже и следов нет дождя.

Хозяева все жалуются на невозможность иметь погреб, — везде, в подпольях даже, вода и всю зиму стоит, картофель в холодной избе держат. Амур очень высок, но перестал прибывать.

Когда привезли сюда казаков, так тут был голый густой лес, ни изб, ничего. Солдаты принялись строить им избы, — они пахать залого, подымать пашню под озимый хлеб. Сперва так и не знали, что такое за озимая рожь, — бывало, прошу Петра Ефимовича: покажи ты мне, какая это рожь озимая.

— А как она против ярицы?

— Родится лучше, да и в печеньи лучше, белее и черствее. Ну, было, что и поплакали тут вдоволь. Сильно приуныли, боялись даже вглубь ходить. А тут принялись огороды копать, хлеб сеять. Да, что это, который уж год мы здесь, не можем поправиться против Забайкалья. И никогда не поправятся против Забайкалья. Вот один молодой казак говорит: «Что такое паши, робь (работай); в Забайкалье жили и в жизни не знали пахать, — выехали себе с икрыком, да поезживай». Жалуется, что вчера их помочило в бараке. Худо, видно, покрыли. Порядочно

покрыли бы берестой, не мочило бы. Да это что, — в Забайкалье выйдешь в лагерь, совсем как дома, — каждый молока, сушеного мяса навезет, да еще иргона¹⁵⁴ гонит. А тут вон корову заколет, да и привезет продавать на хлеб, чтобы осенью отдать. Кто это? Такой-то, да какая скотина, — вот тебе голову дали, жиру ни 1-й осьминки нет.

— Ну, коли осенью отдать, всю разберут. Да, об лагере. Я сказал, что чего оно стоило-то их построить в Забайкалье. — Да мы и здесь готовы их построить. — Видно, время у тебя много свободного? — Да здесь умереть время не будет. — А лагерь хочешь строить? Хозяин сильно костит, но, видно, бездельник.

Вчера говорил с одним сынком; приходил за водой. Говорит, что 3,5 дес<ятин> имеет пашни. Конопли, льну 10 ф. посеял. Нитки все свои. Привыкли казаки, и бабы вовсе не ткут ничего, а очень могли бы. Лен отличный здесь родится, конопля тоже, но мало ее сеют, и кажется, худо унавоживают поле; вообще здешний навоз из дворов не хорош, без соломы и не перегорает. Сынок этот, кажется, из матросов, сапожник, семейный и, вероятно, будет жить хорошо.

— Вот, — говорит хозяин, — хорошо здесь, по крайней мере этого воровства нет. — Да всякий сам понимает, что какво оно на новом месте, а тут еще воровать. Разве сынки?

— Нет, у нас в Забайкалье и без сынков немало его было.

Ночь очень холодная.

Куйтун-байна. 20 июня, суббота.

Савича все нет. Хозяйка еще вчера весь день приговаривалась, как когда ушли у них в Низменную Норбликов и Красильников; они делали вечорки с водкой. Сегодня снова те же рассказы: как Красильников делал через

каждые 2-3 дня, потом, что у них и теперь, как праздник, так и вечерка, ребята делают, с чаем больше. А вот когда страда начнется, так тогда помощи бывают. — Ну, пригласят соседей, коли нужно, — так весь караул; нет, — так если людно нужно, так людно; не очень людно, так не очень людно, и поедут все верхом, каждый с серпом. Поработают, все успеют — так все, нет — так сколько успеют. Потом вечером назад все к хозяину. Тут «бывает вечерка со спиртом, с водкой, с чаем, с сахаром, как кто может. Казаков, значит, спиртом угощают, для дам — водка, девицы собираются, пляшут». Так вот «теперь каждое воскресенье, как не учатся в лагерях, бывает вечерка. Вот завтра, не знаю уж как. Пустят ли, нет ли». Едва ли, пожалуй, не пустят. — «Ну да уж парни к девицам убегут, хоть и командир знать не будет».

Через несколько минут я заговорил, что скучно вот ждать парохода. Хозяйка так и обрадовалась: а вот бы вечер устроили, девицы бы пришли, повеселили вас. Я отговорился работой. Не знаю я их обычаев, буду церемониться, да и скучно одному, да и работы куча.

Если бы здесь были порядочные книги, верно бы, много читали. Вот хозяин каждый день читает вслух какую-то книжку про Суворова. Дать бы хороших книг, как бы читали.

Вот я сегодня писал об ороконах. Казалось, чего им еще нужно для улучшения материальной обстановки? Все-таки этого одного мало. Черн<яев> говорит: «Дайте им средства, читать выучатся они сами». И средства есть,

все же одного этого мало. Учатся, конечно, несравненно более русских крестьян, чтоб в 9 часов вечера сидели еще за книгою, давно бы спали, после целого рабочего — и какого рабочего — дня, да и свечи-то нет. Здесь это легко достается, в Забайкалье сами всегда льют, когда бьют скотину, или макают. Сало великолепное. Яманье сало¹⁵⁵ немногим уступает стеарину низшего сорта.

Славные здесь дети, не забытые дикари, как большую часть у нас, хотя бы в «благословенном» Никольском.

День холодный, много дожда до самого заката. На закате прояснило, все же свежо.

Хозяин бывал на Далае. В его время это было большое озеро, полное воды; в 1862 году — лужа грязи. Керулюн даже без воды. Рыбы было несметное количество: в обыкновенное время по колено воды в Мутной пр. Пошла рыба, — выше пояса сигает, салаки — несметное количество. Далай только и снабжал Аргунь.

21 июня.

Сегодня утром проплыл Савич. Еще на солнцевосходе прискакал нарочный сказать, что он ночевал в Куприяновке (2-й ст<анок> отсюда). «Чита» — славный пароход, не мудрено, что он так хлестко ходит, скорей всех, чрезвычайно узенький и неглубоко сидит. Он догнал «Карсакова» только в Хабаровке, — все на курьерских ехал, заезжал, может быть, в 2 ст<аницы>. В Хабаровке задержало его дело об убийстве манчжур и гольдов гольтепаками, а то бы и тут пронесся на курьерских. Казакевич выезжал встречать пароходы! Савич осмотрел кавалерийское ученье, в котором ничего не смыслит, и уехал. Ждут полкового, который 2 дня поучит стрелять и распустит. Стоило

собирать. Я был сегодня вечером на стрельбе казаков на 200 шагов борозды (?) — худо. А из своих винтовок отлично. И притом их вовсе не учат, лишь бы заряды выпустить. Вчера вечером плыл катер Романова. Уморительная сцена: поп, который ждал архиерея, вышел на берег. Кричит, зовет. Романов в претензии на Корсакова, вероятно, за пароход «Гонец». «Странное дело, я телеграфирую, что еду, а они думают, что я шучу». Я остаюсь ждать «Константина», новый пароход, который скоро пройдет вверх, оттуда назад, поеду в Николаевск.

Сунгарская экспедиция¹⁵⁶ состоится без Корсакова, слава Богу. Пойдет нойоном Черняев. Вчера убило громом хохла с конем, на пашне раздробило березу, убило коня, но осколком березы. На Золотой уж который человек теперь, а все перевоза не могут сделать, лодок не могут держать; хоть бы единого человека нанимали от всей станции при лодках. Черт знает, что такое!

Говорят, вчера во время дождя одна женщина доила корову, и вдруг молнией ей опалило губу, а ударов молнии вблизи нас не было. Чудно что-то.

Архиерей приплыл, вышел на берег, согнали народ (нельзя же не идти, — все говорят), принарядили детей, — благословил народ, дошел до церкви, которая тут строится, и поплыл дальше.

День утром очень жаркий, вечером свежо, ходят тучи на с.-з. Ветер з<ападный>, несильный.

Пояркова. 22 июня.

В 1-м часу пришел пароход «Константин», большущий, ведет одну трехмачтовую баржу, другую 2-мачтовую, 3-й катер. На передней барже много народа,

наполовину женщин, идет скоро, скорее «Амура», пожалуйста.

Пояркова, 24 июня.

В самом деле, должно быть, здесь не совсем хорошо казакам. Они сами говорят: чем не житье здесь, почему бы не жить, только порядки здешние одолевают. Хорошо, я живу теперь у богатого крестьянина, да он чуть ли и не самый богатый в станице, у него брат в прошлом году приводил 70 голов скота, теперь у них скот-таки есть; а вот, например, братья Перебоевы: у одного было 3 быка, продал одного, надо же обуять семью, потом один пал, и остались они оба брата каждый при одном быке да при одной лошади. Ну, много ли можно сделать на этих 2 скотинах? Прогнал подводу, надо сено везти, привез сено, дрова. Весной пашня, вози дрова на пароход. А дрова положили возить на семью (намокшие?) на 3 бр. по 21/2 саж<ени>, потом еще по 1 саж<ени>.

До сих пор за 7 лет, что они здесь живут, им только 2 раза платили за дрова. У них много накопилось уже и квитанций по подводной гоньбе, за которую до настоящего времени деньги не отданы. Собрали это все, хотели представить Корсакову, а он, вместо того, мимо проплыл. Теперь просили полкового. «Спасибо, он взялся хлопотать. А то бригадный, беда, ужасно туго деньги выдает. Ну, если бы у нас и полковой такой же, как бригадный, беда бы, пропадать совсем», — и это говорится с такой горечью. Видно, наружность Черныева обманчива.

Вчера на рассвете проходил пароход «Карсаков» с баржей «Полковой». Чеснок приехал на конях, <посмотрел> стрельбу, ученье и велел вечером распустить казаков. Все разъезжаются скорее по домам. Вечером хотели вечерку сделать, да поздно хватились. Сегодня все уехали на пашню, остался из 5 мужчин только 1, кажется, поехал

промышлять. «Вот если бы не эти ученья да работы, как не жить, — поехали бы промышлять, все бы пофартило, так панты бы убил, вот и оболоч бы всю семью. А то за лесом проходили. Без малого рассчитывали мы, что по рублю обойдется казаку лесина. Да вот сотенное правление, мы считали, 200 р. стоит нам. А теперь недели 2 или 3 проходили за лесом, мука, шутка ли?» — да что вы <пре-
рвали?> — «Вот теперь осенью примемся школу строить. Вот теперь дрова на пароходы ставим, спасибо, частные пароходы берут, так берем с них по 3 р. за сажень».

Я писал — раздался свисток сверху. Пароход. Я побегал на берег. Оказался «Николай» — идет со скотом, 730 голов, купленных у манчжур для Николаевска; идет тихо; оставил скот в 10 верстах, утром пойдет за ним. Потом постоит дня 3 кормить скот; везет его на 4-х баржах. Пароход в 50, что ли, сил, Людорфа. Пассажиров нет, да и помещение для них не совсем удобное, в 2 яруса, в общей комнате. Чтобы попасть в кают-компанию, надо перелезть через ось парохода. Для дам 2 конурки, в которых повернуться нельзя, раздеваться надо в общем коридоре. «Константина» встретили в Благовещенске вчера, в 4-м часу вечера. Я просил свечей купить; за 1 фунт взяли рубль; американские warranted for tropik climats*, а текут в руках. Продали дров по уговору меньше 3 р. не брать. Споры, зачем старшой не понуждает довозить дрова, следующие в казну. Очень вежливо ругаются.

Житье матроса невесело: день на руле или в машине в адской температуре. Пришли теперь дрова — грузи. А ночь, спать бы пора давно.

Должно быть, жжет мало дров. 9 саж<еней> мало на целый день.

Ночь такая тихая, теплая, звездная. Так хорошо. А днем часа в 4 налетела разом гроза, крупный летний

* гарантировано для тропического климата (англ.)

дождь полил, недалеко где-то разразилось 2 страшных удара.

Хабаровка. 27 июня, суббота.

25/VI я сел на «Читу», идет с курьером. Ныне курьерам (к Корсакову) предоставляются отдельные пароходы. Пароход идет очень скоро, станицы так и мелькают перед глазами, останавливаемся редко. Заходили в станицу Сагибову; попали на ужин — щи, каша, белейшая, немного темнее бумаги, а не на молоке. Потом еще грузились в одной днем, но это маленькая.

Вчера вечером в Михайло-Семеновской зашли к Бабсту. Там архиерей в полной форме и все так же. Старик очень понравился мне: прост, не ломается, как обыкновенно попы, прямо к водке, без благословения, и рейнвейну рюмку выпил. Странно, впрочем, — еще с прошлого года отказался от животного царства. Впрочем, он такой полнокровный, ему, оно, пожалуй, нипочем без мяса.

Архиерей просил взять его катер на буксир до уссурийской протоки. Взяли, к счастью, хотя и был противный ветер, но недолго. Поэтому, вместо того, чтобы прийти в Хабаровку в час, пришли в шестом и остались ночевать. Рейд очень оживлен. Пришел еще «Амур», починившийся после полома; итога на рейде 4 парохода, катер Малиновского, несколько десятков барж; тут же «Поселенец», на котором Розенгейм идет вверх по Сунгари до Сянь-Сина торговать; имеется в виду торговля скотом и съестными припасами. Тут же миссионер du Baue, который зимовал chez les Tatares*, идет из Сянь-Сина, проповедуя христианство. У него на лодке 3 крещеных китайца и один рауеп**, идут в лодке. Теперь просил «Успех» взять его лодку до Михайло-Семеновской. Потом через

* у татар (фр.)

** язычник (фр.)

5 дней поедет на «Поселенце» с Розенгеймом. Говорит, что Сунгари река судоходная, в Гирине de la largeur de la Seine a Paris*, а там ходят пароходы, сидящие 6 ф. Сянь-Син — маленький городишко, без амбана. Амбань с Сан-Чу, который лежит в изгибе Шира-Мурени, при впадении ее в Сунгари. Лет 12 тому назад один французский офицер спускался по Сунгари и начертил a la main** карту реки. Он обещал дать ее Малиновскому счертить. Одет он как китаец, с косою, с усами и черной бородой. Здесь 2 года, выучился (говорить по-китайски, пробывши у кого-то на выучке 1 год. Через 8 месяцев уже говорил по-китайски. Мало-мало знает по-русски. Другой его собрат р. Воуер*** теперь в Николаевске. Его взял довести Нелединский до Николаевска. Воуер в Николаевске остановился у одного поляка. Казакевич разругал капитана, велел полиции присматривать за ним — боится польских козней. В Гирине, говорит du Bayer, множество скота, бык 7,8 руб., а тут очень немного, да и народа мало. Сянь-Син среди ненаселенной местности, только посты на расстоянии 10-12 льё, которые из китайских эмигрантов, тем предоставлено пахать земли, сколько хотят, за то они обязаны передавать пакеты мандаринов. В Сянь-Сине соболь порядочный стоит от трех до 6 лигатур ожногов, — немного дороже 3-4 руб., вернее, между 3-мя и 4-мя. В Сянь-Син вскоре съезжаются все гольды et Cie, которые продают своих соболей за буду. Тут на постах какой-нибудь божко явится и берет у него лучшего соболя, платя 2 лигатур ожногов. Китайцы очень нерелигиозны. Главный бог — бог богатства, Шень-Фу. Les Tatares религиозны, с ними лучше дело иметь. Начнет он проповедовать китайцам, — во всем согласны, а своей религии не

* шириной как Сена в Париже (фр.)

** от руки (фр.)

*** отец Бойе (фр.)

переменят. Les Tatares — те лучше, простые люди, и когда уж примут христианство, то невесть как верят во всем слову своего духовного отца, — все готовы исполнить.

Проводники, пересылка писем, рауенс нельзя доверять, русских хвалит за гостеприимство. Орочны.

Хабаровка, грязь. Мухин, поляки, стрижка парика. Ответ Казакевича и Корсакова ему: «Подавайте в отставку». Из Хабаровки зашли грузиться на 4-й ст<анок>.

Софийск, 29 июня.

Вчера, след<овательно>, зашли на 4-й станок. Я вышел на берег; много телеграфных солдат на работах. Так как праздник, так гуляют в деревне. Бедность, те же пашни посреди расчищенных пней на верхушках утесов. Хлеб высок, уже отцвел, но еще что будет, трудно сказать. Да и много ли его? Семена получили поздно, казенные, раньше того ездили в Долю за ними. Или сами не ели, приберегали семена? Отчего они пришли поздно? Были и пароходы, и лодки, могли раньше выслать из Благовещенска. А пароходы так же безумно гоняют из-за пустяков.

Вдруг слышу голос позади себя: «Ах, это тот, любознательный». Оказывается, хозяйка, у которой мы в прошлом году жили на Вятском станке. С нею девушка лет 15. Оказывается, сноха. «Вот, сына женили». — «Это осени-сь?» — «Нет, зиму-сь женили, а то осени-сь так другой был. Ноне трое уже женатых». Девушка, право, странно женщиной назвать, недурна, но вся в веснушках, рыжеватая. Полное равнодушие ко всему, что вокруг нее говорится.

Пошли дальше. Еще раз дров не хватило; зашли на 11-й станок Маэ. То же самое. Крутой берег под утесом, в который сердито бьется Амур, те же телеграфные солдаты, те же крестьяне, тот же недостаток хлеба, пашни уж и бог знает где лепятся, иногда просто в огороде.

Затем плывем скоро, деревни так и мелькают перед глазами, и рассмотреть-то их трудно. Так, как мы плыли, только немножко скорее (уж два раза среди бела дня не берет дров), плывет Корсаков; напрасно везде ждут его и крестьяне, и казаки.

Вечером пришли в село Орловское № 14. Около него есть протока, в коей стоят дрова и в которую заходят пароходы. Тут спокойно можно проночевать, не боясь волнения. Перед деревней уже качается один пароход — «Гонец», который в нынешнем году ходил киселя есть в Читу. Вскоре подошел другой телеграфный пароход «Сторож». На нем Де-Витте, которому поручено осматривать телеграфные работы. Корсаков хочет во что бы то ни стало кончить в нынешнем году телеграф до Хабаровки. Рабочие идут, ставя столбы, партиями в 200 человек. Пароходы, которые свободно могут проходить через всякие протоки, перевозят их с места на место, возят материалы и т.п. Вообще эти пароходы — чрезвычайно миленькие вещи. Они длинные, соразмерно узки, (соразмернее «Читы» — 130 футов длины и 12 футов ширины — ну да этих пароходов и назначали в курьеры), каюты в них чрезвычайно малы. Устройство вроде катера — лодка, на ней сруб. Входишь в каюту, направо *place d'aisance**, крошечное, налево — буфет, каюта для двоих, в случае нужды — для шестерых. Прямо — зеркало, над камином? — нет, шкапом вроде камина, вправо, в углу для умыванья; 2 дивана, которые в случае нужды обращаются в 2-ярусное помещение. Чрезвычайно мило, чисто, опрятно. Окна чисты, вдвое чище обыкновенного, следовательно, светло. Очень мило. Сидят они не более 1 фута; 14 сил. Таких пароходов у телеграфного ведомства три: «Сторож», «Гонец», «Часовой», 4-й — «Телеграф» — побольше.

* уборная (*фр.*)

Де-Витте не сообщил ничего особенно хорошего; мне — неприятное известие: Корсаков из Хабаровки пошлет курьера. Неужели меня? А оно вероятно, с ним только Смиттен. Тогда не удастся попасть на Сунгари; как жалко будет. А Бороздин¹⁵⁷ поехал в Японию, черт уж знает зачем, так что больше никого не предвидится.

Сегодня идем очень скоро: в 6 часов по Николаевскому времени были уже в Софийске (с утра 310 верст), и если бы не почта, то очень бы скоро отчалили. Но из-за почты простояли 2,5 часа. Наконец, после того, как свистели раз 20 или 30, явился пьяный почтальон с почтой. Теперь почты вообще очень большие. В Николаевск везут чуть ли не 150 пудов.

Софийск — город. Казарма — 16 окон. Церковь грандиозная, саженьях на 12, если не больше, но недостроенная и предоставленная гниению в виде почерневшего сруба. Рядом — другая, миниатюрная, но миленькая церковь — достроенная; большие затеи оказались не к лицу для города, в котором, кроме весьма немногих служащих, никого нет.

На горе (город на 2-х отрогах, между ними — болото, за ними — густейший лес, — лиственница и мелкий березняк, — этим все сказано) красуется 2-этажный домик с красивой каланчой, с мачтой, шестами и веревками, видно, для сигналов — кому? Пристань лучше, чем в Благовещенске. Там вовсе ее нет, и дров нет на берегу для казенных пароходов, потому что неловко же в таком городе, на берегу, на первом плане — дрова. Впрочем, это не мешает дровам Амурской компании лежать тут же на первом плане.

Сегодня выше Софийска мы проезжали громадный хребет (тот самый, через который Корсаков хотел посылать Буссе выгонять англичан). Крутые, высокие хребты, относительная высота которых больше всех на Амуре. Но

горы в значительной части голы: трава, а не то лиственница и мелкий березняк. На берегу видны чистенькие постройки — деревни — жертвы амурских нелепостей. Густой лиственничный лес. Посреди его дома. А пашни? Тут же и пашни в лесу между пней. И таких станиц много. Что я видел в прошлом году, то были цветочки, — вот они, ягодки, но какие горькие. И таких станиц немало, до Софийска 30 станков от Хабаровки. Впрочем, к счастью, не все деревни, есть и просто станки. Слава Богу, не те ли это, которым позволили идти на Уссури? Горы, которые мы проходили, очень высоки; и хорош же должен быть в них климат. Теперь еще лежат в падах снега, местами площадями в несколько сот кв. сажен, большей же частью узкими полосками по дну падей.

Де-Витте говорит, что там, где он заезжал, к концу года страшная тайга.

Мариинск прежде предназначался быть городом. То же самое вроде Софийска, — впрочем, одна дама с мужем, зато и единственная. Я не выходил на берег.

30 июня.

Николаевск встречает нас обычными мерзостями. Вчера солнце закатилось в густой не то облако, не то туман. Сегодня (как) 31 сентября в Петербурге, — мелкий дождь, ветер, мерзость.

Я забыл записать в Хабаровке. Ниже ее случилось убийство четырех или более манчжур и гольдов, в том числе 1 штаб-офицера; зарезали сынки. К Корсакову пришли нойоны в огромном количестве; смотрели на это, как на какое-то начало резни, которую мы будто бы хотим начать, и т.н. Требовали — голову долой Дьяченко, то есть нойону, равному по чину убитому. Насилу убедили их, что нельзя этого по нашим законам. К сожалению, не знаю подробностей переговоров. Кончилось тем, что

следствие было уже сделано кое-как. Корсаков нарядил военный суд, созвал аудиторов, и через 12 часов приговорили 4-х к расстрелянию. Черт знает, что такое! Верю, что для поддержания дружбы с китайцами надо было их расстрелять. Но нельзя так скоро этого делать. Разве сами признались?

Сейчас проехали одну деревню Михайловскую. Большая и, кажется, одна из лучших. Вот сюда-то в прошлом году заезжал Лутковский на протяжении от Хабаровки до Николаевска.

Николаевск. 2 июля.

Портовый город встретил нас сильным ветром и славною качкой. Капитан (он очень хладнокровен) подумывает даже, удобно ли будет повернуть пароход, подставляя ветру борт. Ничего, оказалось. Но волны гораздо длиннее и существеннее тех, которые были на Амуре, когда, например, я ехал к (Михайло-Семеновской). Во время бури ничего нельзя было рассмотреть.

Николаевск раскинулся на высоком берегу, напротив горы.

Около Хабаровки. 8 июля.

Я ничего не писал в Николаевске, да и некогда было писать. Впрочем, я думаю, оно и лучше. Я замечаю, что писать мог в дневнике обратно писанию писем Леонтьеву. Теперь плыву на «Чите» вверх¹⁵⁸. Вышли мы сперва с «Зеей» (Корсаков), но он после первого дня предложил идти вперед, и мы через несколько часов оставили их так далеко, что уже не видели. К тому же капитан, для поддержки чести своей и парохода, идет как нельзя скорее. Да и пароход — славный ходок — верст 14 в час вверх.

Сегодня болтали: Кондратьев рассказывал, как Попов¹⁵⁹ все боялся войны, Макаров¹⁶⁰ тоже. В прошлом

году он величайшие глупости творил: «Америка» меняла котлы в Нагасаки. Он торопил, бросил черт знает сколько денег понапрасну, постройка котла обошлась 3 тыс. долларов, переделка страшно много. Он послал «Америку» под начальством Збышевского на парусах осматривать ее подводную часть в Шанхае. Збышевский растратил данные ему 20-24 тысяч, с остальными бежал. «Америка» вернулась без капитана. Снова поступила к Болтину, неспособному человеку. Попов черт знает как его ругал, теперь представил, не знаю к чему. Казакевич тоже.

Попову все чудился неприятель, — чуть было по своим не стрелял. Наша эскадра в Тихом океане. Назначение — ловить купцов и удирать от военных судов.

Между прочим, «Америка» числилась в Нагасаки. В Николаевске нет средств для капитальных починок.

Скоро выйдет из Николаевска новый пароход.

Наши пароходы на Амуре: почтовые:

«Чита» — 35-40 сил

«Ингода»

«Зея» 40 сил

«Онон»

буксирные: «Амур» (100 сил), «Уссури» (40 сил), «Сунгари» (40 сил); паровая баржа «Лена»; инженерные буксиры: «Успех», «Польза», «Буксир»; «Телеграф» (возит буксы), «Сторож» (14 сил), «Часовой» (14 сил), «Гонец» (14 сил), «Константин» (больше 100 сил, 3 фута, буксир), «Карсаков» (100 сил, мелкосидящий), «Надежда» (2 фута, буксирует), «Механик» (разломан), «Шилка», 2 паровых баркаса.

Частные: «Граф Амурский» (100 сил), «Нечаянный» (Амурской К°); «Николай», «Поселенец», «Казакевич» (Людорф).

Мы изредка заходили к крестьянам. То же, ничего хорошего. Письмо из России. Шло 14/XII-4/III.

Уссури. 21-й станок. 15 июля.

Проехал 6 верст от 22 станка верхом по пашням Эльдорадо, — худо. Лучшая станица. Пашни довольно, но мелкие. Ярица, хлеб редок, — семена поздно пришли, — местами дубовый лес, дубовый и ореховый — щетка, это на релках¹⁶¹ пониже жеребья, — логотинки, поросшие травой, бледной-бледной, следовательно, непременно жидка растительность, и почва не очень-то плодотворна.

Но есть в 2-3 местах распаханная и щетка слабая. Чернозем очень мал, пашни не глубоки — 2 вершка и уже глина или супесь. Чернозем не совсем череу. Травы — режухи, пырей. Пашни 21-го станка лучше: посевы ранние гораздо лучше, и хлеб гуще, и колос больше. Но странно: хлеб, посеянный в апреле, еще только что отцвел, странная медлительность; говорят, был целый весенний месяц холодный, но на Амуре тоже, верно, был, а в Поярковой 26/VI рожь уж наливалась. А здесь необыкновенно жаркий и влажный климат, — скорое гниение весной. Гречиху сеяли очень поздно: вчера, например, и это здесь поспеет: ранних морозов нет. Виноград мал. Говорят, где-то в 7 верстах есть покрупней, а то с мизинец. Уссури очень извилиста.

Гольды, — один переходит в христианство, конечно, чтобы избавиться от китайских нойонов — ужасно обирают. Гольдов немного. Этот на нашем берегу сеет ячмень, пшеницу, просо, кукурузу. Очень хорошо родится. Посев 2 пуда, не более, соберет около 2 овинов, не менее 60 пудов. Сам-30 (ячмень). Пшеница при влаге обещает отличный урожай. И такие урожаи везде, даже на черноземе. Пахали сохой, большей частью руками. Иногда, редко, соха на собаках, — потеха! Двор, направо амбар. Все инструменты развешаны, нарты, во дворе собаки, пашни тут же; позади, на берегу кумирня маленькая. Остроги, невод, — наши никак неводом не заведутся, — мало коноп-

ли сеют. Сегодня в станице весь народ в сборе — праздник Кирика и Улиты. Грамотность, — и тут школа, в 23-м станке тоже, 12 мальчиков, 8 девочек, книг не достача.

Скот очень худ, не может отъедаться — мошка ест, от того; тоже и от мошек не разрабатывают лучшей в этих местах земли; где заросло дубовой щеткой (гольдов поощряют). Щедрые подарки Казакевича скотом.

Недостаток в одежде. Нравственность — простота нравов; старуха берет себе сына, девушка без церемонии (или с глазу на глаз переговорит, а потом подружкам и одна хвастает) в чужой избе, девушка попросила запросто хозяев выйти, рубль дала им. Капитан смешил этими рассказами и своим китобойным способом. Дело велось на кабаньей шкуре, — «со щетинами», похвалился перед тем капитан, выхваляя кабанью шкуру.

Огороды великолепны. Их значение здесь. Сынок-огородник.

Черепахи, — я никогда не видал таких, — более 1/2 аршина длины один щит. Много их, в морды весной десятками попадают. Яйца кладут штук по 40. Огромнейшие пауки с паутинами крепкими, ну, право, почти волос.

Какие ночи! Часа в два хоть в рубашке сиди. Но что за духота днем: +28° в тени, почти даже в пасмурный день как сегодня утром. Звезды так яркие и так хорошо отражаются в Уссури. Тот берег зарос нависшими ивами. Больно мне, нехорошо. Но жизнь кругом, увлекаешься, беспрестанная перемена места, скорбь, жалобы их, тут пьем чай с сдобными булками, они подходят, особенно ребята. Что они думают в эти минуты? Читал «Христиане в Турции». Возмутительно! Что делать? Не то я делаю, что бы нужно. С кем переговорить? Саша, — и его нет, да и знает он мало.

Вздор. Работать, идти на Сунгари теперь, прокладывать путь, — неужели для новых переселенцев, для новых му-

чений? Нет, это невыносимая чушь. Жара так невыносима, что писать не могу. Прощай. Кто?

Уссуфи, 16-го июля.

Где та польза, которую я мог бы приносить? И что же мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны, по крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою, нищенскою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях: которые терпят христиане в Турции, — боль, слезы просятся. Как помочь, где силы? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут, вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им — и что же я делаю, чем приношу? И умру я, видно, ничего не сделав, и все мы помрем, проживши также бесполезно. Дети? В силах ли мы детям внушить ненависть, омерзение к этой силе, которая давит их. Мы, да, мы сами их давим! Черт знает, что это!

Сегодня, например. Муж, жена, девочка лет 11. Изба аршина 2 от земли, полтора даже. Сидят под крышей на открытом чердаке. Муж заболел со святой. Кашляет, худ, бледен. Несчастный! Утешается тем, что надорвался, оттого болен. Чахотка! Смерть, и куда денется мать с девочкой? А на груди носит теплый нагрудник, — видно, грудь болит; кой черт надорвался.

Еще сегодня вдова с маленькими детьми. Изба — потолок проваливается; глаза такие впалые, синие. Как она пробьется? Вот 4-й год здесь, муж умер вскоре по приезде. Куда денется?

Проклятый монгол, переводчик, целый день любитесь похабными картинками в стереоскопе и теперь лезет к самой свечке, так и впилился в ключик с микроскопическим изображением. А чей это ключик, чей стереоскоп? Мой.

Для китайцев, манчжуров, вернее, — им туда и дорога, их ничем не переменишь, все равно, рано или поздно

вымирать. А зачем вымирать, мучиться из-за несчастной жизни этим беднякам? Из-за чего, наконец? Из-за заселения Амура. Какого им черта нужно было на Амуре?

Хабаровка. 18 июля.

Пришли в Казакевическую, ждали курьера, — нет его. Это взбесило Корсакова. Вести доходят очень плачевные. «Поселенец» не мог пройти бара на Сунгари. В Зее такое мелководье, что пароходы не могут выйти из Благовещенска; на Шилке тоже. Странно, а гольды ждут ноне большой воды. Теперь мы идем в Михайло-Семеновскую, сегодня же, там, может быть, подъедет курьер. Мы все не ложились спать до Казакевической, ждали газет, писем; разочаровались. Куда как неприятно. Шли мы по Уссури уж скоро, так и не заезжали никуда. В Казакевической взяли 2-х тигров, один чучело, и все его кости очень хорошо препарированы, другой — шкура. Корсаков заплатил за того 40 руб. с костями со всеми. В Буссовой (23 ст.) с нас просили за шкуру хорошего тигра 25 руб. сер. монетой. Кстати, говорят, если в Благовещенске покупают за рубль, то серебро мелкое берут рубль, крупное — по 1 р. 40 к., а бумажки — 80 коп. за рубль. Не знаю, насколько это верно, я продал серебро за 1 р. 30 коп., а говорили, что можно было продать за 1 р. 45 коп.

Хабаровка представлена в города, здесь будет Уссурийский округ; топограф снял план Хабаровки, будет распланировка и разбивка улиц, назначение мест для казенных зданий.

Соболя здесь есть, но очень дороги. У купцов 5-6-8 р. за среднего соболя, а Малиновский купил у выезжавших к нему гольдов по 4 р. превосходных соболей.

В Хабаровке на берегу расположены лодки и около них палаточки. Китайцы или манчжуры продают ханшину, сидят, курят, самое для них житье.

В Уссурийском батальоне 5000 жителей, мужчин немного более 1/2. Способных выйти на службу около 1400 (преувеличено). Телеграф проводится, теперь готово 280 верст, вероятно, впрочем, без проволоки, надеть которую будет нетрудно, особенно имея возможность в любом месте подвезти ее на пароходе.

На пароходе вечное писание, количество исходящих из одной путевой канцелярии несметное — до 600 №№ менее, чем в 2 месяца. Это только по путевой канцелярии, а в главном управлении теперь сколько выпустили?^{*162}

Петровская станция. 19 июля.

Одна из переселяющихся станций Амурского пехотного батальона. Берег постоянно подмывает, и скоро станицу совсем смоем, для чего она и переселяется вглубь. Пашни на лугах все топят, на релках лес, расчищать надо, а он хоть и редкий дубняк, но не легко. Одна баба, бой-баба зазвала нас к себе. Ее учили броситься в ноги генерал-губернатору, просить помощи; она предпочла позвать к себе, угостить и поболтать. Толстая туша, прикидывается слабой, — нужно поднять скамеечку в 2 фунта, кряхтит, чуть не охает; говорит, что ее обидели, заплатив 50 коп. за 65 огурцов. Болтали долго. Что за язык! Куча диких слов: «залезаю в чащник, когда пить чайшку хочется», «непоморговали» — не побрезгали^{*163}.

* Этим заканчиваются дневниковые записи в тетради № 6. Через две страницы идут различные хозяйственные записи (о полученных письмах, книгах), рисунки (вид молитвенных домиков, дацана), стихотворение, написанное в дороге.

ТЕТРАДЬ № 7

От Михайло-Семеновской до
Провы на Байкале

с 27 августа 1864 г. по 9 октября 1864 г.

Ст<аница> Михайло-Семеновская. 27 августа 1864 г.

Часто приходилось мне жалеть, что я не записывал рассказов про те курьезные личности, которыми прежде, да и теперь, хотя менее, изобилует Восточная Сибирь.

Вот, например, вчера говорилось: был здесь поп как поп; жил хорошо, пел обедни и молебны, разводил кур, пил, не то, чтобы уж слишком много, но закатывал же. Вот раз он отправился в Хабаровку в гости к другому попу; начался кутеж по сему благоприятному случаю и великое винопитие. Кончилось тем, что Михайло-Семеновский поп стал до чертиков напиваться; вот он нализался, да и вообразил, что дьячок зарезать его хочет, — насилу уложили его. Вдруг ночью вскочил, дело было зимою, бежит по Хабаровке в рясе без шапки. Попался солдат. «Куда вы, батюшка?» — «К батальонному командиру». — «Да 12-й час уже, он спит. Да что вы?» — «Дьячок убить хочет». Потащили попа в казарму, очистили койку, насилу уложили. На другое утро или через несколько дней дьячок уговорил его ехать домой. Поехали, только заблудились: дьячок с ямщиком пошли дорогу отыскивать, поп и вообразил, что они пошли сговариваться убить его, — в кусты. Пришли они, ищут попа, насилу отыскивали, а поп лезет на дерево. «Нет, нет, не обманешь, он мне отрезать хочет», — и лезет на дерево. Еле уговорили; привезли на станок, у капитанармуса уложили под образами, на

особой половине; поп, расставив все чаши, евангелие и разложив подрясник и т.п., заснул. Понадобилось же бабе свечу достать из-под образов. Услыхал это поп, как вскочит. «Черного ворона, говорит, пустили в чашу, — ехать сейчас». — «Да помилуйте, батюшка, что вы! ночь!» — «Нет, ехать». И поехали. Наконец, привезли в Михайло-Семеновскую; перестал он пить, — поп, как следует быть попу, рюмки вина не пьет.

Рождество. Идут по деревне с образами; заходят к каптенармусу, в этот раз ротному; только вошел поп, повернулся назад, — «он мне черного ворона пускал». Насилу потом дьячок уговорил зайти к Александрову, так как это был ротный каптенармус, а тот, у которого ночевали, батальонный, или наоборот.

А то тут же был почтмейстер. Были у него какие-то неприятности с Бабстом из-за того, что тот не хотел отправить почты, так как не было почты на пришедшем пароходе. По просьбе Бабста, почтмейстеру сделали выговор из Благовещенска. Пошло все отлично. Приехал Буссе. Бабст уступил ему свою квартиру, — жил в почтовом доме. Его именем зовут всех на пирог. Зашел прежде прочих, без церкви, Буссе. Ходит по комнате тут же Волховской. Волховской жалуется: дом холоден. Буссе обещает три железные печки. Ладно. После завтрака пьют порядком, болтают. Буссе рассказывает про сумасшествие кого-то в Камчатке. Вдруг Волховской поднимается.

— Извините, ваше превосходительство, я, ей-богу, не виноват. Я очень хорошо понимаю, к чему вы это говорите. — Насилу уговорили. Вечером входит в комнату Бабста.

— Я очень хорошо понимаю, к чему это говорил его прев<осх>одительство: 3 печки — 300 розог — хочет дать. Слуга покорный. — На другой день подает прошение об отставке. — Вы, де, ваше прев<осх>одительство, не простили меня; А.К. (Бабст) простил меня, а вы нет. —

300 розог и т.д.» Насилу любезностями Буссе уговорил его не выходить в отставку, а перейти в Благовещенск. Пожелал сортировщиком. Уговаривал остаться. Нет. Наконец, уезжает, зашел проститься к Бабсту. Тот говорит, что глупость вы сделали, Волховской, переходя в Благовещенск, здесь содержание хорошее, дела нет. — Нет, А.К., лучше мне уж в Благовещенск отправиться, там будут удерживать от пьянства. — Ну, ваше дело. Прощайте. — Простись. — А 300 розог, 3 пачки — это уж слуга покорный. — С тем и вышел. Теперь он спился и умер.

28 августа.

Не лучше этого попа был поп в Екатерино-Никольской. Тот ехал раз, он был пьян, дьячок из гольтепаков тож, ямщик тож. А все им мало. Поп пожалел, что не захватил из станицы. Ямщик вызвался, — есть-де, да в туезе¹⁶⁴, как пить станешь? А из колокольчика. — Ладно. Отвязали колокольчик и натянулись. Ямщик стал подвизывать колокольчик на место. Тычет, тычет, никак не попадет, а попал лошади в морду, конь обиделся, понесли; спасибо, на торос наскочили, тут остановились, опрокинули сани; ямщик выскочил и со страху полез на утес, так и не дозвались; дьячок попал ногой в веревочные постромки, потерял сапог и ногу заморозил; поп растерял крест, евангелие, чашу с дарами. Насилу разыскал. Зовет ямщика, а тот все дальше на утес лезет. Поп отрезвился, укрыл дьячка да пешью и вернулся на станок.

А то тот же Михайло-Семеновский поп наелся раз до причастия досыта. А причастия настряпал ворох. Приобщался Плотников. — После, говорит, в алтарь приходи. — Пришел. Дает ему поп ложку, другую, третью, так всю чашу и заставил съесть.

Да, немало здесь курьезных, спившихся личностей. Например, Лукин с Сибиряковым на Байкале. А из неспив-

шихся — Ротчев, который Баснину из милости уделил фунт табаку из присланного Баснину полпуда, воровал с уликой, с собственным сознанием; и теперь, после того, как общество офицеров по суду предложило ему выйти в отставку, уволен в отпуск на 4 месяца с сохранением содержания! Здесь не редкость и поп, разъезжающий с любовницей, с племянницей, и с образами, причем племянница берет непомерные поборы; и поп, который лишал женщину причастия за то, что она детей не носит, с мужем. По этому поводу у Черняева возникла официальная переписка.

29 августа.

Парохода все нет. Прошел вчера «Муравьев-Амурский», да вниз, и тот даже не остановился.

Не весела жизнь в Михайло-Семеновской для живущих в ней. Быть может, и могла бы она быть лучше для них же, но немного. Теперь они с утра дуются впятером в ералаш, добиваясь до того, чтобы в день сыграть 25 робберов.

После обеда спят и рады сну. Читать? Получают, по мере возможности, «Отечественные Записки»¹⁶⁵, «Русский Вестник», «Иллюстрированную газету»¹⁶⁶ и «Сын Отечества», выбирают подешевле. Специального и вообще даже порядочного образования никто из них не получил.

Чем заниматься, да еще при недостаточности средств? Впрочем, средств хватает на то, чтобы кормить и угощать целую ватагу, как нас теперь, а предрассудок не позволяет брать с нас что-нибудь. А на книги мало остается, главное, поди, разом не хватает такой суммы, чтобы больше книг выписать. Все полученное проглатывается в первые же дни; впрочем, серьезные статьи «Пролетариат» («Отечественные Записки», IV) и т.п. не разрезаны. Что же делать? Мудрено, что такие люди еще не изопьются, не

из..... И это громадная заслуга. Но можно представить себе зимнюю скуку этих людей, когда носу показать некуда и делать нечего. Черт знает, что такое. Мудрено ли, что попы и пр. спиваются? Кстати, попы сильно теснят лам. Явится малейшая пристройка в дацане, попы вмешиваются, хотя это дело земской полиции, увещевают. Но как? Приедет в улус. Каждый день требует к себе какого-нибудь заседателя из бурят и увещевает. Тот, вестимо, отмалчивается и слова пикнуть не смеет: обжалуешь, еще взыщет, пожалуй, начальство; а уж попы за себя постоят. А то, например, сожгли эту часовню на Байкале, — чуть бурят не взбунтовали. Семейские, — те с ними короче расправляются, а они и к ним подбирались; ведь посадят же такого фанатика, как Вениамин в миссию. А был здесь Евсений¹⁶⁷ (впоследствии ректор петербургской семинарии, издатель «Духовной беседы»¹⁶⁸). Того буряты уважали, — они, даже ламы, подходили к нему под благословение. У них, например, существует уважение к Николаю-чудотворцу и Иннокентию. Мы читали сегодня письмо Батунова, некрещеного буряты, к своей возлюбленной, — сестре жены, «матери дитяти», как он пишет. Как нежно пишет он ей о подробностях: сшей себе беличий салоп; дитяти, зимой, думаю, лисий сделаем; покупай себе сало для топки, учись работать с пользой, учись по книгам читать и писать, зимою приеду займусь; я видел во сне, что ты ворожила, — какие чудные упреки по этому поводу! — а я меньше стал водки пить, поправился, помолодел... И такие тут мелкие нежные подробности.

Потом — молись каждый день, каждую ночь, молись Николаю-чудотворцу и Иннокентию-угоднику. — Это некрещеный бурят! Между прочим, Шишмарев¹⁶⁹ говорит, что один монгольский князь, его друг, просил его достать нашего бога, который, говорят, на море спасает, от болезни лечит; потом прислал несколько слитков серебра

в жертву этому богу. Если попы не будут вмешиваться, постепенно будет распространяться оседлость, за ней христианство. Кстати, хотели забайкальского архиерея сделать вместе с Хомбой-Ламой. Каково? «Ну, не мило ли это?» — сказал бы Тер<ентий> Семенович.

*Пароход «Константин». 2 сентября*¹⁷⁰.

Амур! Верен себе: 2-3 недели не бывает парохода, но зато пришел один, повалят другие. Так и теперь: 30-го проходил сверху «Амур» с почтою, как и подобает 100-сильному пароходу. На другой день снизу «Гонец» с Романовым, тоже как подобает телеграфному пароходу развозить телеграфное начальство, а сплавному пароходу «Константину» развозить телеграфную проволоку. 1-го утром пришел, наконец, давно ожидаемый «Константин», ведя 3 баржи и один большой катер; первая баржа нелепейшей (Николаевской) конструкции, деревянная, донельзя тупорылая и плоскодонная, на ней грузу тысяч десять хлеба, посланного из Благовещенска и не принятого в Николаевске. Каково! Разжирел! Не принимает гнилой муки! Мука мерзлая, хлеб сырой (от манчжур или крестьян?), не мололся, тогда его смачивают водой, выставляют на мороз, он твердеет, как кость, и его мелют. Овес пророс, ядрица *idem*; все это и вернули, благо есть в Николаевске хлеб кругосветный; затем — вторая 3-мачтовая баржа, деревянная, но лучшей конструкции, с 300 людьми для сплава будущего года, наконец, баржа «Карсаков», 1-мачтовая, берет 6000 груза, и, наконец, большой катер амурского губернатора. Все население до 400 человек. Куча пассажиров. Пароход остался ночевать в Михайло-Семеновской, так как амурский батальон, не имея хлеба (дожди и, того гляди, наводнение), не так прихотлив, как николаевский. Взяли 2000 муки. Сдача продолжалась довольно долго (одни весы), а потому решили

ночевать, а вечером бал на пароходе, благо есть 3 дамы на пароходе и 2 в Михайло-Семеновской. На «Константине» кают-компания в 27 фут<ов> длины (в ширину парохода) и фут<ов> 16 ширины. Тут и устроили танцы; нашли 2 скрипачей, состряпали треугольник, — вот и оркестр. Охотники, а тем более охотницы до танцев, конечно, нашлись: попадья, дочь одного зауряд-офицера, пароходные дамы, один ярый провиантский чиновник, типограф Андреев, Кононович, я, даже Бабст. Кадрилями нельзя же удовольствоваться — польку-тремблян, польку-мазурку неизменную, валец. Но валец не состоялся ладом: музыканты не знали другого, как в три па, удобный для танцев с трубкой в руках или, пожалуй, с кружкой пива, — можно быть уверенным, что при таких медленных движениях не расплескалось бы. Дочь зауряд-хорунжего неумоимо вертела кринолин, как-то особенно бросая его во все стороны. Бабст попытался вступить с нею в разговор: «Отчего вашей маменьки нет?» — «Они ходили сегодня на заимку, устали, ноги отекли». Ясно, что приходится вращаться в этой сфере, но... барышня обиделась бы, пожалуй, что с ней только о сене да о соломе говорят такие молодые люди, как Бабст, etc. Он пустился в похабщину, объяснил (причем благосклонно был выслушан), что теперь дамы этого не носят (речь шла о панталонах, по поводу отсутствия оных у одной барышни), а потом пожелал остаться зимовать в Михайло-Семеновской, чтобы зимою по грибы ездить (смеху на 1/4 часа), потом объявил, что нет ничего приятнее, «как этакой беленький грибок гладить так по головке» (жест). С другой стороны — худо скрытая улыбка, опускание глазок, etc. Кончилось тем, что, предлагая десятый тост за здоровье «пассажирец» парохода «Константин», Бабст окончательно налился, его под руку довели до квартиры; там опять попойка. Усольцева¹⁷¹ вырвало; меня с трех бокалов этого

омерзительного теплого шампанского так тошнило, что я должен был палец в рот вставить. Наконец, Бабст пустился в пляс со мною и, порешив, что проводит нас на пароход, велел позвать людей с фонарями, хотел сесть в стол из канцелярии и так шествовать: насилу отклонили эту мысль и в 4 часа разошлись. «Лена» обогнала нас в 5-м часу, ночь темная, ни зги не видно, а она идет. Сдала почту в Михайло-Семеновской и пошла дальше с нами, но на другой день обогнала. Сегодня мы шли по 4 вер<сты>. Баржа страшно буравит воду, так что порешили в Пузино ее бросить с тем, что возьмет ее «Шилка», — новый 80-сильный пароход, переделанный из старой «Шилки», — и пошли дальше. Тем более это основательно, что в Малом Хингане мы прошли бы по 2 в<ерсты> в час, а груз этой баржи вовсе ни для кого не интересен, между тем как груз — солдаты для сплава, нужно скорее доставить, иначе им придется пешком идти в верховьях Шилки, что скверно для них уже само по себе и вдвойне скверно потому, что может не быть средств вести провиант. Итак, Михайлова с его баржей оставили, несмотря на просьбы довести хотя бы до Екатерино-Никольской, так как тут течение уж очень быстрое.

3 сентября.

Сегодня идем Хинганом очень хорошо, шли всю ночь и довольно быстро подвигаемся на своем «Great Eastern»^{*}; «Константин» 150 фут<ов> длины и 51 фут<ов> ширины с кожухами (т.е. 7 фут<ов> более «Америки», морского судна), 24 фут<а> между кожухами, т.е. около 200 сил, хотя заказан во 100 сил. Говорят, была готовая машина на заводе. Все в нем огромно, начиная от ширины и вала, образующегося у носа (около 2 фут<ов>) до кают-компания и последней матросской кожуховой каюты и ватер-клозета.

* «Великий Западник» (англ.)

Теперь в Хингане с тремя подчалками идет 6 верст. (Кстати, на Уссури подчалками зовут несформировавшихся девчонок.)

Солдаты линейного батальона получают из телеграфных сумм по 16 коп<еек> в день на человека. Из этих денег строят им лишнюю одежду. Так, чирки хватают на два месяца, и т.д. в этом роде; платят доктору 50 р. в месяц, Дризену et c.-ie. за присмотр за рабочими 10 р., офицерам по 15 к. порционных, а Де-Витте говорит, что на просеке просто каторга — болото и комары, и осы в несметных количествах. Кроме того, солдаты получают по рублю в месяц от прав<ительственной> ком<иссии> и один рубль за участие в работах в Приморской области. В нынешнем году на сплаве, говорят, раздавали армяки и т.п. солдатам бесплатно. Слава Богу, Заборовский бывал ведь на Амуре, знает, каково оно сплавщикам.

В Благовещенске, к удивлению, все кончили очень быстро, порешили, что следует вести дальше гнилые сахара вместе с другим нужным сплавным грузом; собрали солдат и, поместивши 300 человек солдат линейного батальона на одну баржу длиною в ..., шириною в ...* отправили их на буксире у «Корсакова». Канаты, якоря и т.п. заняли ген<ерал>-губ<ернаторский> катер. Как сельди в бочонок, как мех в ящик, запихивались мы, женатые и холостые, в маленькие каюты «Карсакова» и снялись с якоря на 2-й день после прихода «Константина»! Замечательная быстрота благодаря хлопотам и неутомимой беготне в продолжение двух дней Крымского и Куркина¹⁷², которые идут с солдатами 1-го и 3-го линейных батальонов. Кроме того, отправили строевую роту, которая должна содержать караулы при новом Нерчинском коменданте. Кстати, до времени Ник. возобновляют. Обвинения Корсакова в слабости к политическим преступникам¹⁷³,

* Пропуск в оригинале.

слышанные мною от Буткова¹⁷⁴, нашли подтверждение в назначении из Петербурга Нерчинским ком<ендантом> ген<ерала> М. Денег-то, денег, и для чего? Что могут здесь сделать поляки?

Итак, со всеми этими людьми, которые едва стоя помещались на палубе баржи (спят внизу и на палубе), двинулся «Карсаков» довольно скоро. Делаем по 70-80 верст в сутки, темные ночи и туманы мешают делать больше, сегодня, например, и этого не удалось сделать из-за тумана. Дни чудные, теплые, так что сегодня (так как был маленький ветерок в корму, на пароходе совсем не было ветра) пришлось надеть китель. Зато ночи холодны донельзя, мороз каждую ночь, и к утру собирается густейший туман, который сегодня продержал нас утром до 8 час<ов>. Говорят, что на Шилке был сильный дождь, потом снег, потом опять дождь. Это рассказывали на «Казакевиче», который попался нам 3-го дня. Между прочим, он сообщил, что нечего ждать парохода сверху. Там 4 парохода, но 2 попались ему еще на дороге, — никому не хочется делать еще рейса, а те, которым назначено зимовать в Благовещенске, не хотят ни за что дойти до Благовещенска и отговариваются поломками в машине. И это каждый год кампания кончается в августе.

И для чего устроили место начальника отряда в Благовещенске? Он не имеет права ничего делать, ни приказывать, должен просить, и то не сделает ничего капитан. Сменить не может, а должен, если потребует чего-нибудь от капитана, переносить всякие дерзости.

Как-то в одной из станций сделали вечорку, очень незатейливую, но девушки были очень рады поплясать, сидели на коленях у штурманского офицера, Рюля и др., но — увы! — все это оказалось бесполезно, никто из них ничего не получил. Танцы — род кадрили под звуки «барыни», потом род казачка, который отхватывал молодой

матрос со всеми «дамами» по очереди, — вот взопрел, бедный, в своей синей шерстяной рубашке, но это еще что! Каково другому франтику в полушубке? Нравственность здесь своя особая. Нужно чиновнику девку, говорит «старшому», и «старшой» любую приведет, а то и прямо к родителям адресуется; они даже больше любят, чтобы не через чужих получали девку, а через родителей — «без огласки», по крайней мере, и это начинается с тех пор, как девка только может, хоть с 14 лет.

Половина станции, выше Купоров.

Вчера в ночь выпало около 1/4 аршина снегу. Сегодня весь день лежит в горах и не тает. Холодно страшно. А переселенцы из Пермской губ<ернии> попались сегодня на паромах, плывут в Благовещенск. Конечно, не дойдут, разве если уж им особенное счастье повезет, — нигде на мель не сядут. Но едва ли вероятно. А между тем, как же было остаться хоть в Чите, чем жить. Но что они сделают со своим скотом в Благовещенске? Сена не будет, и где добыть? Я окрикнул их: откуда? куда? — В Благовещенск. — А успеем доплыть? — С Богом, авось доплывете.

Прорва. 9-го октября 1864 г.

Вот уже двое суток сижу на Байкале в ожидании парохода, и мало хорошего впереди. Пароход пришел еще сегодня утром (привез нерчинского ком<енданта> и пошел «для флаку-с» в Посольскую и там сгрузил его. Там и простоял весь день. Теперь только (около 6 часов вечера) пришел сюда, но нет конторщика, шлюпку не шлют, и мы сидим в полном смысле «у моря и ждем погоды». А между тем погода почти благоприятная, т.е. большие валы, но все-таки можно бы ехать, и сказали, что поедем, да чего-то копаются, разве уж ночью удастся перебраться.

Этакая скука. В 150 верстах от своих, и нельзя переехать. Только что узнал, что и почты еще не сгрузили в Посольской. Чего же они целый день там стояли? Ведь для того здесь и устроены пристань и гостиница, что когда в Посольской большое волнение, то здесь можно высаживаться, волнение меньше. А пароход там стоял. Удивительно! Наконец-то здесь устроили что-то вроде гостиницы с 4-мя или 5-ю №№, где можно хоть иметь отдельную комнату и избежать столкновений с разными пьяными золото-промышленниками и купчиками. Но и это — пародия на гостиницу. Так, рамы вставлены с щелями, сквозь стены дует, не могли проконопатить, черт знает что! Например, стеариновых свечей нет, подают сальные, а щипцов нет. Ждут с этим пароходом из Иркутска щипцы, вилки, ножи и т.п. Неужели не могли привести этого в течение лета! И ведь везде, во всем так. Сквозь потолок песок сыплется нескончаемой струей из некоторых щелей. Но мы невзыскательны, и за это благодарны, даже за холодные дни, в которые приходится греться около железной печки в коридоре, а печи в коридоре не топят, — нельзя — угар будет. Ну, спасибо, пассажиры топят сами железную печку.

Романов ехал впереди меня в большом тарантасе шестеркой и пятеркой — по курьерской подорожной, с женою, сыном вчетвером. Впереди его поехали его люди, платят за пару, куча вещей; да, наконец, по распутице следует на тройку. Кричит, ругается на всех станках и грозит генерал-губернатором. И это, говорят, всегда. Еще он имел дерзость просить следствия, когда Завалишин говорил в одной из статей про курьеров из Японии в больших экипажах с грузом японских вещей. Я уверен, что это тот же тарантас, а он тогда просил освидетельствовать его тарантас в доказательство того, что он так легок.

ТЕТРАДЬ № 8

Иркутск, берега Байкала
до Кадильной. Тунка и до
Алиберовского прииска

февраль — май 1865 г.

Наконец, это становится невыносимым, — с каждым днем хуже, а выхода не вижу. Специализирование занятий постоянно вертится на уме. Так, но если я к нему не способен? Не так давно я утверждал — математика, физика. Да, но закралось сомнение: не напускное ли это? Мне пришлось много позаняться в последнее время в корпусе математикой. Меня увлекла стройность, логичность математического мышления, те горизонты для анализа, которые открылись при занятиях. Приятно было сознавать, что вот такой громадный арсенал оружия в моих руках, — только умей прикладывать. Так, но теперь-то я и стал в тупик, — к чему?

Поехал я в Читу. Некогда, положительно некогда было пользоваться своим оружием, и оно окончательно заржавело, негодно стало; теперь я читаю, встречаюсь с дифференциальным уравнением и не могу идти; наконец, положим, проинтегрирую его, да что пользы? Но нет, не проинтегрирую самого простого. Между тем, мучительно хочется заняться, изучить вопрос о физических силах, о перемещениях частиц в телах, продвинуться и продвинуть на палец решение вопроса о внутреннем строении тел, etc.

Средство для этого есть. Стоит изучить все написанное по этому предмету; но пойду ли я дальше, сделаю ли вывод? Нет, нет. Остается, следовательно, одно, *apres s'être*

mis au courant*, всего сделанного в этой отрасли, самому приняться за исследование. Но pour se mettre au courant**, нужно очень хорошо знать все то, что я прежде знал в математике, да еще многое, многое пройти. Берусь за Lacroix*** и через 5 страниц бросаю его, берусь за свои записи дифференциального исчисления — тоже. Оружие, оказалось, пришло в негодность, нужно снова приняться за изучение, а если прежде оно далось так легко, с таким увлечением усваивалось при содействии Каминского, теперь стоит труда, великого усилия и труда, — и 3 года взяли свое, — не гожусь на этот труд. Есть более лестное объяснение, — душа не лежит, но есть причины не принимать его. Проще будет, что уже не способен. Ведь и цель тут видишь, а и цель бодрости не придает. Без предварительного труда, и долгого труда ничего не возможно. Да неужели я так-таки окончательно неспособен на этот труд? Черт знает, что такое.

Сам себе любишь потакать, говоришь, да если 3 года пролежали книги, дававшие средства приняться за этот труд, пролежали без употребления, видно, не было в них потребности. Не совсем оно справедливо, — в Чите, где я работал до 2 час<ов> ночи ежедневно, нельзя было за них взяться, правда, но есть же и доля правды, — значит, напускное? Что же не напускное? Ничего нет?

Вот недавно накинудся на геологию¹⁷⁵. Однако и это напускное, не вижу тут цели, — не может же быть целью изучение данной местности, а завтра изучение другой, третьей и т.д. Это либо средство, либо побочная работа! А без цели нет и интереса. Одним словом, так скверно, что уж не знаю, чем это кончится. То же самое высказалось и в прошлом году в Чинданте, хоть не так отчетливо

* войдя в курс дела (фр.)

** чтобы войти в курс дела (фр.)

*** Лакруа (фр.)

скверно. Ведь в том-то и беда, что есть боль, да неведомо, где эта боль, — тогда бы, пожалуй, придумались бы средства ее лечить.

Где же исход?

Такая скверность, ей-богу, хуже еще в жизни не было.

Лиственичное, 23 апреля.

Мы выехали из Иркутска с желанием проветриться и придрались к случаю проездить в пещеры на Кадильном мысу. Дорога из Иркутска, конечно, ничего интересного не представляет; где-то (вблизи порохового магазина) жгут смолу, дальше полицейский везет воз розог. Больше ничего интересного. Серенький денек, дождичек накрапывает. Одним словом, прелестная тема для корреспондента «Голоса»¹⁷⁶.

Виды, чем ближе к Байкалу, тем красивее: горы становятся выше, круче и суживают долину Ангары, чтобы в воротах у Байкала спереть окончательно даже русло, на котором торчит Шаманский камень*.

<...>^{**}

У пади Б. Коти фабрика Сибирякова, стеклянная; топят печи, завтра пойдет в ход; приготовлено несколько десятков^{***} для стекол в оконные рамы. Стекло зеленоватое. Гужир возят из Баргузина, кварц, вероятно, здешний. Завтра намерены посмотреть ладом. За Б. Конганом пришлось снова ехать горой, крутейший спуск

* На этом месте рукописи помещен рисунок П.А. Кропоткина, изображающий план какой-то местности с подписью «Страна пещер на Кадильном мысу».

** Здесь и далее знаком <...> помечены опущенные нами фрагменты текста, в которых содержатся технические описания местности и различных пород (прим. издателя).

*** В этом месте рукописи П.А. Кропоткин нарисовал форму в виде бутылки.

и подъем к М. Котани, так что пришлось идти пешком. Затем в пади Варначке спустились к морю и в море, водой объехали 2 утеса до станка. Станок возле разрезов бывшего Белоголовского прииска в п. Сенной. Два красивых домика. Сторож живет только с женой; коней нет. Он попался нам у фабрики и вернулся пешком гораздо раньше нас, пока мы поднимались пешью и спускались в Варначку; должно быть, оттого и шел, что спуск хорош. Соболев мыс (конгломерат) объезжали долго и с трудом, я зачерпнул сапогом (сверх голенища). На наше счастье, в ночь на 24 был сильный низовой ветер, лед угнало в море, и у утесов было чисто. Кони идут очень осторожно в воде выше брюха, и вскачь, когда конь мой раз чуть не свалился. Кроме того, боясь забираться в воду, они жмутся к утесам, — того и гляди ноги раздавят. Утесы подмыты волнами и нависли над морем, следы которого видны выше, особенно если внизу порода помягче; тогда в некоторых местах образуются небольшие пещеры, вернее *cavités**, в которые Байкал наносит щепки; кажется, кости есть. Но хотя они и достигают подчас глубины 1-2 сажени, но очень узки. Заглядевшись на самую *cavité*, я забрался вправо вглубь и зачерпнул воды. Рыжко еле выбрался. За Соболевым мысом образовалась губа, в которой находится утес Чаячий. Мыс Чаячий показан по карте Шварца гораздо ближе к Лиственичной, но там такого мыса, говорят, не знают, но этот так испокон века зовется. Нашему проводнику мудрено бы было ошибиться, он сам голоустинский, живет в Лиственичной и уж очень хорошо должен знать и помнить этот утес за его дорогу горой. Утес весь разрушается. Громадные пласты конгломерата, поднимающиеся до страшной высоты, все разрушаются, оставляя шпицы, изрытые дождями, в которых гнездятся в изобилии чайки! Вероятно, утес, нанесенный

* выемка (*фр.*)

на карте Шварца под этим именем, так назван им потому, что на нем неимоверно большие накопления гуано, которого изобильно на этих утесах. В Чаячьем утесе чрезвычайно острые ребра, стены со шпичами и прочее. Внизу, как описано выше, только поглубже, чем возле Соболева мыса, объехали с большим трудом, но горой, говорил ямщик, еще хуже; и действительно, когда мы сегодня ехали горой, то пожалели не раз об объезде водою. Потом мы ехали вдоль гор. Нечего и говорить, что езда на большой высоте над морем, по тропинке в 1/2 арш<ина> шириною, возможна только для тех, у кого от страха при взгляде вниз, в бездну, лежащую *hart an deinen Füßen**, не кружится голова.

Конгломераты кончились, за ними метаморфические сланцы, серые, вроде грифельной доски, но тверже, светло-желтые, красные, желто-красные. Эти сопровождают Байкал почти до Кадильского зимовья.

Кадильский мыс выдался далеко в море. Строение его — метаморфические сланцы и далее сюрьгорские известняки?**. Граниты лежат значительно в глубь страны, а потому скаты гор тут положе гораздо, и Кадильский мыс кончается не утесами, а полянкою, усеянною обломками сланцев, покрытою небольшим слоем чернозема и заросшею лесом (много березы). Тут на лугах, в лесах пасутся кони из Голоуши, и в зимовье живет старик сторож, который с другим глухим и глупым стариком караулит скот. Впрочем, кроме зверя, составляющего основную их заботу, есть враг — крутые горы. Так, на обратном пути мы поехали карнизом; тут попала свалившаяся с горы корова. Зверь ее, видимо, ел нынешней ночью (25-е, вечер), что заставило пса на зимовье поднять страшный лай, а стариков бегать по лесу с страшными криками,

* прямо под ногами (нем.)

** Знак вопроса в подлиннике.

а Палибина (страшно) ворчать на всех трех. Вороны, должно быть во избежание конфуза, выклевали ей сперва глаза, а потом принялись за ж.... да за брюшину, вытащенную волком.

Переехавши р. Кадильную, которая впала на мысу, мы поехали по луговине, про которую я только что писал, версты 2,5 вдоль берега, до ручья Малого Кадильного. Тут мы выезжаем влево, в ее падь. Через 1/2 версты или 3/4 падь раздвояется; по правой льет ручеек, который в устье пади теряется в лугу под почвою, левая подушка суха. Правая — с костями. Но тут, говорили, есть голенький моряк, россыпь; по ней подняться, тут вправо пещера. Не знаю почему, но он стал искать голенького моряка в правой стороне левого берега пади. На левом видны были пещеры, но он не смотрел даже на них, ища моряка на правой стороне. Там, где раздвояется падь, на разделе торчит высокая гора, вид чрезвычайно хорош. Серые известняки образовали чрезвычайно прихотливые колокольни, они все истыканы дырами, известняки разрушаются, россыпь крута, круто лезут на утес и вверх торчат эти прихотливые гребни. Вправо и влево две узкие подушки, лиственница покрыла их; правая сторона правой подушки покрыта теми же прихотливыми колокольнями. К тому же солнце заходило за горы (в 5-м часу), и освещение делало падь еще красивее. Мы поехали по правой подушке. Все нет пещеры, дыр очень много, но пещер не видно. Ямщик полез на одного моряка, поднялся на гриву, ходил целый час — ничего нет. Хотели съездить за стариком — поздно было; решили подняться до одной пещеры, которая виднелась очень высоко. Полезли. Намучились мы, лезши в наших высоких сапожищах с непромокаемыми подошвами, которые даже не гнутся. Ямщик в мягких сапогах карабкался как кошка. Лезли, лезли; в одном месте, где нет ни травы, ни кустов (круто),

просто хоть волком вой — ни взад, ни вперед. Я полез по правой стороне россыпи, потом на левую не перебраться; фонарь, термометр. Ямщик забрался по левой (я не мог) и дошел до пещеры. Очень неглубока, сажени 1,5 и только, кости, несколько палок, и все. Во время первого своего лазанья ямщик перебивал еще в трех дырах. Все небольшие отверстия только.

Измученные, мы вернулись.

Наблюдателю не усталому представилось бы много восточного в этих двух стариках, в их копотне, которая наше внимание обращала на себя только тем, что спать не давала. Зимовье — изба с дырами вместо окон. Как старик обрадовался, когда мы ему дали бумаги, которой могло хватить на окно! Крыша почти плоская, покатая в одну сторону, загородь для скота, вогнутая в сени, — вот все неинтересное в той зимовейке на берегу Байкала. Самовара не было, чайника тож; спасибо, горячего топленого молока в изобилии. Тухлое мясо, похлебка со сливками и пр. удовольствием.

Первая пещера, в которую мы попали сегодня утром, была № 2*. Лезть до нее в гору пришлось не очень много. Зато по самой пещере было очень трудно пробираться. Дыра при входе достаточно широка, чтобы можно было бы войти прямо, но до этой дыры надо добираться по палкам, проложенным ее, как видно, частыми посетителями**.

*Мотская, 12 мая.*¹⁷⁷

Дорога не особенно интересная. Кайская гора, крутой спуск и, наконец, широкая котловина. Тут Смоленцы

* №2 - номер, проставленный на схеме.

** На предпоследней странице этой записи сделан набросок, помеченный «25 апреля. Страна пещер на Кадильном мысу», изображающая расположение пещер. После записи от 23 апреля на 2-х страницах рисунки Кропоткина, изображающие береговую линию Байкала у кадильного мыса.

и еще дер. Новопереселенная (Кадетова); в последней из ряда домов в 2 окна все были пусты. Котловина, хороший лес — береза, лиственница и проч. Иркут течет в котловине. Местами болотисто. Дорога хороша.

Введенщина — большая станица, есть слободка, тоже кадеты, пусто все, и дворы, и колодцы-журавли, все, только окна заколочены, точно язва прошла, да и то язва, говорят.

От Введенщины все в гору полпути, другая половина в узкой пади под гору, дороги убийственные. Там раньше чинят, т.е. делают канавки; тут бы чинить, впрочем, время теперь не такое, — холодно все было. Только теперь удалось за посевы приняться; поздно, пожалуй, опять позыбнет. В прошлом году позыб по деревням хлеб, просто есть нельзя, липнет, испечь не приноровишься; покупали в Иркутске по 1 р., временно, однако. Казачество тяготится очень. Вот их 3 бабы, 1 мужик, через 2-й, 3-й, а то и через год очередь. Это 150 рублями пахнет. Наняли казака, сторожил, бедность одолела. Прежде платили свои подушные, а теперь, что это та форма, та не форма, Господь их знает. Действительно, сотенные смотрели сквозь пальцы, тут под боком невесть что творили. Уж скорее мы согласны подушные платить, чем такую тяготу. Они из поселенцев. 3 года жили приписанные к волостям, потом поселились. Выбрали земли ради тракта, иначе никто не забрался бы в эти горы, где так часто все зябнет. Тунка¹⁷⁸-матушка кормила — прежде, не теперь. Бедность; как пришло нанимать наемщиков, спасибо (?), Тюменцев дал. Теперь лес ему и ваят: 3 и 4 сажени пополам, 7-8 вершков, 40 коп. с доставкой в Введенщину. Все его должники; не мудрено, что он устроил такое смоленско-крупчатое и проч. заведение. Его муку очень хвалят.

В Тунке торгуют с мунгалами. Дархоты¹⁷⁹ хоть и доят коров, а их скот куда крупнее нашего. Торговля

бы ничего, «два купца обижают» в Тунке. Чепуха, ходят осенью.

Хлеб из магазинов выгребали, действительно, в казну; теперь будто полно; просят, кроме посевного хлеба, еще на пропитание.

Рыбу лучат. Лес плавят. Что за народ такой! Привели лошадей, запряженных просто в крестьянскую телегу. Все это, конечно, потому, что барин смирный. Я вышел, разругал, предложили фаэтон. — Вещи не уложатся. Бывает, что укладываются. — Я обещал учинить мордобитие и отправился на станок записать жалобу. Явилась повозка. У ямщика ось передняя сломалась, но передки есть вдоволь. Только надеть надо. И так сойдет.

В Смоленской много пеньки, возят продавать в Иркутск.

Больше-Глубокая.

Дорога убийственная. 5 часов ехали 27 верст, каменисто и гористо донельзя, дорогу размыло; как только посееются, стонят бурят и хрюстян (крестьян) чинить ее. Намаются бедняги.

Горы громадные, в несколько рядов, особенно высокая Каменная, на которой торчит из лиственного леса камень вроде избы en face*. Граниты преоригинальны, все с ясными горизонтальными наслоениями. В одном месте торчит из горы в таком виде**, совершенно как приподнятые пласты. От него образчик № 3¹⁸⁰. Это очень распространено. Только уж подъезжая к Больше-Глубокой, встречаете пласты 7,8-10.

Култук.

Дорога очень плоха. Цел ли еще бар<ометр>? Постоянно то в гору, то под гору. Но как камениста! Вдоль дороги

* с лицевой стороны (фр.)

** сделан набросок глыбы гранита.

сделана высокая довольно гряда из больших камней, отскапанных от дороги и положенных в стороне, чтоб удерживать воды, qui charrient* весною. Интересно видеть эти глыбы, эти вороха деревьев, корней и пр. возле дороги. Я сперва уже думал, не ледники ли наворотили эти массы камней с довольно еще острыми ребрами, если сообразить выветривание, но деревья убедили, что горные потоки. Место отвратительное для поселения, пади все больше, мало того, сами хребты, даже мшистая тундра и чаща такая, что черт ногу сломит, не только конь. Преимущественно лиственница и багульник еще в цвету ближе к Байкалу, откуда дует свежий воздух. Култук — большая деревня. Пашни почти нет. Только сенокосы. Тем и живут от проходящих обозов, а хлеб покупают преимущественно в Тунке. Теперь везде зяблый, испечь нельзя. Байкал очень недавно очистился, улов рыбы плох. Еще бы, безжалостно истребляют. Теперь икру** впрочем, каждый день едят.

Ур. Быстрой.

От Култука вверх по пади р. Култужной. Эта широкая падь болотиста, вода так и сочится из-под травы, так что сделала бы честь петербургской местности. Только у Синюшкиной горы представились обнажения, сперва известняков сероватых, потом какого-то жирного камня (talk shifer?***), прорезанного кварцем. Если судить по этим прожилкам, идущим параллельно, то пласты сланца к СЗ под углом от 35-40° и делятся вертикально на ромбоэдры. Далее кварц (или прозрачно-розовый известняк); затем переезжаем в р. Ильгу. Тут спорный вопрос: не было ли это ложе Иркуты. Скажу одно, когда переправились

* которые наносят (фр.)

** Текст написан карандашом, слова не разобраны.

*** кремнистый сланец (англ.)

через р. Илгу, которая играет через мост, и поднялись влево на гору, то все кажется галька (если она не навозная снизу). Верхний слой почвы везде глина и разрушенные породы. Затем опять переход в падь Быстрой. Горы гораздо шире, пади ниже, заросли лиственницей и иногда довольно толстой березой. Теперь Быстрая так разыгралась, что нет возможности переехать. Решил переночевать. Благо есть тут Тунка, к которой едут продовольствие, хлеб на Больше-Глубокую.

Торск, 13 мая.

В 4 часа переехали речку. Она сбыла на 1/2 аршина. Поле горы, наконец, котловина, гольцы. Песок, березы и сосны. Котловина пологая слева, крутая справа. Саян и Белки. Буряты. Пашни по 1/2 дес., 1 десятина (30?) в одном поле. Пашню легко уж очень папуг — счастье или скот выколачивает.

Тунка.

Этою котловиною мы долго едем. Юрты повсюду разбросаны. Тут же степная дума. Станок держит тайша, у которого своего скота считают до 1000 голов; потом переезжаем Иркут на карбасе (бурятском) и едем ближе к гольцам. Самый привычный глаз, предупрежденный, сам знающий, что тут обман, поддается их впечатлению. Так и кажется, что они вот тут, рукой подать. Я знал про них, рассудил, как далеко, так деревьев не видно, и то поддался, подумав, что это другие. Так обманчиво. Хотел на Торской рисовать их, но туман сухой и пыль, несшиеся к В., помешали.

Затем поднимаемся в гору Бычью, где видно, как круто падают в Торскую котловину пласты. Потом яловка (диориты) и опять высокая, кажется, степь, поросшая лесом (березняк) Тунка. Большая деревня, до 350 домов, гово-

рят буряты, 2 церкви, 2 попа, сотенный и пр. Сотенного озадачили — я мылся, как он явился в полной форме, звал к себе, а у меня кроме поддевки ничего нет. Жена, очень высоко поднимающая кринолин и показывающая большие ноги. Вот все, что про нее можно сказать, так как редко приходится ее слышать. Должно быть, очень доброе существо. Муж любезный до крайности, несколько советов полезных дал и проч. Тут есть бурятский дацан¹⁸¹ ширетуй. Их образа не те, что у окинских бурят. Какие? Сойоты¹⁸² живут лишь в одном месте, в стороне от дороги. Карагассы¹⁸³ живут южнее ее. Тоже не попадешь к ним. От Окинского караула ходят вниз до Аляра. Тут живет тайша Банзаров. К нему гоняют скот. Мало того, зимою выезжают на зиму за хлебом, т.е. ездят иногда осенью верхом, возвращаясь зимой. Торговля с мунгалами довольно дельная, только все мелочники — поедут, возьмут самую малость товаров и там меняют на быка, барана. Земледелие заметно уменьшается вследствие этого. То легче, но зато больше голодуют, как в нынешнем году при дороговизне хлеба. Вот теперь повезли в Больше-Глубокую продавать по 1 р. зяблый пополам с хорошим. А то тут, в Тунке, нельзя, говорят, было купить меньше 1 р. 10 к. и то пополам, настоящий с зяблым.

14 мая.

Был только дома да у сотенного. Звал он к себе заседателя, да не пришел, жена не пустила.

Вода в колодце у сотенного с сероводородным газом. В Ахалине имеет свойство, когда на самоваре накипь, очищать ее. Ключ у церкви тоже с газом или минеральный.

Развалин крепости и не существует. Самый древний остаток — два дома правления (которое называли казаки Казачьим отделением), которые были построены Толстым, ссыльным (не 26-го ли года?).

На дорогу от Култука до Иркутска выгоняют теперь 1000 человек поправлять. Каково? Проклянут ее.

Буряты беспрестанно наезжают наведаться к сотенному, не буду ли я покупать лошадей, скота, а потом спросят — что нового? И сюда тоже наезжали.

Ветры преобладают восточные, к вечеру большей частью утихают, чтоб с новой силой задуть с утра. Вороха песку наносят.

15 мая.

Ездил на так называемый здесь провал близ Талой. В Тунковской котловине выступали лавы, по-видимому, из трещин. Слухи о таких лавах и дырах заставили заподозрить существование кратера. Между тем это едва ли кратер. Из ровной поверхности степи выдается овальная возвышенность исключительно из лавы. Теперь лава разрушается, обращаясь во что-то вроде глины и, наконец, покрывается слоем чернозема, и на этом овальном возвышении теперь деревня Талая (...) * от реки тоже Талой. На этом овальном холме 2 высшие точки издали вид следующий, на нем обсыпавшееся углубление в) и кратер а). Кратер не что иное, как дыра в 4 квадр<атных> аршина, не более, если не менее **. Она очень круто идет вниз, так что спускаться без веревки невозможно. На глубине около 2 саж<еней> небольшая комнатка, затем к NO узкая дыра. Теперь в пещере накопился лед, который обратился в фирн, а спускается совершенно как ледник; он занял большую часть дыры, так что можно пролезть только на брюхе и опустивши голову, и то пролезть. Спускали меня на веревке, обмотанной вокруг тела, так что я всею своею тяжестью держался на ней. Изредка ноги находят упор

* Пропуск в подлиннике.

** Сделан набросок двугорбого холма, впадина между холмами (седло) помечено буквой в), а правый холм - буквой а).

в острых камнях лавы. Щель извивается, поворачивая, круто падая, наконец, кончается комнатою, в которой набросаны камни и известняки. В углу ключ. Но ключ ли это — это вопрос. Быть может, это только вода от таянья ледника. Несколько лет тому назад «по просьбе преосвященного» туда спускался местный дьякон и достал воды из ключа. Она, говорят, имела какой-то особенный вкус, и архиерей увез ее в Иркутск. Теперь она была замерзши. Лед не имел никакого вкуса. Пузырьки в нем не более бывающих во всяком льде. Я разрубил лед, там вода тоже обыкновенная. В пещере очень холодно, я думаю, не меньше — $2-4^{\circ}\text{R}$; к сожалению, не было термометра. Кроме лавы, здесь есть, по-видимому, известняк, судя по накипи на камнях. Если это правда, то это еще лучше опровергает мнение, что это кратер, а уж форма вовсе не кратера. Конечно, всего вернее предположение Вашкевича, что лава выступила из трещин. Только эта трещина не прямая, а в виде полумесяца. Из лавы же состоит ряд виденных мною холмов, составляющих этот полумесяц*.

16 мая.

Здесь много бурят и ясачных¹⁸⁴, т.е. крещеных бурят. Они очень много занимаются хлебопашеством. Разрабатывают кто одну (мало), кто 4-5, до 8-10 десятин. Особенно поразила меня бойкость ясачных. Это выйдет очень хороший народ. Они все, конечно, болтают по-русски, очень порядочно, очень любят употреблять «слава Богу», «ей-богу», «Господи, благослови» и проч. Это население, пожалуй, лучше будет наших тунковских казаков, — удалство, веселость, решимость. Все они, конечно, черноволосы, черноглазы, тип бурятский, но мне кажется, что они немного красивее их, глаза открытее. Они очень трудолюбивы. Когда я ехал на Талую, то не встретил одно-

* После этого в скобках дано краткое содержание записи от 16 мая.

го крестьянина в поле, ясачные и буряты все работают, городят изгородь и очень хорошо (прямую). Любопытство бурят вообще, конечно, безгранично; мы ехали, и, завидя нас, они уже издали спешат на дорогу, чтобы допросить. Грамота у них довольно распространена. Но только между состоятельными, эти учат детей, кто бурятской, кто русской грамоте. У крестьян хорошая школа, 10 учеников, не больше.

Земель для хлебопашества здесь очень много, но казаки и крестьяне недовольны своими землями, — мало и хуже, чем у братских. Действительно, я видел земли братских по покатолям лавных холмов, где самые удобные (сами удобряли). Крестьяне тоже недовольны. Покосов ни у кого нет в достаточном количестве. Есть такие, которым приходится ставить только 10 копен, потому нанимают, и за луг, где можно поставить 100 копен (3 на воз), платят в год до 5 руб., иногда до 8 руб. Сотенный говорил, что крестьяне всегда жалуются, спрашивал: не жаловались ли мне?

Торговля с мунгалами больше мелочная, притесняют купцы, они отдают товары гораздо дешевле, чем могут отдавать казаки, так как закупают гуртом. Я, шутя, посоветовал составлять артели и посылать кого-нибудь. Здесь это невозможно. Брать чужую лошадь никто не захочет, чтоб не отвечать. Мало того, всякий сам по себе знает, как он с чужим товаром или конем обращается, и не даст другому. То же и за Байкалом. Чай, конечно, достают от мунгалов, так как здесь большой кирпич стоит 60-70 коп. У них скот не дорог, но незначительно дешевле здешнего, говорят. Выгодно продавать их панты; впрочем, не выгоднее, иркутский сотенный за большие панты о 6 отростках, хорошо приготовленные, заплатил 45 р. Надобно взять 60 р.

Вновь переселенные и тут подгадили. Домов до 60-ти им строило общество, а каждый дом здесь обойдется на

менее 50 р. со всем, следовательно, обществу до 30 р. (3000 руб.?). Но тогда заставили строить. Так тогда же заставили чуть ли не Моллера дать в 56-м (году) приговор<ор>, что построят дома на караул. Теперь дома стали там куда как плохи; сотник донес. Дума приказала, руководствуясь приговором 56-го г. (?). Казаки теперь отказались наотрез.

Эти караулы вообще пребессмысленная вещь. Жалованья казаки получают по 84 р. в год, на 5 караулов 20 человек. Стоит, значит, чего-нибудь. Провиант получают отсюда, за 300 в<ерст> по очереди сюда приезжают. Теперь сотенный на свой страх отпустил им на полгода. Магазинов нет на половине пути, а кажется, в Туране.

Разговаривал сегодня с хозяином. Окинские водопады действительно существуют: один на Джомолоке, другой — ниже, но вовсе не так высоки, саж<еней> 20, не больше. Лава. В верхней Джомолоке такая воронка, кристаллы есть, быть может, кратер погасшего вулкана. Кроме того интересно, что, действительно, в старину жили в пещерах. Доныне есть постройки, вырытые немного в земле, потом наложен камень в виде свода, отверстие вместо двери. «Чудь, сказывали, жила здесь». Она и повырывала эти ямы, — леса тогда не было, — теперь эти постройки завалились.

Сойоты живут в стороне от дороги к югу. Карагассы — к западу от Оки, сойоты попадают только по дороге к Алиберовскому прииску. С прииска есть дорога на Оку, верст 50-60 крюку будет. По Оке плавают на лодках; казаки, которые ездили на зиму, говорят, что спокойнее плыть, чем по Иркуту, а по Иркуту Томилов плавал на карбасе. В Окинском есть баты, лодок нет, братских много.

Вчера по дороге на Талую переезжал Харой-Арабок, приток Тунки; горизонтальное напластование глин, песку, мелкой гальки. До гольцов не особенно далеко,

меньше 30 верст. Там, под гольцом, в пади, есть 3 мельницы, принадлежащие казакам и ясачным, на Талой тоже 3 мельницы, 4-ю подмыло и не чинят. В Талой хорошо живут. В доме у мельника дети, все буряты, как есть, мать не бурятская. Ясачные строят дома с печами, зимой иногда живут, летом не удержат, живут в юрте.

Казаки рослые, носят синие халаты, как в Забайкалье.

16 мая.

Сидел все дома, определял магнитное склонение и выверял часы. Наблюдения все, кроме одного, довольно близко согласуются. Магнитное склонение, среднее — В, $11\frac{1}{2}^{\circ}$. Жара была невыносимая, тихо. Вдруг с SW шквал, повалил цветы с окон и поднял вороха пыли. Потом обедал у сотенного. Все то же. Виделся вечером с дьяконом, который лазал в пещеру. Он насчитал 24 саж<ени>, потом говорит 22 или 23, — не помню. Зал показался ему достаточным для помещения 100 конных. Не понимаю. Да выше идти положительно было невозможно, да и дьякон говорил, что другого зала не было, после изворочения прохода в 1 зал. Тут и ключик, и мы нашли ключик. Дьякон-то не прочь зашибаться, может быть, с пылу и показалось.

17 мая.

Утром ездил за 20-25 верст в падь реки Жемчука¹⁸⁵. Верст 20 проехали долиною, исключительно allu ...* образования. Ближе к Саяну она поросла превосходным березняком, а раньше все луга да пашни ясачных. Их очень много, особенно по подгорью Саяна и Тунк-альта. То же, вблизи пашен и летники, куда буряты выкочевывают в конце мая. (Буряты) ясачные все-таки остались кочевыми, но кочевыми в очень тесных пределах. Часто летник

* Слово в подлиннике не дописано.

всего в 10-20 вер<стах> от зимника. Тут скот пасется, выедает траву, потом там выест и идет таким образом довольно удобно для народа, у которого все хозяйство складывается на несколько выючных коней или на 1 одноколку. Дома их, как зимники, так и летники — вернее, юрты — редко где встретите дом с окнами. Большею частью юрта 4-8-угольная, покрытая либо дерном, либо хворостом и землею. Вверху дыра, сбоку дыра, вот и все. Загороди крепкие, в стороне высокие кучи навоза, который пойдет опять на подстилку коровам. Они, говорят, держат скот в тепле, не по-сибирски, но по-забайкальски. Все жалуются на то, что лучшие места у братских. С ними ведут торговлю местные купцы; возят им плис, красный товар, мелочи, а потом собирают с них скот и прочее. Вследствие этого, у здешних купцов дома этажные и еще с мезонином. Кроме того, отдельная лавочка (у двух). Выстроили им род гостиного двора на площади (как раз на ветру), но теперь они тут не торгуют, а больше по домам. Оно им удобнее, всякую штучку легче сделать — не на виду. Торговля их с мунгалами, вследствие этого, идет хорошо (возят красные товары, табак, мелочи), получают скот, но торговля казаков сильно стеснена, потому что «мунгал тебе говорит, почему ты брал товар». Купцы ездят не только на северный берег Косогола, а и гораздо дальше. Принимают хорошо. Когда ездил Пермьяков, то он очень хорошо с ними познакомился, его отлично принимали везде и до сих пор вспоминают с удовольствием; вероятно, его рассказы большею частью справедливы; зато Будог...^{*} со своими казаками и ружьями напугал их. Да нойон. Да чуть ли не больной.

Белкуют многие, белки много. Лучшая к Саяну, где преимущественно лиственница. Там белка черная, между тем как белка на южном склоне Тунковских гольцов,

* Слово в подлиннике не дописано.

где преимущественно сосняк, красновата. Раздел Иркутта и Танка — только. Сколько приходится на ружье — трудно сказать; хороший охотник с хорошей собакой бьет нередко 100 и более, есть и такие, которые бьют по 40 и 60. Все зависит от собаки. Белка строит себе теплое гнездо высоко на дереве, иногда в 1/2 дерева. Гнездо из моха, оставляет только маленькую дырку, чтоб войти. Цена на белку 13-18. Один год (3-4 тому назад) доходила до 20-25. Продают большею частью либо здешним купцам, либо в Иркутске. Кроме белки, много бьют кабанов, и их окорока, которые в хороших ледниках очень хорошо сохраняются (до года), очень в ходу.

<...>

18 мая.

Ездили в старую казачью церковь на берегу Иркутта, возле развалившейся древней крепости. Теперь ее всю занесло песком, целая гора. Церковь очень стара, оригинальной архитектуры, помещение для сторожей под церковью темное, хуже пещеры Кадильной. В церкви образа очень старинные. Лучше всех Никола с Косогола. Лицо совершенно бурятское, волосы назад зачесаны. Украшения в монгольском стиле, привески. Одет он в какую-то куртку, потом в малиновую ризу с крестами. На шее висит крест и что-то очень оригинальное, овальное (см. рис)*. Все это очень свежо, лицо будто старее. Риттер¹⁸⁶ говорит, что в ламаистских храмах на стенах были образа, покрытые лаком. Не из них ли переделанный? Или сделанный братскими.

Другой Никола в серебряной ризе тоже довольно широкоскулый, с расставленными руками. Уморительный. Надписей не видно.

* Рисунок иконы «Никола с Косогола» помещен в конце традиции.

Образа все препотешные. Один: Иисус Христос, ребенок, держит перстень, а Мария держит за руку Екатерину в короне (с крестом?) и заставляет, по-видимому, Иисуса Христа надеть перстень Екатерине. Рожи все препотешные. Затем Ной с сыновьями. Иисус Христос, привязанный на цепочке к стенке, сидит с плачевной рожей. Лицо круглое, жирное.

Церковь имеет очень богатую ризницу, надгробные камни с глупейшими надписями и прочее. Вид с колокольни красив; видна Талая, затем дома, каждый со своими телятниками (в 1-й раз вижу). Домов до 350 разбросано по обе стороны Иркута. У церкви оштукатурен только шестерик. Штука для даров совершенно католическая — стиль, статуи, ангелы и прочее.

Казаки рады бы перейти в крестьяне. Разорительно иногда — вдруг очередь всем мужикам идти, хоть одних баб оставляй. А то однодушки. Муж, жена, 5 детей. Муж на службе в карауле. Жена умирает. Дети одни; и так далее в этом роде, а уж нечего и говорить про разные удобства, подводы, наряды и прочее, и прочее.

Сынки — язва, с каждым годом все хуже и хуже. Дома голые, лошади, коровы — все продано. Как приходит весна — есть нечего, не выходят из прихожей сотенного. — Кормите, не то воровать пойдем, — и действительно, воруют, либо зарежут скот, либо амбар поломают, беспрестанно требуют сотенного — осмотрите след и т.п. Особенно крестьяне — вражда постоянная. Из 180 сынков только 6 занимаются хозяйством и живут хорошо, но зато так, как дай Бог старому казаку. Конечно, если привести такого в пример, — говорят, «его сам черт на хвосте носит». Теперь они почти все ушли в Шацу на работу —

за 5 летних месяцев 20 руб. — и получили по 10-15 рублей вперед, все пропито, придут, опять жить нечем, а в город их не позволяют увольнять на заработки — воруют. Здесь же заработков мало и трудны. Конечно, могут наниматься копать огороды, косить (много можно заработать), «но мы, говорят, к этой работе не привычны». И правда. Думают, что им все дали, если дали материальные средства. Учение-то о свободной воле сплеховало. Способности не дали. Вернутся, а им нужна обмундировка, а ее нет. Не знаю, как выворотятся, разве что половина перемерет, интересно бы знать цифру умерших в эти годы. Вообще, здесь всякий норовит увернуться от работы потяжелее. Вот сторож в церкви получает 6 рублей в полгода — летний, а у него дом, хозяйство. Не понимаю, какую выгоду находит.

19 мая.

Надписи на береговых утесах Оки действительно есть, на утесе Монгол, но только заплыли и трудно разобрать.

Пашен на Окинском никогда не бывало, пахали под картофель, но мерзнет.

Медведь живет постоянно в вершинах Тисы, Сенца, etc. Темный и буроватый.

Dsarin — олень холощенный (мужик), зверь, употребляемый для езды, коней мало, только с появлением русских.

2-й водопад на Сайлоне, тоже левом притоке Оки, верстах в 3-х от Джомолоки.

С Алиберовского прииска на Окинск и Тустуку, потом по Сорохо и на Оку. Если Сорохо велика, то через голец с Окинска. То же, что назад ворочаться.

Шинки, 20 мая.

40 верст отъехал и должен сидеть. Вчера в горах был снег, и теперь речки прибывли, нельзя перебраться через

Зингачан, надо ждать до завтра. Заезжали в одну из юрт Хорбятского улуса, купили сумки на три рубля. Юрты снаружи хоть невзрачны, внутри очень порядочные, просторные, теплые, и сквозь щели не дует. Дует только в отверстия, сделанные в стенах. 8-угольные юрты очень употребительны, они и просторнее. Вверху широкая дыра, куда идет дым. Меня тотчас угостили кипяченым молоком, а потом принялись ощупывать, рассматривать, расспрашивать о ценах, например, на сапоги, не серебряная ли оковка на ноже, etc.

Живут вообще, как видно, не бедно — горка вся обставлена бурханами: один из них Будда, другой Яростиний, третий сидит прямо, руку вниз, левою держит шар, а на голове шапка, совсем как у древних сирийцев. Таких богов очень много в дацане. Бурятки одеты хорошо, на шее навешаны серебряные рубли в медной оправе, 20 коп. и проч. Возле юрты разное надворное строение. Дацан деревянный, архитектура вроде этого*, но не похожий на Онинский, напр<имер>, большое крыльцо. Сам дацан внутри очень тесен и беден. Не знаю, где народ помещается, вероятно, по галерее и на крыльце**. Кстати, в Иркутске (?) строили церковь. Ее строитель сам пристроил галерею, чтоб буряты могли помещаться во время большого стечения народа. Ему не позволяют, — вероятно, напоминает дацан. Он состоит из двух отделений: в нижнем большой дацан с креслами для шире<н>туя и лучшими, вверху малый, в а) пустота и в середине 4-угольный сруб, пустой. На среднем месте помещается большой бурхан майдура, стоит и держит в правой руке длинный желтый свиток, в другой — большой цветок с зеленью, одна из задних рук, вероятно, тоже держит и в правой ветвь с цветком. Рядом с ним Будда (?) и что-то вроде египетского памят-

* Помещен рисунок.

** Помещен рисунок дацана.

ника, который я срисовал; слева Будда же другого же фазона и злой бог, попирающий человека. Далее развешаны образа, из которых некоторые совершенно китайские и в китайских башмаках на толстой подошве. Справа висит большая красная маска с разинутым ртом и кругом мертвые головы. Между прочим, в числе образов есть один, на котором боги зла топчут человечество: один на тигре или на льве, другой на теленке, третий на быке. Человечество топчут вообще очень многие.

В верхнем дацане образ Цаган-Убукгуна¹⁸⁷, единственного с большой белой бородой. Ширетуй говорил, что однажды Цаган-Убукгун пошел и встретил бурхана, который и спрашивает: «Куда ты направляешься так далеко при твоей старости?» — «Бога искать». Вот поэтому он и стал богу угоден. Но только он не святой, а очень уважаемый старик.

Затем образ, где одного большого Будду в мидийской шапке окружают семь таких же и 8-й бог зла — или 21 Будда. Кроме того, один с сиянием, совсем как рисуют Иисуса Христа в овале, кругом — малые боги. Зато иные имеют около себя по два других господина с палками, вроде католических пасторских жезлов. Есть литографированные образа; там наверху тоже пастыри, тут уж трудно что разобрать. Все идут из Китая. 2 господина на многих образах; так, около Цаган-Убукгуна, над ними два солнца: одно белое, другое красное. Вся нижняя кумирня увешана белыми тряпками, шелковыми. Бурханов всего 5, затем 2 так стоят, один в цепях корчится, другой — обыкновенный Будда. Больше рисованные образа. Затем рядом несколько кумиренок, одна с курдой¹⁸⁸. За оградой большая куча хвороста — обо. Вверху длинная палка кончается чем-то вроде птицы. Над кумирней *croissant**, увенчанный шаром и маленьким шариком. Вот

* Серп луны, полумесяц (*фр.*)

оно — происхождение *croissant* под русским крестом, а Poulain¹⁸⁹ объяснял победой православия над Турцией, а я ломал голову, когда это. Ширетуй был в Шинках. Он зашел ко мне. Неглупый человек, довольно симпатичный, рассказывал про Оку. Трудно проехать по Оке на лодке, только от Окинского караула до места соединения трех Ок — Средняя Ока, Урду Ока и Хайти Ока. Там хорошо, а то между Джамбулаком и Бельчиры (место соединения 3 рек) вышла гора и у нее пороги. Можно ли спустить лодку — не знает, советовал обратиться к Галсану (Хазану)¹⁹⁰. Дед ширетуя был русский, но он по-русски очень мало знает, так как все русские знают по-братски, а братские, вследствие этого, не учатся по-русски. Когда его прадеды жили здесь, пришли русские; первым поселенцем был Зверев, который выкопал себе землянку и жил, распахав пашню; от него и пошло нынешнее население. Он хорошо лечит, ссылаясь на волю своих бурханов, что не мешает русским лечиться у него; «многие за него бога молят». С ним бурхан, читает немного по-русски, и хотя бурятской веры, но после чая крестился два раза по-русски.

Ужасное смешение: воображаю, что будет, когда еще католические миссионеры распространят свои образы по Китаю и повлияют на китайских иконописцев. Ширетуй пускался толковать о том, что вот такие-де русские, все знают, ездят и проч., — это почти неизбежная фраза у всех их. Он получил диплом на звание члена совета сиб<ирского> о<бщества> и не знал, куда с ним деваться. Сотенный его успокоил.

Белки здесь добывается много, ходят больше на одну речку в верховьях. Нужна особенная любовь к этому промыслу, чтобы ходить на него. Нужно купить пороху и свинцу, — 1 ф<унт> пороху и 2 ф<унта>» свинца на ружье, платят иногда 1 р. 50. В прошлом году выписыва-

ли из Иркутска, и стало 90 коп. Нужно ружье, лошадь, собаку, иногда все это кортомуют¹⁹¹, а набьет 100, иной до 150, иной несколько десятков, но все-таки около 100 вертелось в последние года, а когда меньше, тогда цена выше, и наоборот. В последние года давали в Иркутске 13 коп., здесь до 9 коп., следовательно, положим, продает за 11 руб. сотню. Это в месяц, большею частью 1,5, иногда 2, лошадь 3 руб. в месяц, порох 1,5 руб., собака — не знаю, положим 50 коп. Ружье. Заработная плата во всяком случае слишком ничтожна и вдобавок неверна. Разве что это время совсем свободное от работ. В Саяне на китайской стороне очень хорошая белка, но туда не пускают (?)*. Тунковская белка очень хороша, одна из лучших. Там в верховьях тоже хороша очень, особенно соболь, которого ловят, наживляя «рябцами», в какой-то мешок. На голопяти ловят белку ловушкой, наживляя сушеными опенками, которые нарочно собирают и сушат летом.

Пашни готовят следующим образом. На больших деревьях делают круглые зарубки до древесины. Дерево истекает кровью, засыхает. Его рубят, пень обкладывают хворостом и зажигают. Он выгорает. Большинство пашен по покатам, наносимым сверху. Перед посевом их выжигают — лучше, чем давать гнить. Везде загороди.

Дорога до Шинков, 50 домов казачьих, чрезвычайно красива в некоторых местах, превосходный березняк, леса очень красивые, только береза корява. Далее болотисто. Кумирня, кажется, на берегу высохшего озера.

Около Турановского караула. 21 мая.

Дорога вся в холмистых лесах. Леса очень хороши. Березняк, сосняк. Грунт между зангисанами только и можно было видеть в отложениях у дороги. Все очень мелкий песок, чистый. 2 зангисана. 2 против одной большой

* Знак вопроса в подлиннике.

реки. Они катятся по дну не очень крупных камней (гранит, красные сланцы, лава). Прибыль и убыль замечаются скоро. Вчера нельзя было переезжать, к вечеру до потников, сегодня тележка 2-колесная проехала свободно. Река Хорбят шла, когда мы ехали. Наш обратный ямщик не мог уже попасть, должны были ночевать; переезжали до потников. Вот как постоянно должны здесь бороться с этой природою. Одна сторона разольется, другие шаг за шагом постоянно убиваются. А тут еще начальство, которого так боится всякий бурят, и его родственник — казак. Где тут развитие?

Горы все суживают падь Иркут, который уже (по дороге в Нилову пустынь) плюговая речушка; есть карбас, но ездят вброд. Он «в соку», а все-таки очень страшен. Очень быстр. Долина его холмиста, выше дороги уже на 27 дюймов в Ниловой пустыне, и само собою, хлебопашество все труднее. Тут по дороге видны пашни, но разбросаны клочками по подгорью, и только вблизи «жителей», не доезжая 5 верст до Туранского караула, раскинулась хорошая поляна, где пашут и пасут скот. Общая физиогномия домов все та же, в пище разница только та, что рыба заменила мясо. И этот общий характер лиственничных домов с неровной безобразной крышей повсеместный. В постройке внутренней тоже не заметишь отличий, кроме большей или меньшей роскоши в мелочах. Но славный народ образовался из ясачных бурят. Росту хоть они и мало, но довольно плотные, бойкие, куда лучше казаков.

От Шинков до Туранска пришлось ехать на 2-колесной телеге, кроме того, сухари и мелкие суммы взял под себя бурят, ясачный старшина вахтенный, который ездит из Тунки в Туранск отпускать хлеб, и ямщик с сестрою ехали впусе. Сестра с бурятским типом, но довольно красивая, ехала лучше мужиков верхом с сумами, таким молодцом, как нельзя лучше, на бродах — хоть куда. Оно

преоригинально — бурятский тип, русская одежда, новенький красный платок развевается на голове, и лупит себе рысью.

Во всех Шинках нет кованых колес, нет телеги, — еле-еле нашли одноколку с нековаными колесами.

Нилова пустынь.

Из Туранска мы ехали верхом. От Туранска до Ниловой пустыни сперва назад, вниз по долине Иркута, мимо больших лугов, носящих следы вчерашней прибыли речек, везде они промчались, неся всякий сор, и сегодня уже сухи, только мокры мосты, которые они покрывали вчера, да вода сбегает.

Переехав Иркут, мы потащились по ущелью Ихэ-Угуна (большая речка). (Большая река, fleuve; не мурунь, а мурун, поправил ширетуй.) Между высоких гор пробито узкое, узкое ущелье, и там прыгает по камням Ихэ-Угун, рвется быстротой непомерной, поворачивая лошадь. Когда вы выезжаете, то кажется, будто ужасно высоко вверх забираетесь; если смотреть вниз, немудрено и голове закружиться. Его переезжали два раза; прежде были мосты, но теперь все снесло, только бревна торчат. «Пустынский батюшка» городит теперь дорогу, — хочет заставить Ихэ-Угун промыть русло левее, а тогда и проведет дорогу под утесом и избегнет переездов. Это будет хорошо, а то хорошая дорога (ладят буряты), и все дело портят переезды, в телеге нельзя — надо верхом ехать.

(Разрушается м. воды, temp. +34,5° R, купальни, гостиницы. Причетчик, пещера, гранит, прежние купальни, падаья, вода для самовара и питья.*)

Минеральные воды Ниловой <пустыни> +34,5° R. Устроен над нею колодезь, и это плюс, в закрытом колодце.

* На этом листе рукописи имеется рисунок, изображающий внутренность пещеры; под ним подпись: «пещера около Ниловой пустыни».

На вкус неприятная; на железе, меди дает белый налет с розовым отливом. Говорят, что она особенно хороша в самоваре — «хоть целый самовар выпьет один человек, все ничего, — легка очень»*. Посетителей только 5 семейств; многих, я думаю, удерживает трудность дороги, неизвестность. Для помещения устроена гостиница с 4 нумерами; тут же купальня, через которую струится вода, как из хорошего самовара. Когда нужно купаться, выпускают воду из колодца, где она накапливается немного. Вообще, значит, ключ очень мал и дает воды, как два хороших самовара. Дно — мелкий кварцевый песок, гальки, амфиболиты гранита, кварца, слюда. Глубина 1 аршин. Вода прямо из колодца, где пьют, пробегает в купальню. Видно, что прежде было устроено, затем пришло в упадок, теперь опять возобновляется. Так, скамейки по утесам, лестница к пещере, мосты. Теперь достраивают дом, где живет попададя, доканчивают верх. Землю берут из разруш. бел. гл. (см. выше). Церковь очень красива, ряд маленьких колоколен (деревянных), но монахов нет ни одного, это очень хорошо. Сибирь вообще молодец на этот счет.

Теперь продолжаю про Туранский караул. Казарма и магазин одни стоят среди луга на правом берегу Иркута. Для чего живут здесь казаки, этого они и сами не знают¹⁹². В окрестностях буряты — хлебопашцы. Давно ли стали ими? Ежегодно выходящие 20 казаков, получающие от казны около 84 руб., должны себе амуницию запасать. Шинель стоит 5-6 руб. Очень плохи, не выдерживают года носки. Вообще теперь сукно очень плохо. Пользы от этих караулов, конечно, никакой. На Хан<гинском>, — это остаток древнего острожка, должно быть, — пали несколько строений, они на левом берегу Иркута, возле самой реки.

<...>

* Примеч. П.К.

Туранский караул. 22 мая.

Дорога немного другая; пришлось проехать по болотным кочкам верхом, грязь довольно большая, кони спотыкаются. Спуск у 2 моста аршин до 2-х, тот же сланец. Гранит торчит большими глыбами и вертикальные утесы. У 1 моста сланец, которого образцы в сумке (снаружи). Беличий промысел, конь кортомуется за 3 рубля, на промысел соболя 1 руб. Конь на год 5 руб., некоторые богатые братские на зиму дают даром.

Караульная казарма, казаки, молоко, пашен довольно, братские кортомуют у казаков.

<...>

Слияние 2-х Иркутов, казенная юрта. 23 мая, веч<ер>.

<...>

Заезжали в один улус. Картина преоригинальная: бурятка стрижет овцу, которая неподвижно лежит. Около матери вертятся человек 5 бурятенков, совсем голых, двое в шубах — контраст недурен. Наш ямщик в прошлый раз был в шубе. Он ее и зимой и летом (носит), и «братский куда против русского: теперь если взять в большой мороз русского и братского, то русский скорей околеет». Хозяйство небогатого казака в Шинках — 4 лошади, 4-6 баранов, 2-3 коровы.

Б<елый> Иркут несется с непомерной быстротой. Он не более как 2-3 сажени ширины, но, прежде чем пересекать его, невольно задумываешься, — волны так быстро прыгают по камням его белой воды. Если она хватает до стремени, то редкий конь в состоянии выдержать — повалит.

В красной известковой породе на том берегу Иркуты пещера. Она не особенно велика, попасть в нее трудно, — нужно еще раз переехать Иркут, а брод неудобен. Горы все известковые, как по правому, так и по левому бере-

гам Иркут. Ночевали в казенной юрте; очень хорошо, довольно тепло, только кр<ыша>(?) загорелась(?). Мы переезжаем громадную наледь. Она едва ли через месяц растает. Эти наледь навораживают каменьев остроробрых, но это те же ледники.

Юрта около Окинского озера. 24 мая.

<...>

Буряты; стрижка овец; теперь закупают. Льготные казаки, ехали затем не хинганские казаки. Таежная жизнь, сидение у костра и длинная ганза, конечно, медная, — закуривает прямо, переносливость (босоногий ходит в дождь при +8°R), но рядом с переносливостью — слабосильность. Жизнь без содержания, любопытство.

Юрта — шалаш из лиственной коры, как свылся с лиственницей; костер на всю ночь, дерево, добывание огня, важность, бережливость относительно трута; плащ с капюшоном от дождя. Казаки-буряты куда хуже — первые слова, которым учится обрусевший казак: однако, мало, дело, мало-мало, надо быть... Здесь говорят немного иначе, чем прежде.

Тишина здешних лесов, птиц очень мало, только по вечерам чирикает какая-то. Трава очень плоха на этом склоне, оттого скот и молоко плохи. Молока вообще много, торговля молоком выгодна, — сюда приезжают закупать.

Чай в последнее время стал дорожать в Иркутске — в апреле был 50 коп., теперь самый плохой сорт — черный — 55 коп., получше — 60 коп. У мунгалов мало чая — сами купят. Везут по Кругоморке осенью на санях, и только на очень хорошего коня — 5 мест. Параллель между бурятом и его конем — переносливость и слабосильность. Лучшие кони — белые везде у бурят.

Причины?

Норин-Хоройский караул. 25 мая.

<...>

На правом берегу серые, красные известняки. На той стороне белеют обнажения тоже известняков. На тех и на других лежат красновато-желтые известняки, близко подходящие к Норин-Хоройскому караулу. Караул, возле которого разбросаны юрты бурят, находится в расширении долины. Посреди ее возвышается футов на 70 насыпь, теперь округленная и состоящая из гальки и земли. Происхождение ее, несомненно, искусственное. Но кем и когда она засыпана, не добиться. Русские не предпринимали никогда, по самому своему характеру, да и никогда не в силах были бы предпринять подобную постройку. Следовательно, вернее всего отнести ее к тем же силам, которые воздвигали гигантские валы на Аргуни, по-кит<айски>(?), на Амуре. Только соединенные силы тысяч людей могли приняться за такое дело. Сам караул ветхий. Разрушенные пали свидетельствуют о его древности. Амбар весь истрелян пулями. Тут когда-то стояло 18 казаков, вероятно, давно, когда эта забава была еще в ходу (теперь этого не случилось видеть), и пробовали все свои винтовки на 50-100 саж<еней>. Метко стреляли, должно быть. В падях влево и впереди видны покрытые снегами голыцы. Какой это хребет? Жогойская вершина, только и добился.

Тайга — слово не русское, не сибирское, а получившее право гражданства в сибирском наречии — Эргило-Таргаки. Тайга, скорее, татарское имя.

С час стою здесь, все жду лошадей. До сих пор нет. Старшина объявил, конечно, не мне, а казаку, что ной-он не ихний (не земский) и лошадей давать не обязаны. Я поехал к нему. Он спрятался. Ну, и ищи тут.

Р<ека> Тагархой, юрта ок. Алиберовского прииска. 26 мая.

<...>

Болото такое, что невольно заставляет задуматься, как попал сюда человек. Бурятский промышленник принес Черепанову кусок графита. Это и послужило к открытию, наделавшему столько шума, а теперь 4-й год мертвого прииска. А видны все затеи: на перекрестках кресты, к которым прибиты указательные руки и надписи «на Монху», «на Гир», зим<ний>, лет<ний>, etc. Юрта, в которой мы теперь, с нарами, род трубы, навес, скамейка — и все мертво. Обидно просто.

Буряты (50 зв. 5-10 зуб, в год, олени, сохатые. Продают кушам. Куркутов из Тунки. Верность, глаз). Цветок, который забирается так высоко. Луковичный корень, краснo-лиловый, 6 тычинок, листья мягки очень*.

Алиберовский прииск.

Только что мы выехали, как хватил сильный дождь с грозою и бурею. Деревья валились, кони поворачивались от ветра, чтобы усидеть, все нагибаются в сторону ветра, и это с сильным холодным дождем. Хотя ветер был все время с запада, шквал налетел с с<северо>-в<остока>. Потом мы ехали под сильным западным ветром, который на гольце пронизывал до костей. Дорога идет сперва по кедровому лесу, потом все выше и выше забирается на болотистый кряж, наконец, уже лиственница, наконец, на Ботуй-гольце вышли из пределов растительности. Дорога до него трудна, (мало-мальский) сильный дождь делают всюду ручьи, грязь. Особенно бурлит Кашигол возле гольца, а с западной стороны его обтекает Ботуй-гол, от которого зовут и голец. На высшей точке гольца крест, ниже — вторая вершина (тоже крест; крестов неимоверное множество для указания дороги), на которой шахта и жилище Алибера. Жалко смотреть на этот прииск¹⁹³, — столько затрачено капитала! Все этак хорошо, прочно вы-

* Изображен цветок.

строено, и осталось, как будто завтра воротятся хозяева, вчера его бросившие. Тут скатерть оставлена, там термометр снаружи. Все так мило выстроено, удобно, кажется. Графита лежит несметное количество, набросанного всюду, частью напиленного. Весь он марают сильно пальцы, легко чертится ножом, но большинство следов (рыжие?). Впрочем, таких отчетливых образцов, как в Сибирском отделе, здесь нет. Шахта отперта, завтра полезем, а то сегодня так промерзли, что не до нее было. Известняки сопровождают нас до самого гольца; только перед гольцом, выше по Кашиголу, появились металлические сланцы. Самый голец тоже известняковый, по.....* больше, но попадаются и гранит, и красный сланец, нельзя сказать наверное. Тут действ. неправ. по* в 7-м часу вечера солнце падает на него. Флюгер правильный, и западный ветер постоянно, должно быть преобладает, так как от него устроена стена.

Алиберовский прииск. 27 мая.

Сегодня спускался в шахту. Сперва она идет прямо вниз, имея в ширину до 15 арш<ин>. Она пробита в камне №*; мало того. Местами как черный свод входит в состав самого этого камня. Или графит растительного происхождения, или нет. Что он растительного, может доказать рисунок, наконец, образцы в Сибирском отделе, — все, кажется, согласны. Но как же тогда мог он войти в состав plutонической горной породы — гранита? Сильное противоречие. Вернее лишь в таком случае, что есть гранит не plutонического происхождения.

В середине шахты — 2,2°. Затем спустились в самую глубину, которая достигает глубины.....* Тут на дне большое количество льда, но не совсем чистого; он образовался от накоплений сверху, течи и т.п. Шахта широкая

* Пропуски в подлиннике.

и открытая сверху, должно быть, сильно подвержена атмосферическому влиянию; а потому камни значительно охлаждаются за зиму. Немудрено, что они имеют такую низкую температуру. Termometre, пролежавший голый на камнях около 20 минут, показал — 7°R . И то я не ручаюсь, чтобы он не понизился еще. Повешенный на воздухе, он показал — $5,4^{\circ}$. На высоте 3,3 мет<ра> от дна главной шахты идет отделение на з<апад> и отлого падает вниз. Везде поделаны лестницы. Горные породы все №.....* Тут мы спустились еще на.....*, приблизительно, судя по вычислению количества и средней вышины ступенек. Наконец, ступеньки превратились в деревянные дощечки, вложенные в камне, заменяющие лестницу. Наконец, и этих ступенек нет, и полого вниз идет. Тут, кажется, графита нет, впрочем, при свете свечей трудно видеть. Везде есть лучи боковых ходов. На глубине этой славной шахты, достигающей до вершины гольца, от начала шахты глубины.....* я нашел -5°R . Постоянная ли это temp, или нет, трудно сказать. Крыжин в УП нашел то же. Но так как она может быть менее 120 футов от склонов гольца, так как ее скат положе, то, может быть, зимою в ней еще менее -5°R . В боковых отделениях хранятся припасы. В одном из них мясо, в другом несколько туесов с брусникой, голубицей, ящик с лимонами, сухой творог. Лимоны совсем высохли и очень легки. Яблоко совсем высохло. Постройки везде прекрасные.

Глубина главной шахты 61 фут. Снега — 3-4 фута.

На высоте 11 футов от нее начинается вторая, боковая. По приблизительному вычислению, 120 футов, может быть, 140 футов, но отнюдь не больше. Очень полого.

Показания term. Алиберовского действительно надо исправить. Точка 0 приходится на $-0,5$, между $-0,33$, нужно бы перенести ее, вернее, на полградуса ниже, тогда

* Пропуски в подлиннике.

средняя температура была бы $-4,5^{\circ}\text{R}$; впрочем, деления малы, $50=1,88^{\circ}$, что трудно вывести поправку вернее (след. $1^{\circ}=0,37''$).

<...>

Юрта за Дибы. 30 мая.

<...>

По долине Оки, преимущественно по правому берегу. т.е. там, где луговые места, рассеяны юрты бурят. Мы заезжали в некоторые из них. Привыкнув и любя круглую форму своих юрт, бурят и деревянной юрте старается придать ту же форму. Он строит ее либо 6-угольную, либо 8-угольную. Таким образом, юрта выходит просторная, и в ней помещается не только вся семья, но в левом углу от дверей еще устраивается помещение для теленка, для ягнят, уход за которыми есть дело ба-цагана¹⁹⁹. Хозяйка угощает, первым делом, молоком, дает ямщику громадную чашку кислого молока, мне кипяченого, всегда пригорелого, молока, которое недолго разогреть: ставит громадный чугунок, и через несколько минут на большом огне молоко горячо. Домашняя утварь точно по одному образцу выделана: широкий котел, в котором варят чай, и хозяйка с особенной, бурятской типичной ловкостью переливает его, когда он чересчур сильно кипит, длинная деревянная ложка, чугунок, длинная, узкая, высокая кадушка для выделки масла, и в ней болтают сметану длинным поршнем с прорезанными внизу дырами, далее широкий просторный котел с полукрышкой, в него кладут кислое молоко, замазывают другой половиной крышки, приставляют дугу, пустую внутри, и ее проводят в чугунный кувшин, который поставлен в воду. Так готовится тарасун; теперь настало время преимущественной его выделки, и все братские немного выпивают, беспрестанно попадают пьяные. Богам отводят то же место, одна

только юрта попалась мне без богов, да и то, вероятно, они были в другой, рядом. Изображение Будды красуется наверху, ниже семь торчащих медных посеребренных штучек, семь чашечек, одна чаша совсем той же формы, как наша для причастия*.

Скота у них довольно — на юрту, где 40, где 30, где 50 баранов, десяток или больше коней, молоко овечье в большом ходу, оно очень недурно, очень густо. У овец род небольшого курдюка. Мясо без дурного запаха русской баранины. Они разделяются на роды, здесь (Окин-ский караул) их 3-4 рода, тайша в Торе. Кроме родовых старейшин, есть еще старейшина сельский, собственно для.....** выдает подводы, починку дороги, etc.

На дороге в одном месте нам попалось человек пять бурят, которые ладили дорогу, т.е. оттаскивали камни, которые ежегодно наворачивает Ока, кроме того, сообщение между юртами производится постоянно.

Буряты так привыкли к хлебу, что теперь уже не могут жить без него. Хозяин одной из юрт, где мы были, уехал в Аларь, чтобы распахать каких-нибудь десятину или 1/2 десятины.

<...>

Окинский караул, 31 мая.

Виделся с галсаном. Он наотрез объявил, что вниз на лодке ехать невозможно. Даже от Бельчира 3-х Ок невозможно ехать, а надо горой. Там, на низу, против Тагны, живут карноты¹⁹⁴, до них добираться — надо 8 или 9 ночей ночевать. Без палатки это убийственно. Наконец, получится съемка вовсе не Оки, а окрестных гор. Водопады — ручейки, не более. Только с реки Бурутьмы?*** дорога пой-

* Сделан рисунок одной из «штучек» и чаши.

** Не разобрано.

*** Знак вопроса в подлиннике.

дет большею частью по самой реке, изредка удаляясь в горы. Так что идти почти бесполезно¹⁹⁵.

Верстах в двух впадает Джунбулак. По нем вверх можно пробраться по тропе зверовщиков, которые по всем направлениям бороздят окрестные горы. Там переваливаем через голец. Верхом уже нельзя, идем пешком. За гольцом лежит озеро Харанур в чаше, торчат горы; по-видимому, это остаток кратера. Туда ездил десять или более лет тому назад англичанин с женой и сыном — должно быть, это был Аткинсон¹⁹⁶.

Все время дует ветер, с полудня начинается шторм; ветер усиливается с театральной скоростью — сильнее, сильнее; клочок голубого неба, торчащий передо мною на С.-З., закрывает тучами, как декорацию театра, и с З. на С. и В. несутся тучи, застилая гольцы и пороша их снегом. И это почти каждый день. Не знаю, всегда ли это так бывает. В казенном амбаре, выстроенном на живую нитку, сквозь стены дует сильный ветер, двери приходится держать закрытыми и зажигать свечку даже среди дня. Потом на несколько часов стихает — и снова та же скучная, холодная песня.

На лугах по Оке в изобилии обитают суслики, евражки. Они запасают себе траву и роют довольно большие ямы. Кроме них живут бурундуки, которые вырывают себе ямы с большим гнездом (внизу). В нем они набирают зерен и кедровых орехов. Если буряты подметят его осенью, как он таскает орехи (наберет за обе щеки да и тащит), так они откапывают его яму и берут орехи; иногда можно набрать почти целую большую сумку (в которую входит 1 пуд сухарей). Тарбаганов нет, — у мунгалов они есть; вероятно, если здесь и показываются, то пришлые оттуда.

Рассматривал старые дела здешнего архива¹⁹⁷. Пачка дел, перевязанных бечевкой; самое древнее 1781 г. Ин-

интересен наказ старшему, из которого я потом сделаю выписки. Прежде дела велись таким образом: на карауле жило 5 казаков, 20 братских, каждый с двумя конями. Было время, когда каждый день должны были посылать объезжать вдоль по границе, и ездили, и разменивались печатями с Норин-Хоройским. Печати давались от начальников Тунковской крепости, которыми бывали то хорунжий, то капитан. Потом разъезды стали реже к 1800-м годам, братских стали увольнять до Сорохи на пастбища, но все-таки строго предписывалось, чтоб никто из них нечаянно не перешел границы. Надзор был строгий, и промышленники не смели ходить туда. Затем приказывали, чтоб только двое братских были при казарме. Казарму и пали предписывалось поддерживать в исправности; теперь она вся развалилась. Братские же поставляли дрова для казаков. Теперь нет. Провиант хранили в каждом магазине, на каждом карауле; со времени Черепанова этого нет. Доставка делалась подрядчиками, с найма. Теперь братские только смотрят за дорогой, поправляют юрты и во время размена досечек ездят трое до границы (должны 4). Казенная юрта составляет дозор Окинска. Размен досечек состоит в следующем. Выезжают к назначенному дню китайцы из ближайшего караула и чиновник (хибан) из какого-то дальнего места. Если кто не приедет после трех дней просрочки, то едут до караула, и опоздавшие платят 25 руб. штрафа. Срок около конца мая. Теперь назначено 7 июня, — просили мунгалы, так как у них там снега больше. Приезжают; наши в 2 шалашах, построенных казаками, когда мунгалы просрочили дней 10, они в палатке. Наши посылают кого-нибудь из братских. Тот угощается и возвращается с кем-нибудь из ихних. Они зовут наших к себе. Идут. Там, по положению, закалывают овцу (нарочно везут), угощают казаков. Потом идут в гости к казакам. Те тоже угощают чаем, раз-

менивают дощечку в 1/4 аршин в квадрате, расколотую на две части и возвращаются. Все так глупо, как глупее быть не может. Прежде на протяжении около версты возле маяка протягивали веревку, потом крест-накрест ее запечатывали. Но караул не пропускал никого за границу. Так, Аткинсон (который ездил всегда с 4 пистолетами на своем коне, жена, переводчица, отлично стреляла, сын Алитафа) хотел проехать за границу из Ханд. караула, но казаки его не пустили, хотя он хотел и силой добиться дощечки, но ему не дали. То же и Радде. Через 10 лет приезжает большой чиновник, он сличает печати и дощечки за долгое время. Печати до сих пор хранятся. 3 выданных еще от Тунковской дистанции пограничной комиссии. Печать — «если вот теперь конь забежит или уведут на ихнюю сторону, так может с этой печатью ехать и по этой печати должны разыскать».

Окинский караул. 1 июня.

Сегодня ездил на утес Монгольжик и на водопады. Если переехать через Оку, мимо братских и направиться на С.-З., то въедешь в падь, идущую почти на юг. Сероватый известняк накаливается, и растительность очень хороша; кроме лиственницы, несколько больших кустарников, акация мелколиственная и с мелкими цветами. Тут надо проехать версты 1,5-2 до утеса.

Все это место — Монгольжик. Утес не высокий, растрескался весь. На одном из камней, закрытом от дождей, 3 «печати» (см. рис)*. Они красные и малиновые. Кроме этих трех главных и двух маленьких, есть еще много других, но большею частью все стерлось, остались только точки да малиновые пятна, а было много, были и выше. Что за народ — неизвестно. Далее идет котловинка и выход в падь Джунбулака. По котловине Оки и далее (по

* Рисунок в дневнике нет.

луговому берегу) разбросаны остатки жилья каких-то народов. Это круглые кучи камней, складенных на степи аккуратно; в этих ямах, закрытых сводом, жили люди. Предание гласит, что они жили здесь до тех пор, пока лес не показался. Показался лес (не был ли березовый), и они ушли — куда, неизвестно.

Затем, за этими известняками далее на С. сквозь них прорвался и на них лежит мелко-кр. серый гранит № 129, образующий ряды гор, вдвое, если не втрое выше первых. Затем, в следующем ряду, светло-розовый гранит № 130. Потом мы въезжаем в ровную котловину Оки, по которой по всей разлита лава № 131. Ее потоки как будто шли языками от ЗСЗ и растрескались на гребне этих очень невысоких языков*. На лаве растут мелкие, жидкие *Іагіх*, а местами представляются поля, усеянные мелкими кусками лавы, точно будто набросано. Или сама разрушается? Но шлаков не видно и следов. По этим лавным буграм попеременно с лучами ехали мы верст 6 или 7 до устья Джунбулака. Через него перекинут мост, устроенный бурятами, которые ездят к своим, живущим верст на 40 ниже. Джунбулак сам не шире 3 сажень, рвется с непомерной быстротой и впадает в Оку очень спокойно. Ока подмывает слева лаву, а с правой стороны холмы какой-то горной породы, но не лавы. Сама Ока несется то совсем спокойно, то запрыгает, забурлит белыми зайчиками по камням. Джунбулак пустил от себя протоку, которая впадала в версте от Б. Джунбулака. Эта протока и есть пресловутый водопад. Он от Оки сажень в 80 образовал подкововидный овраг, в вершине дуги падает вода (когда есть; теперь он совсем сухой), должно быть с большою силою, так как наворочены большие деревья. Ширина русла в самую большую воду не бывает более 4 сажень. Высота падения не больше 60-80 фут.

* Сделан набросок «языков».

Одним словом, из оврага торчит высокая лиственница, которая превышает высоту водопада. Стены оврага очень круты, почти вертикальны, и обнажают лаву, вверху пузырчатую, внутри очень плотную базальтового сложения. Далее в версте Сайлок, состоящий верстах в трех из Сайлока и Цаган.....^{*}; вершины обоих не более 5-8 верст до устья. Теперь Сайлок весь можно поймать в бочку воды. Он промыл себе русло и овраг сажень в 120-150 от Оки, суживающейся вверху в узкую трубку, не шире 2 аршин[>], в этой трубке бежит вода и падает сажень на три. В большую воду он должен образовать водопад вроде миниатюрной Ниагарской подковы, имеющей хорду сажень в 5. Близ устья Оки видны обнажения колонн базальта в два ряда, но не совсем хорошо охладившегося, отчего призмы далеко не правильны. Вот и все водопады. Ниже, верстах в 20-25, есть речка Мунгургу. Она образует те величественные вееры, про которые говорит корреспондент, но теперь — увы! — воды в ней нет. Нужно дожидаться страшного ненастья в несколько дней подряд. Едучи вниз по Оке, можно ее видеть. Возвращаясь, я попал на Тахил-хани¹⁹⁸. «Тахили можно и воду. Тахил-хани молебствование над овцой». Так объяснил казак. На площадке повыше собралось 26 бурят, наложили два ряда камней на В^{**}.

На средней штуке жгут кости овцы. На другом костре в большом котле варят мясо, затем сваренное мясо делят на всех поровну, каждый кладет себе в туз, наливает туда жидкости, втыкают веточку березы расходятся, напившись тарасуну, еще допивать его дома. Всеми командует галсан. Он у них в большом почете и гораздо важнее считается, чем старшины. Даже тайшин, помощ-

* Пропуск в подлиннике.

** В этом месте в подлиннике три рисунка: треножник и палатки.

ник, приезжавший недавно, ничего не мог с ним сделать, а с старшинами он очень коротко расправляется, — отколоти́т, и дело с концом. Потом мы пошли к нему в гости. Он угощал молоком, вскипяченным в особом медном кувшине*, потом чаем, сваренным в кастрюле; он недурен, если только вы привыкаете смотреть на него не как на чай, а как на похлебку. Привыкнуть не совсем легко, но можно, и тогда он придется по вкусу, а то при слове чай мы ждем другого. Сваривши чай, давши несколько раз вскипеть, вливают заранее вскипяченное молоко с мукой. Бош-Асама, другой в мидийской шапке благословляет по-русски, а в левой руке держит книгу. До чего божество очеловечено, что одели, посадили даже по-своему. Самый главный на нижней полке — Батур?**. Он сидит, кажется, вроде Будды. Кроме них, пониже, ряд образов, изображающих всех сортов богов, злющих и добрых. Галсан сам не знает, а обращается к старухе, которая толстая, с толстым брюхом, донельзя скверна. Два Бацая держатся позади. Весь задний ряд установлен рядом низких посуды для доения и держанья молока (ыгый)***, узкою кадкою для масла, широкою для простокваши, снявши то, что должно идти на масло, это употребляют на тарасун. В молоко кладут закваску, потом масло снимают, что осталось идет на тарасун. По времени и по количеству тарасуна определяют его крепость. Что осталось от перегонки тарасуна, то кладется в мешки, вся жидкость вытекает, остается арса. Ею набивают кадушки, потом эти кадушки берегут либо зарывают в землю.

<...>

* В этом месте в подлиннике нарисован кувшин.

** Знак вопроса в подлиннике.

*** В этом месте в подлиннике нарисована посуда.

22 июня.

Цивилизаторское влияние... Большие села, часто по несколько верст, прекрасные дома, много двухэтажных, прочные загороди для выгонов, будки возле них, летом сторожа из стариков, иногда даже из бродяг. Они сделали свое дело, дали возможность обзавестись 2-этажными домами, лавочками и проч. Теперь бедняки стараются нажиться винной продажей, кабаки повсюду на перевозах и проч., но с уменьшением чайной торговли, неужели все это должно падать? Главным промыслом был извоз, а он подорвется.

Мошки довольно, но чем ближе к Иркутску, тем ее меньше; общая судьба — человек истребляет ее. Зато в стороне от тракта, к Николаевскому заводу, по Бирюсинской тайге и пр., такое несметное количество, что без сетки абсолютно невозможно ходить; в Нижнеудинске, говорят, дамы вместо вуали под городом надевали сетки. Вот достается от них бродягам. Бродяги; игра у детей — ловля бродяг. У детей игра, а вот недавно не игра была. Этап сгорел, — партию в 160 человек (80 кандальников) помещали в деревне, караул казачий почти весь на постах. Бежало 3-е, один.....*, другой завяз в болото. Казак за ним. — Выходи. — Сам вытащи. — Он добрался по кочкам, пырнул штыком в бок и назад. Упал, выронил ружье, — так тот, сидевший в трясине по горло, выскочил, схватил стяг да на казака. Тот шашкой по руке, арестант выронил стяг. Подскочил урядник да шашкой по голове 2 раза. Он упал без чувств, повезли в Канск, через 10 верст умер.

Ловля арестанта из острога.

Дорога великолепная, — чего-то она стоила?*

* Не разобрано.

** На этом месте заканчиваются дневниковые записи в 8-й тетради. На оставшихся страницах помещены наброски и описания местности.

ТЕТРАДЬ № 9

По Амуру и Уссури

с 23 августа 1865 г. по декабрь 1866 г.

Пароход «Ингода». 23 августа¹⁹⁹.

Чита не произвела на меня благоприятного впечатления в этот мой приезд, — положительно можно сказать, что она сильно изменилась, но не к лучшему. К кому ни обратишься, от всех одно услышишь — скука, скука; направился я в атаманский дом, — какая разница, — в 2.45 часа дня сидят за картами, через 5 мин<ут> после обеда опять карты да карты; пошел к Фелькнеру — жалобы на скуку, к Лозовицкой — то же, а прежде не скучали и в карты не играли, теперь карты исключительное занятие. Спасибо, книги завелись. Статистический комитет, неизвестно на каком основании, выписал себе сотню томов всяких книг по естественным наукам и, для приличия, разных по статистике и подходящим наукам. Клубная библиотека процветает по-прежнему, — после тех книг, которые мы выписали, новых не выписывалось. Но зато я поинтересовался узнать, что делает статистический комитет. То же, что и все, — собирает неверные цифры, собирает их в ведомости и служит источником дохода для адъютанта генерал-губернатора. Печатает свои протоколы с глупейшими заявлениями Мордвинова, etc.

Чита застраивается, но не частными, а казенными зданиями, — построили гауптвахту с черным орлом, дом на сплавные деньги в то время, когда поговаривали об уничтожении сплавов, затем церковь и благородный пансион.

С черным орлом заводятся и разные новые порядки — не позволяют выпускать рубашки из-под галстуха и т.п. К приезду Корсакова готовят спектакль, базар для приюта — все как подобает. Из Читы мы проехали две станции большею частью новой дорогой. Немалого труда стоило провести ее болотистой падью, потом в скале вдоль берега Ингоды. Она еще не окончена, но составляет все-таки замечательную постройку. Все это налоги на Забайкалье в пользу Амура — таких налогов очень немало, напр<и-мер>, увеличение расхода на почтовую гоньбу и т.п. мелочи.

Действительно, дороги по Забайкалью становятся сравнительно хороши — в особенности хороши потому, что обходят громадные хребты (есть, впрочем, несколько тяжелых станций, — по 3 раза тормозить надо) и провести их было, трудно — вдоль скал. Возят хорошо, но каково же между Сретенском и Нерчинском казачьей почте, где гоняют от общества и держат всего 3 пары, когда одна почта ходит на Амур по 7 пар.

В Сретенске мы съездили в механическое заведение. Lovet, вращающийся постоянно в своем кругу дрязгов с Загариным, мастерами и проч., конечно, занимал нас бесконечными рассказами про все подобное. Механическое заведение установлено, машины собраны, кое-что чинят в пароходах, главным образом благодаря большой кузнице, а затем паровая машина в том же виде, в каком я ее оставил, т.е. котла нельзя было топить, потому что нет труб. Из машин значительная часть старья, медные втулки повытерты, все вообще незавидно. Но главное — целых 8 месяцев нет труб для нагревания воды в котле. Машины приводят в движение руками — вращают большое деревянное колесо, и от него сделан привод к машине. Впрочем, пароходы чинят. Так, например, «Чита» сильно попортилась, получила пробоину в 7 футов, но

ее все-таки починили. При этом обязаны чисто Lovet, который пришел на «Оноре» и откачал ее в 2-3 часа, забив пробойну мукой, потом заделали войлоками и салом, и «Чита» дошла до Сретенска (откуда?), ушла годная к плаванию. «Карсаков» разбил свою баржу, сам все стоит, ссылаясь на мелководье, ничего не делает, только получает жалование. Раз сходил в Николаевск, куда всегда стремятся все капитаны, а теперь стоит, уверяет, что вода на убыли, когда она прибывает, за всех отдувается «Ингода» (Мордасов, который когда был на «Лене», то на самом тихом пароходе делал самые большие рейсы).

По Шилке прошли очень скоро, взяли архиерея на буксир и идем теперь в верховьях Амура.

В Покровке, в Игнашиной, кажется, обжились, по крайней мере, не жалуются, только странное отсутствие молочного, — скот плохо доится, говорят. В Покровке проживут безбедно, только немного гречихи прихватило двумя инеями, которые были раньше Ильина дня.

Архиерея встречают везде со скандалом, трезвоном; в Игнашиной порядочная церковка, величиной с часовню, здоровые попы и проч<ее> удовольствие.

25 августа.

В Свербеевой и других станицах сильно обижают утки, — они сотнями налетают на поля и в ночь съедают до 1/2 десятин и более. Вообще хлеб недурен, только местами гречихи плоховаты. Хлеба печеного продают в лето рублей на 20, одна баба в хорошей станице продала на 15 рублей до настоящего времени.

Благовещенск, 27 августа.

Разница в климате между Забайкальем и Благовещенском поразительная. В Иркутске в 10-м, 12-м часу ночи надо было иногда подумывать о шубе. Тут, несмотря на

ясную, безоблачную ночь, вчера можно было в одном сюртуке сидеть на воде, на палубе парохода; в 9-м часу купаются еще; вода, говорят, не особенно тепла, но и не слишком уж холодна, между 12 и 14° R.

Дынь и арбузов множество, но пора первых уже прошла.

Пароходов, как водится, нет ни одного, хотя почти третья днями опоздала. Вольница на пароходах страшная, — капитаны — речные пираты, — ходят когда и куда вздумается; начальник отряда речных пароходов не считает себя вправе распоряжаться ими и просит капитанов делать так или иначе, а те *a volontè** исполняют или нет. «Карсаков» уходит без свистка, оставляя на берегу купца Пермякова и некоторых других, которые на нем отправили груз**. Так рассказывал Черняев. «Карсаков» сидит в Сретенске, когда ему известно, что есть в Албазине груз, который необходимо перевезти в Михайло-Семеновскую, а то там будет голодовка. (Это тот хлеб, который в прошлом году мы встретили в последних числах сентября возле Кары. 4-го октября «Зея» пришла в Сретенск с шугою, еле добралась.) Отговорка — маловодье, убыль воды, в то время когда она на 2 дюйма прибыла в ночь. «Николай» — частный пароход, возит муку за высокую цену, в то время как казенные ничего не делают, и т.д., и т.д. Отдываются за всех 2-3 порядочных капитана. Пароходы, за редким исключением, содержат довольно грязно, редко красят, так что, напри~~мер~~, на «Чите» 1/4 из 1/8 дюйма (толщина стального корпуса) съедена ржавчиной и вытерта на мелях. «Амур» является, останавливается в устье Зеи на том основании, что мелко, набирает гостей и идет в Айгунь. Затем ночью возвращается в Благовещенск и доходит до пристани.

* по желанию (*фр.*)

** Чтобы догнать пароход они, они должны были за 150 руб. нанять частный пароход. (Примеч. П.К.)

Новые постройки туго прибавляются в Благовещенске — почти не видно; из домов значительная часть казенных, они прибавляются — линейные солдаты все строят.

Начали строить пристань на тихом месте — смыло.

Все жалуются на скуку — жизни нет, безделье «долит». Буссе только царствует, заводя глупейшие порядки — фронт, дисциплина зато процветают.

Манчжуры все также посещают дома — придут, посадят и уйдут, навонявши луком и чесноком. Ярмарка упала, но зато всегда, во всякое время можно достать из Сахалина все, что нужно.

Хлеб весной купили для Уссурийского батальона 1000 пудов у крестьян и в Иннокентиевской станице, по....* и 1000 пудов у манчжур по 1 р. 30 коп. в 5 дней. Некоторые казаки продавали из Карсаковской станицы в Кумару 100 пуд. и 100 пуд. круглого хлеба — ярицу по 1 р. 10 коп., овес по 75 коп. В Кумару покупали для переселенцев пермских, которые там зазимовали.

Завелись гостиницы и таксы, установленные Буссе: 50 коп. номер, 40 коп. обед, 40 коп. ужин, 30 коп. завтрак, 1 руб. перевозка вещей с парохода за 1 воз, 50 коп. в час лошадь, etc.

Скот покупают по 23 руб. у манчжур на бумажки; Людорф в Николаевск поставил по 40 руб. (8,5 пуд. кажд.).

По-видимому, частных пароходов недостаточно для перевозки всего частного груза: «Лена» везет 15 тыс. частного груза, прочие тоже заняты. «Николай» возит людорфовский скот в казну. «Казакевич» идет с товарами, «Поселенец» буксирует вниз по 2 баржи и работает все лето.

Благовещенск. 28 августа.

Наконец, пришла «Лена», и через 3 дня мы отправляемся.

* Пропуск в подлиннике.

Сижу вечером у Ляховского, болтаем. Были вы у Буссе? — Был, да вот так и так. — Да, уж сколько Богу молились здесь, да, видно, плохо молили. — Что вернулся-то? — Да, и уж, верно, еще 5 лет прослужит для пенсии? — Болтаем об отведенных покосах. Вот нет покосов, было на 7 верст во все стороны, а тут Амур, вверх — станица, вниз — Зея, а в горы — молоканы, одна только падь и есть, верстах в 20-ти, а надо делить на много участков, мешанам 80 участков, купцам — 10, чиновникам, которые имеют свои дома, — 8, артиллерия, баталион, роты и т.д.

Вдруг в окне является маньчжур — «мука купи» 2.25-2 р. Отдал скоро. Оказывается, что продавать имеют право только купцы. Вот, вследствие этого, не имеющие права привозят тайком и складывают у Ляховского, который покупает даже если и не нужно, — все равно на другой день разберут. Наконец, «надо помочь манчжуру, — не назад же везти». Вообще у китайцев строго за этим смотрят и сильно достается тому, кто нарушит правило. Вот, например, Исахин, — в то время, когда по поводу глупостей Буссе запретили продавать что бы то ни было, продал 500 пудов буды в Амурскую К^о и просидел 4 месяца в кандалах. Недавно сюда вернулся купец, который продал тоже что-то в 59-м году в Айгуне Бориславскому и Ляховскому, которые ездили туда. Уже шли возы, когда купца арестовали, и он 4 года высидел в крепости, где-то очень глубоко в стране.

Айгун. 3 сентября.

Из Благовещенска ездил на Зею с целью проехаться по деревням, только дождь заставил вернуться. Зея громадная река. На перевозе она 800 саж^{еней}, тогда как на прибывлях спирает Амур возле Благовещенска, отмелей куча. Деревень теперь уже много, они постепенно все

больше и больше забираются вверх. Теперь главная верст за 100, и количество их все увеличивается. Хлеба продают много. Сысоев и Любимов, приезжавшие закупать хлеб для Уссурийского батальона, купили много в несколько дней, хотя это было <с> 4 мая по 9-е. Кроме того, сами поселения доказывают зажиточность. На первых порах их всех снабжали хлебом, но увидели, что не будут век кормить; таким образом, на «Ингоде» шли крестьяне, которые оставили очень хорошие места в Томской губернии единственно для того, чтобы избавиться от рекрутчины. Там находят себе приют всякие секты, никто им не отводит мест — сами выбирают.

Так, раз являются к Черняеву крестьяне.— Откуда? — Из такого-то селения, — Да такого-то нет. — Вот мы построили, да и пришли сказать. — Буссе, говорят, делает для них немало полезного, — хвалят, — только, впрочем, не крестьяне. По праздникам крестьяне с Зеи являются в город, — это люди большей частью хорошо одетые, с хорошими конями, телегами.

— Маньчжуры донельзя важны для Благовещенска; право, как просуществовал бы Благовещенск без них. Они все доставляют, что нужно, особенно при своей любви к торговлишке; да, наконец, у них есть все — все можно купить, только русские сильно, цены поднимают. Приезжает капитан из Благовещенска; там яйца по 2-3 руб<ля> сотня, он охотно дает рубль, хотя цена стоит 80 коп<еек>», затем цена все выше и выше становится, теперь 1 руб. 20 коп. Благовещенские куры, гуси, утки недороги, напр<имер>, не более 30 коп<еек>.

— Обилие в Благовещенске казенных домов, мало частных, — все большие дома, построенные линейными солдатами.

— Устье Зеи, трудность на фарватере, мы уштопорились, — спасибо через 5 час<ов> могли тронуться.

— Фуругельма²⁰⁰ приезд, губ<ернские> разговоры, споры.

Ст<аница> Пашкова. 13 сентября.

.....на высокое плато живописное место но поля плоховаты по крайней мере пашни все расположены по берегу болотистого свойства отчасти а в большую воду» «все будет под водою».

Другие поля разбросаны, те гораздо лучше, но вообще переезды даже между этими полями затруднительны, — болото. Поблизости станицы поля очень порядочно обработаны, но залогов припахивают очень мало, зобатые, это из поселившихся на Аргуни, а сюда прислали здоровых. То же самое и в Нижне-Никольском здоровые без зобов, все и были такие, ругают Кашина²⁰¹, места хорошие, пашень вдоволь, больше болотистые места, да не больше, чем на Уссури*.

Нижне-Никольск, 25 сентября.

Деревня большая, дома не топят, пашень несколько на лугах ниже станицы, остальные разработаны по релям в лесах. Разработка трудна — леса довольно густы, орешник большой, но все-таки припахано залогов очень достаточно, пашен тоже довольно; но есть семей с 5, которые неизвестно чем проживут, зато есть три хозяина, которые не получили ни зерна семян, а разработали множество земли; они этим очень недовольны, но могут жить своим хлебом и свои семена будут.

Лень приписывают первым годам, когда было хорошее житье, но казенное продовольствие 2 года получали: чай, спирт — в запас; сидели вечером в домах, чай да спирт

* Запись сделана карандашом и плохо сохранилась. Удалось прочесть только отдельные слова.

попивали и время проводили больше в разговорах, оттого у некоторых хозяев поразительно мало разроблено пашни, хотя и пришли с 59-го года. Сынки — известные хозяева, но другие из старых так же плохи, как и сынки. Вообще, хватят голода только эти семьи, прочие проживут безбедно. Скота мало, но залогов поднято порядочное количество, несмотря на трудность разработки. Есть две семьи холостых, теперь спарились, разработали много, даром, что нет коней, им не дают — холостые, между тем как их-то бы и следовало поддержать. Вообще в раздаче коней, провианта и проч. главную роль играют старшие, не казачий командир, который нынешним летом только раз был в станицах, едва ли он знает казаков; конечно, тут бы ротные должны помочь, но их нет. Елов 2-й ротой командует, зауряд, на которого трудно положиться, вообще помощников нет.

Кабанов множество, весь лес исходили.

В Пешковой 3-го дня убили медведя; вышел возле самой юрты, где рыбу ловят; бросились за ним в лодку, тут и убили, впрочем, он одному гольду сильно повредил руку.

Рыбу здесь ловят — все красную. Преоригинальные рыбы, все одной величины (ф<унтов> 15), все похожи друг на друга. Плодятся один раз в год, идут из моря в сентябре вверх, вниз неизвестно когда проходят; теперь все с икрой, весной сухие, без икры; изредка попадают в заездах кетки, самые маленькие, рыбы не едят, неизвестно чем питаются.

Улов их так значителен, что на невод приходится по несколько сот рыб, до 800, даже до 1000 в нынешнем году; сколько неводов — это трудно определить. В каждой станице есть 1, 2, 3, сколько же гольдских неводов, этого не берусь высчитать, но, наверное, их несколько десятков, может быть, даже сотен. Не забудьте, что рыба идет сни-

зу, с Амура, где ее неводят гольды, так и их гораздо, гораздо больше, чем на Уссури. Количество пойманной таким образом рыбы выйдет огромным.

Уссури. У Харана, выше Ново-Михайловской.

26 сентября.

До какой степени здесь теплый климат, это замечательно. Теперь всего 10 час^{ов} утра, а так тепло, что в пальто жарко, в сюртуке только в пору и то, как сидеть, а на коне так и в сюртуке жарко. Это еще на воде, а в лесах того теплее.

Уссури тут течет среди очень низких берегов, кое-где только виднеются горы, а то все низкая тошенина, островки и большая масса воды. Есть два уже заросшие лесом протока, и то их изредка хватает вода, другие же поросли тальником. Вид на Уссури с хребта выше Ново-Михайловской чрезвычайно хорош, много островков, протоков.

— Туман безоблачный над болотами, на траверзе стоят густые облака из поднимающегося тумана. Тут и тише гораздо, не то что внизу; ветер, чтобы не дал ходу, большая редкость.

Лопатинский станок. 26 сентября.

И откуда поднялась такая буря? Утром я еще любовался погодой: перистые легкие облака на совершенно ясном небе, тепло, лист не шелохнется. Чего бы лучше? Около полудня появился ветерок, как всегда здесь бывает с полудня. По обыкновению верховик, как большею частью бывает осенью. Потом сильнее, трудно идти. Около 2 часов; несколько времени мы шли на парусе. Кривляк, что ли, такой, — только видим, ветер сзади, привязали мой большой платок, помогло выгresti в одном месте; внизу не было рей, я правил 2-мя веревками; случится, ветер хватит сбоку, прозеваешь — парус живо закрутит на

мачте, и гребцы не могут выгрести под утесами; с полчасы мы, пожалуй бы, прошлепались, кабы не парус вывез. Потом сильнее ветер, мы пошли протокой, и там ходу не дает. Привалили, отдохнули полчасы, потом опять пошли. Как вышли на Уссури, так и приваливает, насили боком шли, виляли порядочно. Еле-еле дотащились, теперь ревет просто буря порывистая, так и рвет из окон лопатинку, которою заделаны на зимовье окна вместо рам. Лопатинский станок незавидный. Балаган, глупейшим образом построенный так, что дым весь в нем остается, домишко, где вчера только печку сбили, без трубы, без окон, без дверей; живут здесь 3 казака, постоянные, считаются на действительной службе и получают казенный провиант. Двоих нет, у гольдов все обретаются, один старик дома. Полагаются еще два человека, но их нет. Впереди, в 20 верстах, еще такой же станок, там один только человек, полагаются еще двое, но общество не заблагорассудило послать их; иногда только бывают. Вообще порядку много.

Вот, напр<имер>, казачество. Надо было глину добывать, — добывали у двери; образовалась яма, и скат туда, в дождь прекрасная ловушка будет.

Здесь недавно убил медведя.....* Ново-Михайловской; смелость замечательная, — вышел на берег среди деревни, возле бани, и ходит со скотом. Тут тоже били их, вообще их немало. Месяца с два тому назад, на том месте, где рубили лес, нашли издохшего «тигру».

Некоторые хозяева не хотят расставаться с Лопатинским станком — все-таки пашут, хотя все топит; впрочем, старик в прошлом году жил своим хлебом, даже купил на него корову. Ныне утопило, только греча жива.

27-го сентября мы шли 20 верст; сперва, пока шли заливами, еще можно было идти, но на Уссури вал не давал

* Не разобрано

ходу. В одном месте на бою (на китайской стороне) лодку стало так щелкать об берег, что могло окончательно разбить, а ходу нет; на месте 1/4 часа бились, к счастью, берег случился удобный для бечевника и, отталкиваясь шестом, прошли на бечевке, добрались до гольдов, там и ночевали.

28-го два раза чуть не пустили лодку ко дну. Два раза выходили на берег сушиться, однажды еле спаслись в кустах, лодку заливало совсем, я не успевал отливать воду большою чашкою. Если бы не случилось (в первый раз) в 15 саженьях от того места, где нас особенно сильно трепало, выхода направо в протоку, вещей бы не спасли, сами, может быть, удержались бы за лодку; во второй раз беда случилась от неумелости гребцов, — хотели зайти в кусты кормою, держа нос против ветра, они не стали табанить, два весла загребли, лодку заворотило, когда она попала в корыто вала, захлестнуло, скоро, впрочем, повернули вниз и успели зайти в кусты. Должны были ждать ночи, ночью стихло, дошли.

6 октября.

Холода начались. 3-го был сильный мороз, вода в лужах не отмерзала на другой день; с<еверо>3<ападный> ветер.

Первые морозы были 20 сентября слабые, 4-го было -4° , конечно, утром не слишком рано. Ночи очень холодны, без дохи, в полушубке под ватным пальто мерзнешь. Ночью зашли в залив — водяной завел и морочил — два часа бились, ища выхода. Встретил «Уссури», дошел назад до В. Ник. и теперь плыву в огромной шлюпке, вернее, карбасе Дьяченко.

Михайло-Семеновское. 15 октября 1865 г.

Добрался верхом. Дорога утомительная, как всякая верховая дорога; но она еще порядочная, — правда, грязь

сильные, от снега, который выпал 11-го. В этот день я был в Казакевичевой. Сильный ветер, буря, ветер менялся с SW, кончая NW, кончилось тем, что он залил «Сторожа».

Снег сильный, и следы его видны еще теперь. Зато дни стоят и очень теплые. Вот вчера и сегодня после полдня просто невыносимо жарко, даже в пальто, вследствие верховой езды. Для исправления дороги все сделано, что можно — расчищают, рубят кочки и ставят вежи, а то зимой нетрудно бы заблудиться среди этих ровных болот. Местами есть перевозы даже, где перевозят с лошадьми.

Местность однообразна. Низкие топленины и низкие же релочки между ними вытянулись длинными мысками, низкие корявые дубы и черно-березняк — вот их украшение. Тут теперь крестьяне чистят лес и разрабатывают пашни. Вообще эта и местность, и обстановка чрезвычайно напоминают Уссури, особенно низовья. Тут, правда, был и скот приплавлен, но он попадал, когда сено затопило наводнениями 61 и 63-го гг. Затем прошлогодняя голодовка, и еще убыло скота. Но здесь еще хуже тем, что постоянно кочевать приходилось и почти все виденные мною станицы появились на новых местах, в лесах по узеньким релкам. Вот две главные причины неуспешности хозяйства. Третья — плохи хозяева. Много наемщиков. Шли дрянь хозяева, а тут еще такие трудности. Постоянные кочевки прибавили еще убеждение, что их еще переселят, даже за Байкал воротят, и то, что должны их будут прокормить, что царь их прокормит 30 лет.

Теперь в результате, вероятно, у немногих — редкие исключения — хватит хлеба на зиму, у других — большая часть — хватит еще на несколько месяцев, и то греча выручает, — везде гречневый хлеб и гречневые блины, которые неопытный турист может принять за признак роскоши, довольства, что я и сделал сначала. Наконец, остается еще очень много хозяев, у которых пища и те-

перь недостаточна, еле-еле хватает. Не знаю, право, чем уж они проживут. Разве Чеснок выхлопотал им хлеба из казны. Вот *sercle vicieux**: давать хлеб — убеждаются, что будут кормить и продолжают ничего не делать; не давать хлеба — продают скот и все больше и больше становятся в безысходное положение.

Помпеевка. 20 октября.

Прежде, чем писать о трудностях, которым подвергаются проезжающие Хинганом, — несколько о дороге от Михайло-Семеновской до Катерино-Никольской. Теперь тут ездят в телегах, дорога порядочная, так что можно ехать по 8 верст в час; перепрягают скоро, нигде нет задержек. Ехал хорошо, только 16-го пошел сильный снег, при сильном же ветре; мокрый, лепит глаза ямщикам, перемочил все решительно. Пришлось остановиться сушиться в Дежневой. Живут сносно; кто посеял довольно — не нахвалится урожаем; места такие, что везде можно найти релки довольно удобные, впрочем, узкие и требующие расчистки. Главная забота Чеснока в нынешнем году — не то, как прокормить батальон, а как собирать долги. В первые годы накопилось множество долгов за разными ведомствами; теперь не только не могут собрать долгов, — это еще не скоро удастся, — но еще не могут разузнать, кому что должны; шел хлеб, здесь нуждались, — его останавливали, раздавали по станицам, трудно узнать даже кому именно, — теперь требуют их. В нынешнем году 4-я рота сильно поголодовала, еле спаслись забракованными хлебами с баржи, которую «Константин» бросил в прошлом году в Поликарповке. На будущий год надеются прожить; впрочем, для 4-й роты понадобится еще около 20000 хлеба. Здесь есть хлеб в Раддевке, и она пропитала Помпеевку, в которой места не способны для хлеба.

* заколдованный круг (*фр.*)

Есть большой широкий луг по р. Поми, но болотистый; пшеницы совсем не родятся, конопли, говорят, тоже, но потом оказывается, что на сырцах сеяны.

Зато здесь несметное количество дичи. Например, в Нагибове старший («промышленный по всему батальону») имеет до 500 штук козлин и, между прочим, ни одной дохи, — каждый, когда ему понадобится, купит себе козляк или своих возьмет, выделает и сошьет «козляк», то же и с шапкою, которой я во всю дорогу не мог купить — ни у кого нет лишней, а все нужны про себя, много соболиных и кошачьих, похожих на соболиные. Например, я ехал хребтом, на 55-ти верстах видели до 20 козуль, 3 изюбра, 5 кабанов, 5-6 соболиных следов, сотни козлиных (снег изборожден как паркет), 3 медвежьих, множество изборожденных и кабаньих, ехали мы, то громко болтая, то ругая коней, — сколько, значит, распугали зверя.

Как выпал снег, так удержи нет, — все рвутся на промысел; снег в 1 арш<ин> не держит, идут на месяц. Кроме того, ставят снасти, делают загородь и несколько ворот, козы должны пройти сквозь, тут настораживают бревно и бьют. Медведи долго ходят, до Рождества, а потом ложатся, как-то не путем: «новой» просто сядет под лесину и сидит на...*, новой в дупло залезет — боятся тигров. Тигр постоянно ходил около Поликарповки, давил же ребят, теперь опять показался, барс тоже. Белка есть, но не слишком много, ее стреляют; если белка застрелена в ветвях, валят дерево — способ употребительный и для добывания кедровых орехов. Вот Щедрин говорит об отсутствии привлекательности в труде русского крестьянина. Здесь она есть в промысле, хотя главный руководитель все-таки барыш. Козы идут теперь еще на ту сторону; вчера видели штук 7 на льдинах, их так и несет, не решаются плыть дальше; в Раддевке до 50-ти убили на острове.

* Не разобрано.

Медведи не трогают, если не стрелять, раненые свирепы; в Союзной медведь в 4 арш<ина> страшно изъел казака — умирает; здесь медведица с детьми чуть не съела хозяина дома.

В Михайло-Семеновской я остановился у вновь зачисленного казака. Является хорошенькая женщина, голова повязана платком, здороваается и рекомендуется — «хозяйка дома». Потом собрались сынки, они все бьют на витиеватость речи, употребляют хорошие слова, ругают забайкальцев и пьют. Уезжаю. — Позвольте узнать вашу фамилию. — Кропоткин. — Князь? — Да. — Помилуйте, ваше сиятельство, очень хорошо знал вашего братца; коротко знал, — оказывается, моск<овский> о<бер>-полицей<стер>.

Из Екатерино-Никольска два станка Хинганом; очень хорошо проехал — 34 версты 5.30 часов, несмотря на снег. Тут начались трудности, — вожаков нет, пришлось посылать за ними ночью; от Союзной 55 верст, убийственные дороги и никакого жилья. Запаслись хлебом, козным мясом. Тронулись: кони вязнут в снегу по брюхо, местами, большею частью, до колена, местами падают. Снег пал на талую землю, болота не замерзли. Переезжать через крошечную речку очень трудно, — до половины лед, в середине полынья, большею частью прыгают через, местами пускаются по льду, лед подламывается. Это все бы ничего. Затесей нет по льду на 12 верст. Там всякий ездит как знает. Хинган — это альпийская горная страна, густые леса — пробковый дуб, дуб, ясень, красное дерево, выше — кедр, лиственница, береза, пихта, ель. Посмотреть на него довольно, чтоб не решиться сразу ехать, но случилась нужда, прогнали скот и теперь ездят. Скот гнали, кто как сумел. Ездят тоже. Оттого часто блудят. Я взял двух самых опытных промышленных — и то блудили; уверяют — чертик подшутил, оттого, что не умылись! Голая чаща, все

подушки, все стрелки донельзя похожи, — прошли по два раза, — где тут помнить.

Первый день, 18-го, еще ничего, — тихо, падают кони, но все еще ничего. Ночевка в снегу глубиною 3/4 арш<ина>» не особенно скверная. Его раскапывают, кладут ярнику, потник; во второй день и ярнику не клали, слоя потника за глаза достаточно, лишь бы сухи были. Спал я не раздеваясь, хотя утром пришлось раздеваться до рубашки, надел вторые подштанники, — холодно, но не особенно скверно; я зяб под дохой в пальто и полушубке; может быть, надо раздеться; я попробовал снять шубу, холодно показалось. Второй день на хребет. Чаща непроницаемая. Прежде я бы сказал, что нет проезда, — продрались...

Спрашивается, как направляться в этой чаще? Солнце, да редко-редко затеси, неизвестно чьи — Аносова? Мы их скоро потеряли, спустились куда-то и, пока не дошли почти до у. Барка-джяна, не могли определить, ладно ли ехали, или нет, — все думали, — «сблудили». Выехали мы поздно, проспали и не доехали. Пришлось вторую ночь ночевать. На спуске с второго хребта (очень крутого) ореховая чаща полегла от снега, представляя по направлению нечто вроде этого*, проехать — проехали, только ямщик всадил себе в глаз сучок, сучок сломался, впрочем, вынул. На второй день не в ту падь попали; спасибо, место показалось незнакомым, — вернулись. На третий, — всего 8 верст до Помпеевки. Поднялись на хребет, поехали «ороном» (гривой), спустились не той стрелкой, опять попали ниже того утеса, который надо было объехать; хотели прямо залезть на гриву, с Амура, — не удалось, вернулись назад.

Насилу попали, опять же втрескались в такую чащу. Вот общий голос. В течение лета 4 человека под руководством знающего человека могут расчистить чащу

* Сделан набросок наклоненных вправо кустов.

и положить затеси (конечно, и в два месяца) можно, но да будет, — мы 7 лет здесь, 7 лет катаются выюки, тяжелые чемоданы с коней, блудят нарочные, и, пройдя три дня, еле не замерзшие, возвращаются назад, блудят проезжие, царапают рожи и т.д., и т.д.

— Ждут телеграфа и его просеки.

Недурно? Мало того, эти же люди срубили бы зимовейки на полдороге.

16-го в Пузино увидел первую шугу, теперь идет большими льдинами. В прошлом году шуга пошла 12 октября. 12-го ноября Амур стал; ездили; через неделю, 19-го, прошел.

Здесь много уральцев; не видно zobатых, очень мало; все больше Федореев, Ваггуров и Козырев. В Раддевке больше половины деревни Козыревых.

Как кладут огонь. Заваленка из сырого дерева, потом, чаще, яринка.

8 верст выше Помпеевки. 21 октября.

Куда как не завидное положение. Станок до Зимовья 22 версты, из них 8 хребтом, — верных 20. Выехали очень рано, ветер, легкие морока. Через 1/2 часа — снег; я предложил вернуться, ямщик — ехать до балагана, построенного на пашне в 8 верстах от Помпеевки. Ладно. Поднялся снег, ветер все же небольшой. Решили ждать. Бывает, стихнет, тогда завтра в день доедем до Зимовья, не то в день до Помпеевки не доехать, все же в лесу ночевать придется. Это было часов в 10. Снег не стихает, огонь расклали большущий, дым забивается в наш 3-сторонний балаган вместе с мокрым снегом. Беда чистая. А скука-то, скука! Припомнились и функции с одной и с двумя переменными, ломал голову над каким-то вздором, — чепуха, сумбур в голове, вертится погадай-ка мне, старушка, а то все Кондр. Триф. в минуту скуки. — «Нет тебе ни правой,

нет тебе ни левой» и т.д. Все планы большие в голове. Что делать, если снега выпадет столько же, сколько есть, — тогда кони не выгрудят: план за планом, все недельные, остановкой пахнут.

Опять Помпеевка. 22 октября.

Дни идут, а я опять в Помпеевке. Отъехали вчера, — пурга, сидел в балагане в надежде, что к утру стихнет. Сегодня опять та же история. Предстояло ехать весь день в снегу, ночевать впереди хребта под пургой, и если не стихнет, то еще...^{*} день ждать или вернуться. Мы вернулись. Снег не перестает. То «быдто маленько промелыжгает», потом опять заморозит (бусит дождь).

В Поликарповку сходил пешой, бегом в день, в день же вернулся.

На днях тигр съел коня. В прошлом году убили, вернее изранили, он около Зимовья пропал.

Сторожская, 25 октября.

До Зимовья ехали 1,5 суток. В результате кони так пристали, что, конечно, надо было ночевать. Мы приехали в 4 ч. вечера; я прошел последний утес пешком и пришел часом раньше. Снегу еще привалило (и теперь валит); были места в подушках (особенно Дробовшиной), что кони прудили снег грудью. К тому же, как только въехали в эту подушку (в 8-ми верст<ах> от Зимовья, — оно почти видно, но утесы вроде Белых гор, мы были здесь в 1-м часу, следовательно, через 27 часов подвинулись по Амуру на 8 верст), начали попадаться забои снега, грязи, кочки и в довершение всех удовольствий несметное количество валежнику, — лес некогда рубили^{**}. Лес хвой-

^{*} Многоточие в подлиннике.

^{**} В этом месте рукописи — рисунок, изображающий горный вид, надпись «В Малом Хингане, на Амуре. Устье Дробовичской пади».

ный, прегустой после отворот, совсем как тот, который изображает сцена в «Жизни за царя». На деревьях совсем наглухо ветви кедровника и пихты (главные породы), кухта; лес так част, так завален деревьями, такие сугробы снега, что я ничего подобного не видел, — редко видел на картинах и никогда не воображал, чтобы могли быть такие целые хребты. Кони живо устали, ямщики по брюхо в снегу шли, ведя их. Падают, проваливаются, кони тоже, мы в 4 часа должны были стать на ночлег. Снег оказалось невозможно разгрести ногами, — надо было сперва сделать лопату. Кони дрожат, стоят в снегу, шевельнуться не смеют; им откопали снег, а они, сердечные, и не подвинутся. Сухарей, хлеба им дали, не едят; к утру уж стали есть. Затем на хребет. Счастье, подъем очень полог, хоть в экипаже подымайся. Но зато спуск! Вроде того, который идет с гольца после Алиберовского рудника. Если сидишь, ямщик, конечно, пешком. А там снова чаща. К счастью, какой-то старик прошлой осенью ехал и наклаал затесей по гриве, а то бы мы непременно спустились не в ту подушку, — нет примет. Спустились в Кузнецову падь. Тут до Зимовья один маленький утес. Пытались низом идти; ямщик вернулся, — не пустит на конях, я уж пешой дошел (не более версты), а они поехали гриву ломать. Тут Амур ударился в главный хребет и образовал грядку крутейших, теперь белых, утесов*.

За Зимовьем уж несравненно лучше можно ехать низом; Ельчин говорит даже, что можно сделать хоть тележную дорогу в утесах, — повыше мягкая земля, только внизу обнажение рода аспидных сланцев. Ничего, конечно, не сделано, и в большую воду и тут хребтом ездят.

Радевка домов в 100, богатая деревня, выше 9 верст от Зимовья Радде, откуда они переселились все, — топтит.

* В этом месте карандашный набросок берега р. Амур.

Места для хлебопашества удобные, впрочем, в 61-м топило, теперь в еланиях разрабатывают. Раддевка кормит Помпеевку и Поликарповку (прежде). Есть семей 6, имеющих довольно скота, которые года на два имеют хлеба, прочие живут себе, не бедуют — соболями и вообще зверями промышляют. Ноне мало видно соболей (от Зимовья следов 5 видели), зато козы — несметное количество. Она вся идет в Амур; тут, несмотря на шугу, за ней гоняются на батах и бьют ее, три человека в день — 14 коз, а мы на дороге от Радде встретили до 40 штук, все стадами по 5, по 6 штук, идет к Амуру. Теперь тут редки, — сегодня и вчера, и третьего дня за ними гонялись на батах, — смелый народ; некоторые трусят, зывают к Николе-угоднику, зато другие почти до 100 штук в день набивали; (в деревне) в Иннокентьевской, говорят, еще больше.

Сторожевая тоже зажиточная, место порядочное, хлеба достаточно.

До какого безобразия доводят здешние дороги: в 7 дней подвинуться на 65 верст и радоваться этому, — все же, мол, проехал, и, сообразно с этим, рассчитывать: вот бы удалось сегодня 25 верст сделать. Потеха!

Иркутск. 15 апреля 1866 г.

Интересны следующие статистические сведения.

По официальным источникам оказалось, что в станицах Баклановской, Акининской и.....* на 340 человек неговевших в 1865 г. пришлось только 59 говевших. Из этих последних более половины (около 2/3) говело только по болезни или перед смертью. У остальных 340 отмечено: «не говели 10 лет по нерадению». Говели преимущественно старухи и женщины, очень немного мужчин. Средним числом на 340 неговевших оказалось четверо один год, но есть очень многие не говевшие 7 лет, и так целые стани-

* Пропуск в подлиннике.

цы, — вероятно, 7 лет тому назад кто-либо выгонял. Если говело 59 в 1865 году, то по настоянию начальства, иначе и те бы не стали говеть. Есть очень многие неговевшие более 10 лет, и до 14 лет, даже есть 16 лет.

Наконец, количество лет скорее уменьшено, чем увеличено.

Иркутск. Ноябрь 1866 г.

В человеке есть способность любить; в известные годы эта способность становится потребностью. Т.е. как любить? Любили всегда, и всегда разнообразно. Любовь, о которой я знаю по романам, должно быть бывавшая в действительности, мало того, теперь иногда проявляющаяся и подчас кончающаяся очень трагически, мне не понятна, — чересчур романтична. Но я понимаю, что возможна такого рода любовь. Вот человек, который пришелся по мне. Мне приятно говорить с ним, на всякую свою мысль нахожу отзыв, сочувствие, за некоторые разряды мысли оба мы особенно горячо боремся, — всякий мой шаг вперед на известном пути радует его, дает ему силы идти дальше и взаимно. Неудача заставляет и его думать, как выпутаться, — подчас является совет. Мало того, его занятия мне также интересны, — довольно полная взаимность. Если еще при этом его слово способно разжигать мою остывающую энергию, — спрашивается, разве может не явиться потребность видаться, говорить с этим человеком; разве лишение возможности с ним видаться, переписываться не будет для меня лишением? Вот эту-то потребность быть вместе или вообще в коротких сношениях я называю любовью. Если к этому присоединяется половое влечение, то любовь будет еще сильнее. Возможен ли подобный случай? Конечно. Примеров не мало, — тут не нужно даже равенства в образовании, чтобы возбудилось это чувство: достаточно, чтобы то, что

я описал, было бы хоть отчасти, — хоть в какой-нибудь области было сходство. Может сойтись так не только физик с медиком, — у обоих наука, — но и политический деятель с ученым, бродяга-ботаник с кабинетным математиком и т.д., подчас даже вообще умный и энергичный человек, хоть и бездельник, с тружеником-ученым. Понятно, что такая любовь не застрахована от разрыва, — причем неудовольствие, может быть, страдание от разрыва выпадет на долю слабейшего, низшего члена.

Можно ли подобную любовь назвать проявлением ханаанского элемента, то есть будет ли этот союз следствием неразвитости, и не должны ли подобные случаи прекратиться с большим развитием человечества? — Нет.

Положим теперь, Бокль²⁰² не нуждался в подобном союзе, — вернее, в Бокле не проявлялось подобной потребности даже при встрече с подобными существами, которые могли бы быть вторым членом, — он так вполне был занят своей идеей, что на весь окружающий мир и смотреть не хотел, — положим, историку еще необходимое людей знать и знать их в натуре (долго писать почему именно), но такой астроном, положим. Положим, что со временем все порядочные люди должны стать такими, но всегда будет неравенство, всегда будут звезды 1-й и 12-й величины. Бастиани²⁰³ теперь звезда 3-й, 4-й величины, тогда станет 12-й, его идеалом будет звезда 1-й величины. То же количество работы будет делаться в меньшее время, следовательно, и с увеличением количества работы, которую он сделает, все же будет оставаться короткий промежуток отдыха. Кроме того, в эти промежутки, как бы ничтожны они не стали, при более частых столкновениях с людьми, большем обмене будет проявляться потребность в любви в таком роде, как я ее понимаю. Ханаанский человек останется всегда при человеке. Да и нужно ли стремиться его уничтожить, если бы это

и было возможно. Это один из источников мучения теперь, но и теперь он большой источник наслаждения — нужно стремиться сделать и из этой способности человека источник наслаждения. Мне доставляет наслаждение чистота, — неужели стремиться уничтожить эту потребность, как наслаждение чистотой, чтобы оставалось больше времени на ученые занятия, больше средств на книги, больше переносливости ко всяким мерзостям, вшам, et c-is лишь бы быть способным во время ботанических экскурсий переносить все, не обращая на него внимания и т.д., и т.д.? Не лучше ли стремиться к тому, чтобы легче доставить себе возможность быть в чистоте и оттого чувствовать себя здоровее. Что же, наконец, не ханаанский элемент, если и такую любовь, как я изобразил, отнести в этот разряд?

Жизнь в этом обществе становится с каждым днем все заметно неприятнее, даже и при здоровом настроении духа. Противно сознавать, что видишься с людьми, говоришь с ними как с порядочными, в то время как они плевать не стоят, и чувствуешь себя не в силах, не вправе плюнуть им в рожу, когда сам ничуть не лучше их, носишь ту же ливрею, выделяешь те же шутки, — чем же я лучше, где основание, на котором я мог бы действовать, сам несамостоятельный человек, к тому же мало развитой? Не менее утопичным становится толчение воды в виде службы²⁰⁴.

*Петербург. 1867 г. ноябрь.*²⁰⁵

«Есть известная степень альтруизма, обязательная для всех, но есть также и границы, вне которых он становится не обязательным, а только похвальным. Так, обязательно для всякого ограничить преследование своих личных целей пределами, в которых они совместимы с существенными интересами других. Что это за преде-

лы, определит этика, а удерживать в этих пределах индивидуумов и агрегации индивидуумов есть дело наказания и нравственного порицания. Если же, вдобавок к этому, люди делают благо других прямым предметом своих бескорыстных стараний, неглижируя для него даже невинными личными удовлетворениями, — то они заслуживают признательности и уважения и являются предметом нравственного возвеличения. Правда, пока какая-нибудь внешняя сила не побудит людей к такому поведению, его не слишком часто можно встретить, но во всяком случае необходимое условие его есть самопроизвольность, так как понятие о благополучии всех, достигаемом путем самопожертвований каждого, является противоречием самому себе, если только самоотвержение действительно принимает значение жертвы. Подобная самопроизвольность не исключает возможности симпатического поощрения, но это поощрение должно бы состоять в том, чтобы сделать самопожертвование приятным, а отнюдь не в том, чтобы представлять все другое достойным наказания.

Коль скоро человек, пользующийся удобствами общественных, заставляет нас ожидать от него всех тех полезных услуг и действий, какие, при данной степени нравственного совершенства, сделались уже обыкновенными, — то подобный человек, если он, без уважительной причины, не оправдывает этих надежд, заслуживает нравственного порицания» (Конт²⁰⁶ в изложении Милля²⁰⁷).

«Наше понятие о жизни человека совершенно иное. Мы не считаем жизнь столь богатою удовольствиями, чтобы нужно было предупреждать пользование теми из них, которые Конт относит к разряду эгоистических. Напротив, мы думаем, что достаточное удовлетворение наших склонностей, без излишества, но в той мере, какая делает

удовольствие более полным, — почти всегда благотворно действует и на бескорыстные стремления. Облагораживание личных удовольствий состоит, по нашему мнению, не в ограничении их численности, а в желании разделить их с другими, со всеми другими, и в пренебрежении всего того, чем мы не в состоянии поделиться. Одна только страсть и склонность совсем не совместна с этим условием — любовь к владычеству или превосходству ради него самого; так как оно предполагает при этом [в своем основании] соразмерное угнетение других» (Милль о Конте).

Если общество будет иметь целью удерживать людей от причинения вреда другим и от уклонения исполнять то хорошее, что они взяли на себя, то общество при мало-мальски сносных условиях получит гораздо более... Нравственное достоинство, этот высший героизм, должно быть поддерживаемо положительным поощрением, но отнюдь не [может] быть обращено в нечто обязательное... Главную задачу воспитания должна быть аскетическая дисциплина в первоначальном смысле греческого слова, некоторое подавление своей личности, управление желаниями побеждать опасности и переносить трудности... Всякий, живущий каким-нибудь полезным трудом, должен быть приучен смотреть на себя не как на индивидуума, работающего для частной выгоды, но как на общественного деятеля; на свой заработок, — в чем бы он ни заключался — не как на вознаграждение, а как на пособие. На факте оно уже так нужно, чтобы мысли применились к действующему положению человека. Норма пособия определяется не заслугой, а тем, что общество, при известных обстоятельствах, в состоянии уделить ему, не пренебрегая справедливыми требованиями других. Милль полагает, что принцип жизни на заработок есть тот верный принцип, к которому общественное мнение

новой Европы стремится все более и более и которому суждено быть одним из составных начал возрожденного общества.

...* И всякий, кто умственные силы свои, которые бы могли быть обращены на действительно необходимые услуги, посвящает на умозрения и исследования, без которых можно было бы обойтись, достоин порицания, как человек, мало заботящийся о человечестве. Но кто в состоянии [положительно] сказать, чтобы умозрение, руководимое правильными научными методами и касающееся предметов, действительно доступных человеческим способностям, могло не быть полезным?²⁰⁸

* Многоточия в подлиннике.

Примечания

ТЕТРАДЬ № 1

¹ *Наконец-то, навсегда выбрался я из Петербурга.* — В 1857 г. П.А. Кропоткин поступил в Пажеский корпус в Петербурге, а в 1862 г. окончил его. Как первого ученика выпускного класса его произвели в фельдфебели, и он стал камер-пажем императора. Это было прекрасным началом придворной карьеры — камер-паж был лично известен императору, часто бывал во дворце, на выходах, приемах, балах, делал доклады царю о положении в корпусе во время воскресной службы во дворце. Однако 19-летний Кропоткин не слишком высоко ставил подобного рода привилегии. У него уже определились научные интересы, сформировались нравственные критерии, понятия о жизненных ценностях. Очень большую роль здесь сыграли начавшиеся реформы, особенно крестьянская реформа, которая напрямую затрагивала быт семьи Кропоткина. Жажда реформаторской деятельности, возможность участвовать в революционных преобразованиях в Сибири, которую Кропоткин считал бесконечным полем для их применения, — все это останавливало его мысли на том, чтобы выйти из корпуса офицером в Амурское войско. В корпусе его заявление не приняли всерьез, поверили только тогда, когда 13 июня 1862 г., в день выпуска, Кропоткин явился для представления в форме Амурского казачьего войска («Мундир черного сукна, с простым красным воротником, без петличек. Папаха из собачьего или иного какого меха, смотря по месту расположения. Шаровары — серого сукна»). Эта форма была столь необычна, что Александр II отыскал Кропоткина и спросил его: «Так ты едешь в Сибирь? Что ж, твой отец согласился? — Я ответил, что да. — Тебе не страшно ехать так далеко? — Я с жаром ответил: «Нет, я хочу работать, в Сибири так много дела, чтобы проводить намеченные реформы». 24 июня 1862 г. Кропоткин выехал из Петербурга к месту службы в Иркутск.

² ...мерзости, которые рисуются в семейной жизни. — П.А. Кропоткин родился 27 ноября 1842 г. Его отец, Алексей Петрович Кропоткин, был типичный николаевский помещик, зато мать, которая умерла, когда Петру было 3 года, была женщина замечательная: образованная, добрая, художественно одаренная и душевно чуткая. После ее смерти Алексей Петрович женился вторично. У Петра и его старшего брата Александра не сложились отношения с мачехой, особенно не любила она Александра, вслед за ней стал плохо относиться к сыну и А.П. Кропоткин. Дело дошло до того, что Петру стали запрещать видеться с братом, перехватывали письма. Старшая сестра П.А. Кропоткина — Елена поспешила выйти замуж, чтобы только не жить с отцом и мачехой.

³ *Когда б не смутное волненье...* — Кропоткин по памяти записывает стихотворение А.С. Пушкина «Когда б не смутное влечение...» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 261).

⁴ *Выбрался из Никольского...* — Никольское — имение Кропоткиных в Калужской губернии. Возникло на месте Серенской крепости XII в. на р. Серене, притоке Оки.

⁵ *Лидия* — Лидия Васильевна Еропкина, дочь командира гарнизонного батальона, полковника В.М. Еропкина, соседа Кропоткиных по имению. В дневнике Кропоткин несколько раз вспоминает о ней, а в одном из писем брату Александру от 11 сентября 1862 г. просит прислать ему фотографию Лидии, так как она «во 1-х... очень милое создание, во-2-х, своей милой личностью оставила во мне очень приятное воспоминание, а я, как тебе, кажется, известно, дорожу своими воспоминаниями, особенно приятными, одним словом, карточка ее доставила бы мне много удовольствия».

⁶ *Петров* — денщик Кропоткина, отставной солдат из крестьян Калужской губернии.

⁷ *А.Н. Муравьев* — Александр Николаевич Муравьев (1792-1863). Участник Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов, полковник; один из основателей Союза Спасения и Союза Благоденствия, в 1826 г. сослан в Якутск, после возвращения из ссылки был назначен Нижегородским губернатором (1855-1861).

⁸ *Ольдريدж* — Олдريدж Айра Фредерик (ок. 1805-1867), американский актер, особенно прославился исполнением ролей в трагедиях Шекспира. С большим успехом гастролировал в России, русские газеты писали: «...Ольдريدж не имеет ничего общего с теми сценическими знаменитостями Запада, которые посещали нас в последнее время. Его достоинство состоит не в картинности поз и жестов, не в мелодраматической певучести дикции, не в зауценно-величественной трагической поступи. Нет... он сосредоточивает все наше внимание на одном внутреннем значении своих речей... Не внешность, не балетная грация и ловкость движений, а высокое понимание искусства, глубокое знание сердца человеческого, способность чувствовать

тонкие душевные движения, подмеченные Шекспиром, и, так сказать, воплощать их перед зрителем — вот что составляет сущность, достоинство его игры».

⁹ *«Макбет»* — трагедия В. Шекспира (1606).

¹⁰ ...*«увертюра Вильгельм Тель»*... — увертюра к опере «Вильгельм Тель» Дж. Россини (1829).

¹¹ *Дависон* — Дависон Богумил (1818-1872), польский актер. Создал образы в классических трагедиях и комедиях. Обладал прекрасными внешними данными, голосом, острым умом, энергией. Создал образы Отелло, Лира, Макбета, Ричарда III, Фальстафа. «Минуты высокого блаженства, — писал П.А. Кропоткин, — я переживал в Петербурге, когда увидел на немецкой сцене могучего трагика Дависона в гетевском Мефистофеле и Ричарде III. В роли Мефистофеля Дависон был поразительно могуч: именно такой, каким его понимал Гете! Другого такого Мефистофеля я с тех пор не видел. «Фауста» я тогда знал чуть не наизусть; но могущество философии, освободившей человечество от пут средневековья, меня заставил пережить Дависон». (П.А. Кропоткин. Письмо к А.И. Южину от 24 июня 1919 г. // Южин-Сумбатов. Вспоминания, записки, статьи, письма. М.; Л., 1941. С. 575-576).

¹² *Макдуф* — шотландский вельможа, действующее лицо трагедии Шекспира «Макбет».

¹³ *Варламов* — Варламов Александр Егорович (1801-1848), композитор, певец. Автор знаменитых романсов «На заре ты ее не буди», «Вдоль по улице метелица метет», «Красный сарафан» и др. Сочинял также хоровые произведения и музыку к драматическим спектаклям, балеты.

¹⁴ *Алябьев* — Алябьев Александр Александрович (1787-1851) композитор, автор многочисленных романсов («Соловей», романсы на стихи А.С. Пушкина), водевилей («Путешествующая танцовщица-актриса, или Три сестры-невесты» — бенефис А.И. Истоминой), опер-водевилей и др. Был несправедливо обвинен и сослан в Тобольск (1828-1831), где написал много танцевальной музыки.

¹⁵ *«Русский вестник»* — литературно-политический журнал, издававшийся в Москве М.Н. Катковым в 1856-1887 гг. До 1861 г. придерживался умеренно-либерального направления, затем перешел на охранительные позиции.

¹⁶ *«Современник»* — был основан в 1836 г. А.С. Пушкиным. С 1847 г. редактировался Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым. Орган революционной демократии.

¹⁷ *«День»* — газета, издававшаяся в Москве И.С. Аксаковым, в 1861-1865 гг. — орган славянофилов.

¹⁸ *«Колокол»* — газета, издававшаяся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым с июля 1857 г. в Лондоне (196 номеров), а с мая 1865 по июль 1867 г. (49 номеров) в Женеве. Идея «Колокола» принадлежит Огареву. Газета была задумана как прибавочный листок к «Полярной звезде», ее

девизом было «Зову живых». Первые 8 месяцев выходил ежемесячно, потом 2 раза в месяц. С 1868 г. было издано 15 номеров французского «Колокола», а в 1870 г. — 6 номеров нечаевского, который не найден до сих пор. К изданию «Колокола» было привлечено более 100 корреспондентов.

¹⁹ *Бестужевы* — Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (1797-1837), член Северного общества с 1824 г. Приговорен к 20 годам каторги. В 1829 г. был отправлен рядовым в действующую армию на Кавказ, убит 7 июня 1837 г. Талантливый писатель, в 1823-1824 гг. вместе с Рылевым издавал альманах «Полярная звезда».

Бестужев Николай Александрович (1791-1855), член Верховной Думы Северного общества. 14 декабря 1825 г. вывел на Сенатскую площадь гвардейский экипаж. Приговорен к 20 годам каторги; умер на поселении. Бестужев Михаил Александрович (1800-1871), член Северного общества, штабс-капитан, приговорен к 20 годам ссылки. Неясно, кого из братьев имел в виду Кропоткин.

²⁰ *Муравьев* — Муравьев Александр Николаевич. См. примеч. 7. Скорее всего хозяин гостиницы был знаком именно с ним, а не с его братьями — Михаилом Николаевичем (Муравьевым-вешателем) или Николаем Николаевичем — заместителем Кавказа (Муравьевым-Карским).

²¹ *Минин* — Минин-Сухорук Кузьма Захарьевич (?-1616), нижегородский посадский староста, один из организаторов и руководителей 2-го Земского ополчения в 1611-1622 гг., с 1613 г. — думный дворянин.

²² *...город... по воле Екатерины...* — Екатерина II Алексеевна (1729-1796). Российская императрица с 1762 г. Козьмодемьянск был основан в 1583 г. Стал городом с 1781 г.

²³ *...мощи св. Фотия...* — Фотий (?-1431), русский митрополит с 1408 г. Боролся за введение православия в Великом княжестве Литовском. Был наставником великого князя Василия Васильевича Темного, а во время малолетства последнего был одним из управителей московского княжества.

²⁴ *...современник царя Ивана Васильевича.* — Кропоткин ошибся. Митрополит Фотий не мог быть современником царя Ивана IV Васильевича (Грозного) (1530-1584).

²⁵ *...про губернатора Козлянинова...* — Козлянинов Петр Федорович, генерал-майор, военный губернатор Казани, управляющий и гражданской частью.

²⁶ *...записку Н.В. Кошкаревой...* — Кошкарева Н.В., соседка Кропоткиных по калужскому имению Никольское.

²⁷ *...к Елизавете Марковне...* — Е.М. Кропоткина, урожденная Карандино, дочь адмирала Черноморского флота, мачеха П.А. Кропоткина. В «Записках революционера» Кропоткин рассказывает предысторию этой женитьбы: «Отец... уже было высмотрел себе красивую невесту из богатой семьи, но судьба его решилась иначе. Раз утром, ког-

да отец сидел еще в халате, вбежали перепуганные слуги и возвестили о прибытии генерала Тимофеева, начальника шестого армейского корпуса, в котором служил отец. Любимец Николая I был ужасный человек. За ошибку на параде он мог отдать приказ заporоть солдата до полусмерти... У Николая слово ген. Тимофеева значило все. В это утро генерал, который до тех пор никогда не бывал у нас, явился самолично, чтобы посватать отцу племянницу жены, девицу Елизавету Марковну Карандино, одну из дочерей адмирала Черноморского флота — говорят, очень красивую тогда девицу, с правильным греческим профилем. Отец согласился, и вторая свадьба, как и первая, была отпразднована с большой торжественностью» (ЗР. С. 10).

²⁸ ...губернатор Буссе... — Буссе Николай Васильевич, губернатор Иркутска, затем военный губернатор Амурской области.

²⁹ ...Полиньку на руках... — Полина Алексеевна Кропоткина, младшая сестра П.А. Кропоткина, дочь его отца и мачехи.

³⁰ ... писал об этом Леонтьеву... — Леонтьев П.М., редактор газеты «Московские ведомости». В качестве приложения к ней издавалась газета «Современная летопись», куда П.А. Кропоткин обещал посылать корреспонденции. Первая корреспонденция появилась в № 34 за 1862 г. Собранные вместе, они получили название «На пути в Восточную Сибирь» и «Из Восточной Сибири». Из письма брату: «Сейчас отправляю письмо Леонтьеву, недельки через три по получении этого письма зайдй в редакцию... и справься, напечатают или нет. Если напечатают, то прошу выслать мне «Современную летопись» за 1862 г. в Иркутск... Кстати, узнай имя и отчество Леонтьева, а то я в большом затруднении, как адресовать, пишу про дорогу от Казани и про Пермь, что она прескучный город, и про цены (дороги) и про растительность очень бедную...» Эти корреспонденции печатаются в настоящем издании.

³¹ Екатеринбург основан в 1722 году.

³² ...я ничего и не писал... — 19 августа Кропоткин пишет большое письмо брату, в котором делится своими первыми впечатлениями от Сибири: «Что, брат, сказать про то, какова показалась мне Сибирь? Обманула! Ведь с детства учат нас про сибирскую тайгу, про тундры, про степи, и мы при слове степи рисуем себе Сахару с ее песками. А тут выходит совсем наоборот. До Тюмени еще и несколько за Тюменью тянутся безотрадные болота: едешь по гати, а кругом густая, высокая трава, но не суйся в нее — сгниешь, так и втянет в тину. По болоту растет мелкий березняк, пересохший большей частью. А за Тюменью начинается благодать — да какая! — чернозем, какого я никогда еще не видал, тучность почвы такая, что трава растет в поле аршин вышины, да густая такая, что муравью, кажись, не пролезть, камыши ли в болоте — так-таки и видна их сила, рослость. А хлеба, овсы такие, какие едва ли в Тамбове родятся. Страна богатая, каждый крестьянин пашет по 25-40 десятин, и какие урожан! Везде довольство, скота много,

корм дешев. И человеку также дешево жить. Петрова на постоянных дворах кормят чуть ли не даром, за бесценок. Чистота, опрятность в одежде. Лошади (кони, как их зовут) прекрасны, сытые, пузатые. При дурной дороге в тарантас, где сидим два, да пудов 8 клади, который обыкновенно возит пара, запрягают четырех, пять, даже шесть лошадей! А прогоны за пару! Зато же и возят! Живя в России, не составишь себе понятия об такой езде. Вот, брат, какова Сибирь!.. Дивная страна!» (Переписка. Т. 2. С. 39).

³³ ...по поводу 1000-летия — 862 г. официально считается началом государственности на Руси. Согласно норманнской теории в 862 г. славянами и чудью были призваны в управители норманнские князья Рюрик, Синеус и Трувор. Празднование 1000-летия Руси происходило в Новгороде 8 сентября 1862 г. Накануне, 7 сентября состоялась церемония перенесения мощей св. кн. Владимира в новую раку литого серебра и освящения ее в соборе св. Софии. Император Александр II прибыл в Новгород 7 сентября в 18.30. В день праздника стояла солнечная погода. В 12 часов пополудни был открыт памятник 1000-летия Руси (скульптор Микешин) и прогремел салют из 61 залпа. По окончании торжества состоялся завтрак, данный от купечества для войск. На Софийской площади было выставлено 12 рядов по 27 столов в каждом. Число угощавшихся было 12 тыс. человек. В 18 часов для дворян и офицеров был накрыт во дворце стол на 350 кувертов. 9 сентября был устроен бал.

³⁴ *Корсаков* — Корсаков Михаил Семенович (1826-1871), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1862-1870 гг.

³⁵ *Карбоньеры* — Карбоньеры Александр Львович, председатель казенной палаты г. Томска.

³⁶ ...с *Клингенбергом*... — Фон Клингенберг Владимир Николаевич, отводник земель для золотопромышленников, затем окружной начальник Минусинска.

³⁷ *Муравьев* — Муравьев Николай Николаевич (Муравьев-Амурский) (1809-1881), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847-1861 гг. Руководил экспедициями по Амуру в 1854-1855 гг., в 1858 г. подписал Айгунский договор с Китаем, который установил границу по Амуру и дал возможность русским плавать по Амуру, Сунгари и Уссури.

³⁸ ...выказалось на *Михайлове*. — Михайлов Михаил Ларионович (Илларионович) (1829-1865); писатель, революционер, сотрудник «Современника», в 1861 г. за составление (совместно с Н.В. Шелгуновым) и распространение прокламации «К молодому поколению» был отдан под суд и выслан в Сибирь на каторгу.

³⁹ ...за бегство *Бакунина*... — Бакунин Михаил Александрович (1814-1876), деятель русского и международного общественного движения второй половины XIX в., революционер, создатель теории анархизма — «бакунизма» — системы взглядов и практики революционной борьбы, выражавшей в классовом отношении интересы кре-

стьянства, а по форме являвшейся разновидностью революционного народничества.

В 1857 г. Бакунин был сослан на поселение в Томск, в 1859 г. Н.Н. Муравьев-Амурский, родственник Бакунина, исходатайствовал ему разрешение переехать в Иркутск. Совместно с Муравьевым Бакунин выработал проект Сибирского сепаратизма, который заключался в превращении Сибири в русские «Соединенные штаты». Муравьев несколько раз хлопотал за Бакунина, но неудачно. В 1861 г. Бакунин бежал из Сибири. Роль М.С. Корсакова в этой истории заключалась в том, что он выдал М.А. Бакунину разрешение на плавание по рекам Шилке, Амуру, Уссури и др. и предписание капитанам всех пароходов брать его на борт. На этом документе и основывалось обвинение Корсакова в пособничестве «государственному преступнику».

⁴⁰ ...*надеясь услышать «милостивый» манифест.* — Ожидался «манифест» по случаю праздника «1000-летие Руси», которого, однако, не последовало. Более того, 9 сентября в Новгороде Александр II принял делегацию от крестьянства и объявил ложными слухи о том, что последуют какие-то изменения в «Положениях» и будут расширены права крестьян.

ТЕТРАДЬ № 2

⁴¹ ...*въехали на самолет...* — на паром, движущийся течением.

⁴² ...*о Герцене толкуют...* — Герцен Александр Иванович (1812-1870), революционер, писатель, философ. В 40-х гг. стоял во главе левого крыла западников, в 60-е гг. перешел на позиции революционной демократии, содействовал созданию организации «Земля и Воля». С 1847 г. в эмиграции, где ведет большую издательскую работу, основатель (1853) Вольной русской типографии. Издания Герцена: «Полярная звезда», «Колокол», «Под суд!», «Общее вече!»

⁴³ ...*берет меня к себе Кукель...* — Кукель Болеслав-Виктор Казимирович, генерал-майор, временный губернатор Забайкальской области, начальник штаба войск Восточной Сибири. Кропоткину сразу понравился Кукель тем, что это был молодой, хорошо образованный человек; он обладал артистической натурой, играл на фортепьяно, пел, много читал, получал различную литературу, в том числе «Колокол». Особенно импонировала Кропоткину деятельная натура Кукеля: он включился в работу по преобразованию Восточной Сибири. Работал над реформой жизни казачества, уравниванием его в правах с другими сословиями, поддерживал реформы самоуправления, выступал

за улучшение условий жизни коренного населения (например, против насильственного обращения кочующих бурят в оседлое положение) и др.

⁴⁴ *Какая здесь публичная библиотека!* — Публичная библиотека Вагина и Шестунова в Иркутске была в конце 50-х — начале 60-х гг. «якобинским» клубом, демократическим центром Иркутска. Вокруг нее группировались сторонники Чернышевского и Добролюбова, которые в размежевании общественных сил в Иркутске занимали значительное место. Роль библиотеки как общественного центра признавалась всеми. Газета «Иркутские губернские ведомости» в 1859 г. в статье «По поводу Иркутской библиотеки» высмеивала тех, кто «не снисходит» к чтению в публичной библиотеке, это — «поклонники чистого искусства» — либералы на словах, консерваторы в жизни.

⁴⁵ *Вагин* — Вагин В.И. (1823-1900), начиная с 1862 г., содержал вместе с Шестуновым частную библиотеку в Иркутске, в 70-х гг. издавал газету «Сибирь».

⁴⁶ *Шестунов* — Шестунов М.П., литератор, в 60-х гг. — управляющий конторой газеты «Амур». Основал частную библиотеку в Иркутске.

⁴⁷ *«Искра»* — сатирический журнал революционно-демократического направления, издававшийся в Петербурге Н.А. Степановым и В.С. Курочкиным в 1859-1863 гг.

⁴⁸ *...статья Завалишина в отпоре Романову...* — Завалишин Д.И. (1804-1892), декабрист, член Северного общества. Приговорен к вечной каторге, с 1839 г. жил на поселении. Романов Д.И., полковник, член Сибирского отделения Русского географического общества, устроитель первой телеграфной линии по Амуру.

В 1858-1864 гг. в прессе развернулась полемика по «Амурскому делу», т.е. по проблемам освоения и развития Амура и Забайкальского края. Д.И. Завалишин выступил с несколькими статьями, опубликованными в «Морском сборнике» и в «Вестнике промышленности», в которых он обвинял Н.Н. Муравьева и его политику, ведущую к гибели края. Главные аргументы Завалишина были следующие: «для личных видов затевали вещи невозможные, а через то не могли извлечь из Амура и той пользы, которая была возможна; вся система колонизации была ошибочна и сверх того прилагалась к делу самым бестолковым образом и со всевозможными злоупотреблениями; для содействия мнимому успеху быстрого развития Амура наложены были на Забайкальский край непосильные тягости, совершенно расстроившие и разорившие его, а между тем на Амуре ничего не устроили и понадобилось снова много жертв, чтобы исправить испорченное и почти все устраивать вновь».

Все это привело к плачевным результатам: «В Николаевске при устье Амура полное запустение, во Владивостоке все еще не устроено и не достроено; Сибирская флотилия оказалась в самом жалком со-

стоянии; снабжение продовольствием всех прибрежных мест Приморской области производится из России, а на Амуре отчасти привозом из др. местностей, отчасти покупкой у манчжур; ни по Амуру, ни по Уссури обеспеченного сообщения нет... Естественные богатства края не разработаны; в Забайкальском крае и в Нерчинском округе не раз случались голодовки; побег и мор сделались почти постоянным явлением» (РС. Кн. IX. 1881. С. 97-100).

Впечатление от этих статей, особенно в Сибири, было огромное. О достоверности их содержания (среди источников информации Завалишина был военный губернатор Амурской области Е.А. Савич, человек умный, благородный, близкий друг И.И. Пущина) говорят множество писем, полученных Завалишиным от людей всех состояний, положений и званий — от губернаторов до крестьян-переселенцев (РС. Кн. X. 1881. С. 399-418).

Однако эти статьи не остались без официального ответа со стороны лиц (Романов, В. Карпов, Мехеда и др.), приближенных к администрации Восточной Сибири. Статьи Романова в газете «Амур» и в «Спб. ведомостях» ни к чему не привели, повредив только самому Романову, которому перестали подавать руку. Общее мнение было таково: «Плохо Романов защищает плохие дела» (Там же. С. 409).

⁴⁹ ...газета «Амур»... — С 1857 г. в Иркутске выходила газета «Иркутские губернские ведомости», в 1860 г. ее место занимает частная газета «Амур», куда переходит работать вся редакция «Ведомостей», во главе с редактором М.В. Загоскиным. В газете «Амур» большую роль играло сотрудничество членов кружка Белоголовых. За публикацию статей обличительного характера была запрещена.

⁵⁰ «Сибиряк» — литературный журнал.

⁵¹ ...издатель его Шукин... — Шукин Н.С. (1792-1883), иркутский литератор, сотрудник «Иркутских губернских ведомостей», возможно, один из корреспондентов «Колокола». Учился в Главном педагогическом институте, по убеждениям — революционный демократ. В своих воспоминаниях один из представителей демократического крыла молодого сибирского общества Г.Н. Потанин, который встречался с Н.С. Шукиным в Томске в 1858 г., пишет о нем так: «Многие помнят его энергичную речь, пламенную проповедь, резкие приговоры всему отживающему, запас новых общечеловеческих идей, с которыми познакомил нас и которыми жила тогда Россия, жаждавшая освобождения крестьянства и своего обновления. Целый поток света осенил наше сознание. Наш новый знакомый передал нам о работе редакционных комитетов (по отмене крепостного права), о готовящемся уничтожении цензуры... Его знакомство дало толчок и материал нашему уму. (Потанин. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1918. № 83. С. 3.)

⁵² Чита. Понедельник, 8 октября. — П.А. Кропоткин приехал в Читу 2 октября.

⁵³ ...даже Жуковского. — Жуковский Евгений Михайлович, в 1860-1861 гг. забайкальский губернатор, атаман казачьих войск Восточной Сибири, затем председатель совета Главного управления Восточной Сибири (в отсутствие Корсакова).

⁵⁴ ...Николай... — Николай I, российский император (1796-1855).

⁵⁵ ...кн. Дадешкилиани — был адъютантом у Н.Н. Муравьева-Амурского, работал с Кукелем.

⁵⁶ ...Шелгунов и его жена... — Шелгунов Н.В. (1824-1891), видный и непосредственный участник революционной борьбы 50-х-60-х гг., близкий как литератор к ее главным идейным центрам — «Колоколу», «Современнику», «Русскому слову» и как революционный деятель — к складывавшейся организации «Земля и Воля».

Шелгунова Людмила Петровна, урожденная Михаэлис (1832-1902), переводчица.

Шелгуновы приехали к М.Л. Михайлову в июле 1862 г., пробыли у него 2 месяца. В сентябре 1862 г. их перевели к Ундинскую слободу, а в январе — в Иркутск.

⁵⁷ Дувинг — Дувинг-Дувненко, жандармский полковник в Иркутске.

⁵⁸ ...послал предупредить его. — Князь Дадешкилиани предупредил Михайлова о приезде Дувинга запиской: «Через Байкал я переезжал на пароходе с жандармским полковником Дувингом, который едет в ваши места. Зная, что у вас живут какие-то гости из Петербурга, счел нужным предупредить вас. Кн. Дадешкилиани» (см.: Воспоминания Л.П. Шелгуновой // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. II. М., 1967. С. 124).

⁵⁹ ...открытие выставки. — В Чите проводилась сельскохозяйственная выставка, Кропоткин писал о ней отчет, который был опубликован отдельной брошюрой под названием: «Описание 1-й Забайкальской выставки сельскохозяйственных и других произведений, бывшей в городе Чите в 1862 г.».

⁶⁰ ...приехал с Малиновским... — Малиновский Антон Иванович, майор, чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири, коллежский асессор.

⁶¹ ...статью Маколей «Мирабо». — Маколей Томас Бабингтон (1800-1859), английский историк, публицист, политический деятель. Статья «Мирабо» (1832) была написана в форме рецензии на книгу Э. Дюмона «Воспоминания о Мирабо и двух первых законодательных собраниях».

⁶² Милютин — Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912), граф, генерал-фельдмаршал. В 1861-1881 гг. военный министр. Проводил военные реформы 60-х-70-х гг.

⁶³ ...был и главный тайши... — старейший родоначальник у монголов и калмыков.

⁶⁴ ...с Поплавской... — Поплавская, жена И.В. Поплавского, советника областного управления в Чите. С его семьей Кропоткин был дружен.

⁶⁵ *Казакевич* — Казакевич Петр Васильевич (1814-1887), контр-адмирал, военный губернатор Приморской области.

⁶⁶ *...некто Рик с хорошенькой женой...* — Кропоткин писал: «Рик — хорошенькая девочка лет 17-ти. Замужем уже. Только что из института из Петербурга. В ней много хорошего, есть и природный ум (небольшой), но мне даже говорить с ней не о чем». У Кропоткина был с ней короткий роман, который, по его словам, «развязался недели в полторы».

⁶⁷ *Волков* — Волков Николай Иванович, окружной судья Приморской области.

⁶⁸ *...спор с... Буксгевденом...* — Буксгевден, бригадный командир, занимался минералогией, по словам Кропоткина, «молодой, славный человек».

⁶⁹ *Педашенко* — казачий полковник в Чите, помощник Б.К. Кукеля.

⁷⁰ *...на бенефис Садовского...* — Садовский Пров Михайлович (1818-1872), с 1839 г. актер Малого театра. Участвовал в первых постановках всех пьес А.Н. Островского.

⁷¹ *...я был у Завалишина...* — П.А. Кропоткин познакомился с Завалишиным в Чите через декабриста И.И. Горбачевского, к которому у него было рекомендательное письмо из Петербурга.

⁷² *Друммондов свет* — изобретение английского офицера Друммонда Томаса (1797-1840); свет получается путем накаливания извести огнем гремучего газа. Использовался для волшебных фонарей.

⁷³ *...Котты...* — Котта Генрих (1808-1879), немецкий геолог, профессор горной академии в Фрейбурге. Писал об Алтае.

⁷⁴ *...снова дорога...* — 10 ноября 1862 г. П.А. Кропоткин выехал из Читы в Кабанск. Жители Кабанской волости жаловались на жестокое обращение верхнеудинского заседателя Марковича (который был родственником генерала Е.М. Жуковского). Кукель командировал Кропоткина расследовать эти жалобы. Кропоткин собрал большой обличительный материал, но Маркович сумел уйти от ответственности: его перевели исправником на Камчатку, где он, обирая местное население, сколотил большое состояние. В 80-х гг. вышел в отставку.

Об этой поездке Кропоткин писал брату А.А. Кропоткину: «...я тут свое поручение кончил. Пришлось столкнуться с сибиряком, с его хитрой увертливостью. Заседатель участка (Маркович) сек тут крестьян, баб, девок и т.п. Надо было доискаться, как дело было, чтобы вывести его на свежую воду. Кое-как удалось, но чтоб добиться доверия, боже, сколько надо было времени провозиться, непременно стараются скрыть, ведь своего же брата высекали, да как, жестоко до крайности. «Вот таких-то секли? Ну, — спрашиваешь, — сколько дано ударов?» — «Да, може, 25», — когда знает наверное, что этой бабе было дано до 150 ударов, и ведь сколько провозишься, чтобы добиться правды. Впрочем, в тех деревнях, где приходилось пробыть подольше, иногда целый день, под конец удавалось добиться доверия и разболтаются,

а там, где можно было пробыть часа два, не более — просто беда — «не видали», «не знаем», «да и не было тут ничего такого»... Эту работу я делал охотно, за этим была защита прав крестьянина, слишком молчаливого, дающего себя бить и «драть» (Переписка. С. 61).

⁷⁵ *Братская степь* — местность к юго-востоку от оз. Байкал.

⁷⁶ ...зачем... не пишу здесь... — Целью поездки Кропоткина был Казаковский промысел, где жил М.П. Михайлов. Кропоткин должен был предупредить его, что по доносу Жуковского опять открыто следствие по его делу. Кропоткин был доволен результатом поездки, он писал: «Я все сделал, очень удалось, впрочем, несколько не из-за меня, а по обстоятельствам, которые сложились вообще хорошо» (Переписка. С. 64).

⁷⁷ ...и в Шелапутине побывать... — Шелапутин — за 300 верст от Читы по тракту на Нерчинск. Кропоткин возил туда деньги, нужные для сплава.

⁷⁸ ...наряжает следствие. — Расследование началось по доносу о «ослаблении» Михайлову в Нерчинском горном округе. В результате следствия начальник горного округа полковник О.А. Дейхман был разжалован в рядовые и сослан в крепость, а сам Михайлов был переведен для отбытия наказания в Зерентуйский рудник, где имелся каменный острог. Его предписывалось содержать в кандалах в тюремном замке, обязательно использовать в каторжных работах, ему запрещалась переписка. В Нерчинске он заболел водянкой и умер 3 августа 1865 года.

⁷⁹ ...писать... не имею возможности. — Кропоткин в дневнике ничего не пишет о том, что главным его занятием в это время стала работа по реформе тюрем и отмене телесных наказаний. Так как предмет был ему неизвестен, а он хорошо понимал всю важность задуманного, то принялся за «азбуку», то есть за устав о ссыльных и сбор статистических материалов о состоянии тюрем. Эта работа заняла весь декабрь и январь, даже во время болезни Кропоткин продолжал посещать заседания комиссии по реформам. Работой комиссии он был недоволен, в письме к брату жаловался на то, что много времени тратится на пустую формалистику, к лету его настроение стало еще более пессимистичным, он чувствовал, что работает впустую. «Пишу много и много работы, наводящей усталость, скуку и тупоумие, — жаловался он брату, — например, по часам занимаюсь умножением и сложением цифр об арестантских куртках и рубашках, потому что требуют наряду с описанием состояния тюрем и статистические сведения о них. После нескольких часов такой работы я не в силах писать что-нибудь, над чем надо подумать» (Переписка. С. 106).

⁸⁰ *Заборовский Иннокентий Клементьевич* — исполняющий дела судьи Иркутского и Верхнеудинского окружного суда, коллежский секретарь.

⁸¹ *Шелашиников К.Н.* — генерал-майор, служил в Чите, в 1863 г. стал иркутским губернатором вместо Кукеля.

⁸² ...или Кукелем недовольны? — Поводом для вызова Кукеля в Иркутск, а затем и в Петербург послужили перехваченные письма М.А. Бакунина. Переписка между Бакуниным и Кукелем завязалась в связи с тем, что последний помогал жене Бакунина выехать из Сибири в Европу, где находился Бакунин. Кукель помог ей уладить дела с кредиторами мужа, подыскивал попутчиков и т.п. Бакунин в письме благодарил Кукеля за помощь, но кроме чисто семейных дел обсуждал проблемы политические. В частности, Бакунин считал, что Кукелю, как поляку по происхождению, должна быть близка его идея федерации славянских государств, и он призывал Кукеля включиться в борьбу за ее осуществление. Письма были переданы Александру II, который наложил резолюцию: «Сведения о Кукеле сообщить военному министру. После того он, по моему мнению, не может оставаться начальником штаба». Кукель был отстранен от должности «впредь до большего раскрытия дела». В результате, ему удалось доказать, что обвинения в связи с Бакуниным необоснованны.

Кропоткин очень переживал за Кукеля, кроме того, он опасался, что на место Кукеля может быть назначен Жуковский. В этом случае он решил уехать из Иркутска в Благовещенск. Такая крайняя мера не понадобилась. Губернатором был назначен Шелашников.

⁸³ ...письмо от Саши о вечности вселенной. — Александр Алексеевич Кропоткин (1840-1886), старший брат П.А. Кропоткина.

Это письмо в архиве П.А. Кропоткина не обнаружено.

⁸⁴ ...2-ю фантазию Львова. — Львов Алексей Федорович (1798-1870), адъютант шефа жандармов Бенкендорфа, зав. делами Императорской главной квартиры, сенатор, музыкант и композитор. Директор придворной капеллы, учредитель Симфонического общества, издал полный курс церковного пения. В 1833 г. сочинил гимн «Боже, царя храни», писал сочинения для скрипки, оперы «Бьянка», «Староста», «Эмма», оперетты.

⁸⁵ ...познакомился с Горбачевским... — Горбачевский Иван Иванович (1800-1869), декабрист, член Общества соединенных славян. Был осужден к смертной казни, которая была заменена ссылкой в каторжные работы. В 1839 г. вышел на поселение. После амнистии 1856 г. остался в Петровском заводе.

И.И. Горбачевский и в 60-е гг. отличался последовательным демократизмом, его симпатии были на стороне крестьянства. Ему были близки революционные убеждения и методы выступавшего в те годы нового революционного поколения.

⁸⁶ ...напоминает Адлерберга 2-го. — Адлерберг Александр Владимирович, сын министра двора В.Ф. Адлерберга, сверстник и друг Александра II.

⁸⁷ ...отданы под следствие. — В 1862 г. в Тобольскую пересыльную тюрьму был доставлен М.Л. Михайлов, направляющийся по этапу на Нерчинские рудники. Демократическая часть общества приняла

меры для облегчения его участи (с него были сняты кандалы, он получил свободу передвижения в городе). За тот месяц, что Михайлов находился в Тобольске, он бывал в гостях у председателя губернского правления Соколова, подполковника Ждан-Пушкина, прокурора Жемчужникова, товарища председателя губернского суда Андронникова и др. Все эти лица были уволены со службы, а губернатор Виноградский, председатель губернского правления, начальник полиции и др. лица были отданы под суд.

⁸⁸ ...в *Забайкалье бунт*. — В 1863 г. в Забайкалье бунта не было. Бунт ссыльных поляков произошел в 1866 г.

⁸⁹ ...«*Разговор на большой дороге*» *Тургенева*. — Тургенев И.С. (1818-1883), русский писатель. «Разговор на большой дороге» (1850 г.) — драматическое произведение («сцена»), посвященное П.М. Садовскому, который с успехом исполнял в ней главную роль Михрюткина.

⁹⁰ *Вчера было заседание комиссии*. — Комиссия по изменению законодательства и местного управления была создана еще до отъезда Кукеля. Кропоткин принял в ее работе самое живое участие.

⁹¹ ...какие учреждения и должности надлежит учредить для управления городом... — В Чите городское управление начинает самостоятельно функционировать с 1859 г. Длительное время здесь из-за малочисленности населения не было ратуши, всеми хозяйственными делами ведало полицейское управление, которое состояло из полицмейстера, секретаря, двух полицейских надзирателей и участкового пристава.

⁹² Пресветлый дух, ты дал мне, дал мне все,
О чем просил я. Ты не понапрасну
Лицом к лицу явился мне в огне... (Перевод Б.Л. Пастернака)
Гете И.-В. Фауст. М., 1982. С. 137.

⁹³ Стихотворение из цикла «К Лазарю» (1853-1854). Лазарь — согласно Евангелию (Лк. 16:20; Иоанн 11:2,43; 12:2,9, 10,17), больной и нищий человек, которому за страдания в земной жизни было даровано блаженство после смерти.

ТЕТРАДЬ № 3

⁹⁴ *Понедельник. 18 февраля 1863 г.* — В этот день А.А. Кропоткин пишет брату: «Я просто опомниться от радости не могу, что ты в Сибирь вышел. Не говорю уже о блестящей научной карьере. Нет, а вот что хорошо... Ведь всю гвардию, за исключением каких-то двух полков, успали усмирять Польшу. Прочие войска тоже стягиваются. Ты бы, конечно, не поднял руки на население. Перейти за границу невозможно

или необыкновенно трудно, притом очень неприятные последствия. Осталось бы тебе либо самому убить себя, либо попросить, чтобы тебя расстреляли. Боже мой! Ну как тут не радоваться» (Переписка. С. 80).

Отвечая на это письмо, П. А. Кропоткин, пожалуй, впервые высказывает свои мысли о революции, о роли народа в революционных действиях. «Теперь я начинаю жалеть, Саша, — пишет он, — что уехал сюда, когда читаю, что в Сербии готов подниматься народ, везде по дворам оружие, и беспрестанно читаешь, что вот-вот весной, вероятно, пойдет потасовка. В Сербии нужны руки, и я охотно бы поскакал туда. Что же до Польши, то, при всем моем сочувствии, я не поехал бы туда по нескольким причинам: 1) Это восстание не довольно серьезное, если бы поднялся народ, то, и одними косами вооруженный, он что-нибудь бы да сделал. Ему не надо драться, нечего лезть под картечь да под пушечный выстрел, а надо рвать мосты, из-за каждого куста и камня стрелять и при первом приближении войска бежать в леса. Такая война — единственно возможная война — до того утомляла бы войска, что они дрались бы не очень успешно. При полном сочувствии массы народа не так-то легко было бы колоннам преследовать шайки, а у них и стычки-то только с шайками, где встретят, а не в каждой деревне, не на каждом мосту, да и мосты не жгут, на ночлегах не тревожат ежеминутно... Но я в высшей степени доволен, с другой стороны, что уехал сюда. Что меня ожидало бы, если бы я был в полку? Может, все время не пришлось бы переписываться» (Переписка. С. 92-93).

⁹⁵ *Красильников Иван Иванович* — заседатель окружного суда в Нижнеудинске, коллежский ассессор.

⁹⁶ «*Сын Отечества*» — политический, научный, литературный журнал умеренно-либерального направления, издавался в Петербурге А.В. Старчевским в 1856-1861 гг. В 1862-1901 гг. — ежедневная политическая, литературная и научная газета.

⁹⁷ *Карпов Василий Дмитриевич* — член Главного управления Восточной Сибири, коллежский ассессор.

⁹⁸ *Вакульский Николай Иванович* — подполковник, полицмейстер Иркутска.

⁹⁹ ...*их новое учреждение...* — Акцизная реформа была проведена в Сибири в 1863 г. Она отменила откупа, которые в Сибири были тесно связаны с золотопромышленностью. Соединение в одном лице откупщика и золотопромышленника тревожило не только общественность, но и администрацию. Эта «монополия», по выражению Н.Н. Муравьева, позволяла золотопромышленнику, рассчитавшись с приисковыми рабочими, получить свои деньги обратно как откупщику.

¹⁰⁰ *Щербатский Николай Федорович* — военный генерал-губернатор Иркутска и Иркутский гражданский губернатор, генерал-майор.

¹⁰¹ ...*спускали баржи.* — Ежегодно по высокой воде вниз по Ингоде, Шилке и Амуру снаряжался караван барж (до 150 штук). Они

везли на Амур муку, солонину, соль. Флотилия разбивалась на отряды по 20-30 барж. Начальником над таким караваном ставили чиновника или казацкого офицера. Кропоткин и был назначен помощником начальника сплава. Ему дали «амурское жалование» 39 р. в месяц, плюс «порционнные» — 1 р. 50 к. в сутки (45 рублей за 30 дней).

¹⁰² *Слюзы* — бревна, положенные наклонно для спуска судов на воду.

¹⁰³ *Тали* — тали, судовые грузоподъемные устройства, состоящие из системы блоков.

¹⁰⁴ ...*дело Беклемишева и Неклюдова*. — Беклемишев Федор Андреевич, член совета Главного управления Восточной Сибири. Неклюдов Андрей Михайлович, губернский архитектор.

16 апреля 1859 г. состоялась дуэль Беклемишева и Неклюдова, которая закончилась гибелью Неклюдова. Распространились слухи, что это было убийство, и убийство подготовленное. Весь город знал о предстоящей дуэли, но никто не предпринял шагов, чтобы воспрепятствовать ей. Наоборот, сам полицмейстер взобрался на церковную колокольню, чтобы лучше видеть происходящее. Беклемишев и его секунданты были арестованы не сразу. Все следствие было направлено на то, чтобы обелить виновных. Суд первой инстанции осудил Беклемишева на 20 лет, но стараниями Муравьева срок был сокращен до 3 лет. Общественность восприняла весь ход событий как выражение произвола и деспотизма, как пример безнаказанности «золотой молодежи» и предупреждение тем, кто вызывал гнев губернатора. Похороны Неклюдова сопровождалась многочисленной народной демонстрацией.

¹⁰⁵ *Сегодня приехал Амосов...* — Эта запись относится к событиям, описываемым в тетради 4 (запись от 15 мая 1863 г.).

Амосов Павел Павлович — мл. чиновник особых поручений канцелярии Главного управления Восточной Сибири, титулярный советник.

ТЕТРАДЬ № 4

¹⁰⁶ *Пауль* — Пауль Александр Карлович, ревизор акцизного управления Восточной Сибири с 1863 г.

¹⁰⁷ ...*в каком положении дела*. — Кропоткина командировали в Иркутск, чтобы он сообщил М.С. Корсакову, что Амурский сплав не может двинуться в путь из-за мелководья (о чем П.А. Кропоткин писал в тетради № 3). Выехал он из Читы рано утром 4 мая и прибыл в Иркутск через 5 дней, проделав путь в 1100 верст.

¹⁰⁸ ...*кругоо́морский тракт*... — дорога вокруг озера Байкал, проложенная по его левому берегу (Култук-Посольская), 211 верст.

- 109 ...*дорога в голыцах*... — Голыцы — лысые горы.
110 *Буда* — просо.
111 ...*с Амосовым будет*... — См. примеч. 105.
112 ...*идет пароход из Лиственичной*... — Обратный путь П.А. Кропоткин и А.К. Пауль проделали через Байкал на пароходе (навигация на Байкале открывалась в конце мая).

ТЕТРАДЬ № 5

113 *Бликино* — станица на берегу реки Шилки недалеко от Нерчинска, где Кропоткин присутствовал во время погрузки барж.

114 ...*и писать не хочется*. — Авария, произошедшая на барже, была не слишком серьезная, однако положение усугубилось тем, что не только Кропоткин был в роли сплавщика впервые, но и его команда, состоявшая из «сынков», которых он накануне плавания «собрал по кабакам». Наутро приплыл товарищ Кропоткина, опытный сплавщик с пустой баржей, в которую перегрузили муку, и Кропоткин благополучно доставил ее к месту назначения.

115 ...*догнать Малиновского на лодке*. — Кропоткин должен был догнать в Благовещенске начальника сплава Малиновского и передать ему деньги для оплаты гребцов.

116 ...*подъехал Малиновский*... — Малиновский-2, брат начальника справа.

117 *Манагры*, *малогира*, *маногуры* (*устар.*) — названия монгольских племен.

118 См. примеч. 117.

119 *Утром пришли в Айгун*. — Догнав в Благовещенске начальника сплава Малиновского, Кропоткин вместе с ним двинулся дальше — на нижний Амур.

120 *Албань* — титул высших китайских чиновников.

121 *Нойон* — феодал у бурят.

122 Михайло-Семеновская станица названа в честь генерал-губернатора М.С. Корсакова.

123 ...*въехали в Хинган*... — В августе 1863 г. П.А. Кропоткин впервые увидел Хинганские горы, весной 1864 г. по поручению Сибирского отдела Русского географического общества он первым из европейцев перевалил через Большой Хинган, будет исследовать его отроги.

124 *Радде* — Радде Густав Иванович, зоолог, естествоиспытатель, путешественник. Директор Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки.

125 *Гольды* — одна из групп нанайцев.

¹²⁶ «Военный сборник» — ежемесячный военный журнал, издавался в Спб. в 1858-1917 гг. Создан по инициативе Д.А. Милютин. В 1858 г. в числе его редакторов были Н.Г. Чернышевский и Н.Н. Обручев. Выступал с критикой крепостнических порядков в русской армии. В 1860-е гг. превратился в орган Военного министерства.

¹²⁷ ...перечитывал *Фауста да Геца*. — Произведения И.-В. Гете (1749-1832): «Фауст» (1773-1775) и историческая драма «Гец фон Берлихинген» (1771-1773).

¹²⁸ Подробнее о деревне Мылка см. в «Письмах из Восточной Сибири».

¹²⁹ ...в двух рейсах разбились баржи. — Во время бури 4-5 августа 1863 г. погиб караван из 48 барж, 120 тысяч пудов хлеба для Нижнего Амура.

¹³⁰ *Дризен* — Дризен Густав Густавович, коллежский ассессор, сотрудник Забайкальского областного управления.

¹³¹ *Лутковский* — Лутковский И.В., генерал-адъютант, был командирован в 1863 г. из Петербурга в Восточную Сибирь для ревизии Военного отдела управления Восточной Сибири.

¹³² ...приплыл... на место, где разбились баржи. — В это время Кропоткин был занят учетом потерь каравана, а затем поплыл в Читу, чтобы предупредить о случившемся и попытаться организовать новый караван с продовольствием для нижнего Амура, которому грозил голод. Кропоткин очень торопился, но задержка следовала за задержкой, непредвиденные обстоятельства — одно за другим. Кропоткину пришлось, например, принять на себя командование пароходом, капитан которого лежал в белой горячке, руководить отправкой партии «голытепаков». В Хабаровке Кропоткин сдал пароход «Амур» Амурской компании и пересел на другой, который шел вверх по реке. У устья р. Аргуни Кропоткин сошел на берег и верхом через излучину Амура добрался до Кары, где встретил забайкальского губернатора Педашенко, который распорядился об отправке нового транспорта на Амур. Кропоткин поспешил в Иркутск, куда прибыл 1 октября. Подробно это путешествие описано в «Письмах из Восточной Сибири».

¹³³ *Романов* — см. примеч. № 48.

¹³⁴ *Бессонов* — Бессонов Сергей Петрович, исправник.

¹³⁵ *Савич* Евгений Александрович, военный губернатор Амурской области.

¹³⁶ В «Дневнике» отсутствуют записи с 8 сентября 1863 г. по 12 февраля 1864 г. Кропоткин прибыл в Иркутск 1 октября 1863 г. В Иркутске его ждало известие, что он назначен чиновником особых поручений Главного управления Восточной Сибири по казачьим войскам при генерал-губернаторе Корсакове. В это же время положительно решился вопрос о переводе Александра Кропоткина на службу в Иркутский полк. В ноябре 1863 г. Кропоткин был командирован в Петербург с донесением о гибели барж. Зимняя дорога была очень тяжела, даже опасна.

Кропоткин должен был переправиться через р. Томь, которая стала лишь накануне. Перевозчики отказывались переправить, но он настаивал, тогда с него взяли расписку, что нижеподписавшийся «утонул по воле божьей, а не по вине крестьянской» (ЗР. С. 151).

Тем не менее, путь до Петербурга П.А. Кропоткин проделал в 24 дня, а обратный — в 19. 10 февраля 1864 г. он возвратился в Иркутск.

В Петербурге Кропоткин понял, почему именно он был командирован в Петербург. Н.П. Игнатьев сказал ему: «Как это хорошо вышло, что вы были на месте и видели крушение. Они устроили это очень ловко, послав вас. Сперва никто не хотел верить крушению барж, думали, что новое мошенничество. Но вы хорошо известны здесь как паж и недолго пробыли в Сибири, так что не стали бы выгораживать их плутовства. Вам здесь доверяют». (ЗР. С. 152.) В разговоре с военным министром Милютиным Кропоткин высказал соображение, что во избежание подобных инцидентов хлеб на нижний Амур нужно возить морем. Однако в ближайшие годы этого сделано не было.

ТЕТРАДЬ № 6

¹³⁷ ...*корреспонденции в «Московские Ведомости»*. — К этому времени Кропоткин написал и отправил в «Московские ведомости» 12 корреспонденций.

¹³⁸ ...*задел Лутковского...* — см. «Письма из Восточной Сибири».

¹³⁹ В дневнике отсутствуют записи за февраль — март 1864 г.

В конце февраля 1864 г. было решено организовать экспедицию в Северную Маньчжурию через китайскую территорию между Забайкальем и Приамурьем. Раньше торговый путь шел вдоль границы по р. Амур. Кропоткин писал брату: «...хотят узнать, достаточно ли хороша эта дорога — можно ли прогонять по ней скот. Говорят, там дешев скот и пр. и пр. Нужно узнать, что это за сторона. Ходили туда иезуиты, но очень давно, и сведений очень мало. Купель предложил мне эту экспедицию. Снарядят караван из трех-четырёх казаков, лошадей двенадцать, закупим товаров и поедем торговать. Я поеду тоже торговать, и сохрани Бог подать вид, кто я, могут ли пустить, <...> потихоньку надо будет снять дорогу, для этого, может быть, дадут в помощь топографа. Командировка в высшей степени интересная, тем более что всякое сведение драгоценно, но нельзя будет выдать себя, а потому надо быть очень осторожным, а потому запасусь коробкой товаров, буссоль за пазуху, барометр в карман, и марш» (Переписка. С. 148).

Опасность разоблачения была настолько сильна, что Кукель просил Кропоткина не называть своего подлинного имени даже если его арестуют и, по китайскому обычаю, повезут в Пекин в клетке на спине верблюда.

Более подробно об этой экспедиции см. корреспонденцию «Поездка в Забайкалье на Амур через Манчжурию» из «Русского вестника» за 1865 г., опубликованную в данном издании (С. 398).

26 февраля 1864 г. по представлению Кукеля Кропоткин был избран членом Сибирского отделения Русского императорского географического общества. Он остро ощущал недостаток знаний в таких дисциплинах, как геология, минералогия, ботаника, которые были необходимы во время экспедиции для описания увиденного. Поэтому весна 1864 г. была занята чтением специальной литературы, географических карт и т.д.

¹⁴⁰ *Вчера в ночь выехал из Иркутска.* — Кропоткин поехал в Читу.

¹⁴¹ *Ширет.* — Шуленк (*монг.*) — старейшина рода, смотритель дацана у монголов.

¹⁴² *Сиверс* Петр Александрович — исправник земского суда в Иркутске, губернский секретарь.

¹⁴³ К этому времени относятся корреспонденции в «Современную летопись» № 14, 19, 20 за 1864 г.

¹⁴⁴ *...приятно было играть.* — В пятницу, 24 апреля, в Чите состоялся спектакль в пользу клубной библиотеки. Играли «В чужом пиру похмелье» А.Н. Островского, где Кропоткин исполнял роль Андрея Титыча Брускова, и водевил П. Каратыгина «Школьный учитель» с Кропоткиным в роли учителя Галиматьянса.

¹⁴⁵ 27 апреля Кропоткин выехал из Читы в Чиндانت, чтобы набрать казаков для экспедиции. В экспедиции участвовало 4 казака, 1 монгол-переводчик, 1 тунгуз-переводчик с манчжурского языка и др. Всего 11 человек. Начальником был назначен казачий урядник Сафонов. Кропоткин путешествовал по паспорту купца второй гильдии Петра Алексеева из Иркутска. Хотя имени Кропоткина его попутчики не знали, они догадывались, что купец «самодельный, все приемы и говор у него деланные», но делали вид, что принимают его за купца.

13 мая 1864 г. Кропоткин вышел в Цурухайтуй, 15 мая началась экспедиция. Экспедиция закончилась 14 июня 1864 г. в г. Айгунь на Амуре напротив Благовещенска. Во время путешествия по китайской территории Кропоткин дневника не вел. О ходе экспедиции подробно написано в работах Кропоткина «Два путешествия в Манчжурию» и «Записки революционера».

¹⁴⁶ *Гумбольт* — Гумбольт Александр (1769-1859), немецкий естествоиспытатель, географ, путешественник. Исследовал природу Урала и Сибири. Один из основателей географии растений и учения о жизненных формах, теории эволюции.

¹⁴⁷ *«Мунгалы»* — монголы (*разгов.*).

¹⁴⁸ *Мозифаны* — висячие украшения из кораллов у бурятков.

¹⁴⁹ *Солоты, или тунгалы* — так называли своих соседей казаки. См: Кропоткин П. Две поездки в Манчжурию в 1864 г. Иркутск, 1865.

¹⁵⁰ *Благовещенск. 15 июня 1864 г.* — В этот день Кропоткин пишет Александру: «Путешествие кончено и кончено так удачно, как никто из нас и не думал <...> Прошли мы очень хорошо, препятствий никаких, китайские власти даже слишком много чести оказывали, отгоняя с пути ороchon и прочих, чтобы они с нами не торговали... Ехали мы нескоро — верст по 30-40 в день. Я все время делал съемку, т.е. буссолью определял направление пути, а часами — число пройденных верст, и на каждой точке зачерчивал на скорую руку ... окрестную местность. Провожатых постоянных не было, иногда присоединялся какой-нибудь хаван, ехал с нами, тогда я или отставал, или вперед уезжал. Из всего составится самая приблизительная карта пути, которая кое в чем поправляет карты, ныне имеющиеся <...> Собрал около 120 экземпляров горных пород, которые с подробным каталогом, может быть, дадут возможность составить геологический обзор местности. Кроме того подтвердилось существование потухших вулканов, вопреки теории их приморского происхождения. К сожалению, о растительности могу сказать очень немного, а гербарий собирать нельзя было». Кропоткин был первым из европейцев, перевалившим через хребет Б. Хингана и исследовавшим эти горы. Не удалось избежать сложностей с «узнаванием». Дело в том, что Кропоткин по делам службы уже бывал в Айгуне, конечном пункте путешествия, поэтому в Айгуне ... «я сказывался больным, ехал лежа в телеге, весь обвязанный повязками, и не показывался, а то айгунские знакомые непременно меня узнали. В Айгуне я перешел в палатку; наши попросили лодку, чтобы скорее перевезти больного на русскую сторону. Китайцы охотно исполнили, им не хотелось, чтобы со мной «случилось что-нибудь» на их земле, и поэтому они постарались отправить нас на нашу сторону» (Переписка. С. 164).

¹⁵¹ ...*накости, которые со мною делаются.* — П.А. Кропоткин рассчитывал, что экспедицию будут встречать в Благовещенске Корсаков и Буссе. Но ни того, ни другого в городе не оказалось. Кропоткину на словах передали распоряжение отправиться в Николаевск. 30 июня он добрался до Николаевска-на-Амуре.

¹⁵² *Гужир* — См. «Письма из Восточной Сибири».

¹⁵³ *Орочоны* — современные орочи. Народ, относящийся к тунгусо-маньчжурской группе алтайской семьи.

¹⁵⁴ *Иргон* — архи (*монг.*), молочный самогон.

¹⁵⁵ ...*яманье сало* — козье сало.

¹⁵⁶ *Сунгарская экспедиция...* — Кропоткин еще не знает, что он назначен Корсаковым историографом Сунгарской экспедиции. Эту новость ему сообщит Корсаков в Николаевске-на-Амуре 2 июля 1864 г. В экспедиции еще участвовал астроном Усольцев, топографы Андреев

и Васильев, биолог и метеоролог доктор Конради, переводчик, всего 28 человек. Экспедиция началась 21 июля 1864 г.

¹⁵⁷ *Бороздин* — Бороздин Николай Александрович, чиновник при Главном управлении Восточной Сибири.

¹⁵⁸ *...плыву на «Чите» вверх.* — Из Николаевска Кропоткин вышел на Уссури. Корсаков плыл на «Зее», Кропоткин — на «Чите». 8 июля Кропоткин пересел на «Зею». Он был очень доволен возможностью увидеть Уссурийский край, это «Амурское Эльдorado с переплетенными лианами и т.п.». Корсаков плыл на озеро Ханка, Кропоткин должен был ждать его на «Зее», а после его возвращения выйти в экспедицию на Сунгари, вверх по реке на 1000-1200 верст до г. Гирина и обратно. Пароход «Уссури» вошел в р. Сунгари 21 июля, 29-го добрался до первого китайского г. Сян-Сина, 6 августа до города Бэдунэ, а 9 августа до Гирина, проделав путь за 19 дней. Города Гирина экспедиции осмотреть не удалось, кроме части, прилегающей к реке. 11 августа пароход вышел в обратный путь. До этой экспедиции бассейн Сунгари был известен только из отрывочных сведений, сообщенных французскими миссионерами.

¹⁵⁹ *Попов* — Попов Андрей Александрович (1821-1898) — адмирал, кораблестроитель. В 1860-х гг. как член адмиралтейств-совета был послан осматривать порты. Возглавил строительство броненосных кораблей.

¹⁶⁰ *Макаров* — Макаров Александр Яковлевич, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Сибири.

¹⁶¹ Релочка, *релка*, рель — возвышенное место на низменности или сухое место на болоте и поляне.

¹⁶² Более подробно о поездке по Уссури — см. «Письма из Восточной Сибири».

¹⁶³ К 20 июля приготовления к экспедиции были закончены. Кропоткин писал в письме брату: «Завтра отправляемся на Сунгари. Лубочнее экспедиции трудно себе вообразить. Идем на одном пароходе с баржей. Помещения нет, т.е. далеко не достаточно для 28 человек: 6 чиновников, 2 офицеров, 20 солдат. Не только заниматься будет негде, но и спать-то где, не знаю, разве сидя». Однако пессимизм, с которым Кропоткин оценивает перспективы поездки на Сунгари, не помешал ему много работать: он писал заметки, делал эскизы местности, во время экспедиции была проведена топографическая съемка местности, составлена карта берегов, собран гербарий, велись метеорологические наблюдения. Результаты экспедиции были доложены Кропоткиным 18 января 1865 г. на заседании Сибирского отделения РГО. П.П. Семенов (Тянь-Шанский) назвал эту экспедицию «замечательным героическим подвигом». В 1866 г. за путешествие в Манчжурию (исследование Большого Хингана) весной 1864 г. и Сунгарийскую экспедицию Кропоткину была присуждена Малая золотая медаль РГО.

Экспедиция на Сунгари завершилась 23 августа. Кропоткин возвратился в станицу Михайло-Семеновскую.

ТЕТРАДЬ № 7

¹⁶⁴ *Туз* — туес, сосуд из бересты.

¹⁶⁵ «*Отечественные Записки*» — литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге с 1818 г., в 1840-х гг. при Белинском, наряду с «Современником», самый передовой демократический орган; с 1868 г. при Некрасове и Салтыкове-Щедрине — орган революционной демократии, закрыт в 1884 г.

¹⁶⁶ «*Иллюстрированная газета*» — ранее «Иллюстрация». Ежедневная газета. Издавалась в 1863-1873 гг. в Спб. А.О. Бауманом, редактор В.П. Зотов.

¹⁶⁷ *А здесь был Евсений...* — Евфимий Поликарпович Орлинский (1808-1883), духовный писатель, ректор Московской, а затем Петербургской духовной академии, архиепископ Иркутский.

¹⁶⁸ «*Духовная беседа*» — еженедельная газета, издававшаяся при Спб. духовной семинарии в 1858-1876 гг. Редактор — протоиерей И. Яхонтов.

¹⁶⁹ *Шимтарев* Парфентий Яковлевич — переводчик с монгольского языка, титулярный советник.

¹⁷⁰ 2 сентября на пароходе «Константин» Кропоткин вышел вверх по Амуру и 11 октября вернулся в Иркутск, где его ждал брат Александр, который прибыл по назначению в казачий полк в Иркутск. Он с нетерпением ждал возвращения Петра. 6 октября 1865 г. в своем дневнике Александр Кропоткин записал: «Скоро Петя приедет, дней через 5. Наконец-то исполнится одно из самых главных желаний наших. Мы будем жить вместе, мы пойдем в жизни рука об руку, и долго... долго будем так идти. Я заранее ощущаю какое-то внутреннее спокойствие. Счастлив, счастлив человек, чувствующий близ себя друга, друга верного, любящего до самоотречения, способного на все откликнуться, друга умного, образованного, подобного тебе самому... Не думаю, чтобы эта жизнь вместе не принесла пользы и мозгам нашим. С нашей страстной любовью к истине мы не можем не вести довольно часто серьезных разговоров, а так как, благодаря всевышнему, у нас ум не вычитанный, а и свой найдется, то придется друг от друга непременно новые мысли выслушивать, надеемся друг друга возбуждать» (ЦГАОР, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 36, л. 39).

¹⁷¹ *Усольцев* Арсений Федорович — мл. межевой ревизор, капитан, участник Сунгарской экспедиции.

- ¹⁷² Куркин Фавст Васильевич — городничий в Верхнеудинске.
¹⁷³ ...в слабости к политическим преступникам... — В Восточной Сибири было много поляков, сосланных после восстания 1863 г.
¹⁷⁴ Бутков Владимир Петрович (1820-1881) — гос. секретарь, участвовал в осуществлении судебной реформы 1864 г.

ТЕТРАДЬ № 8

¹⁷⁵ За время поездки П.А. Кропоткин получил наглядные доказательства своей идеи о ледниковом происхождении рельефа Восточной Сибири, собрал большую геологическую коллекцию (более 200 образцов), открыл кратер потухшего вулкана, который впоследствии был назван в его честь вулканом Кропоткина.

¹⁷⁶ «Голос» — политическая и литературная газета умеренно-либерального направления. Издавалась в Петербурге в 1863-1883 гг. Редактор — А.А. Краевский.

¹⁷⁷ В середине мая 1865 г. П.А. Кропоткин отправился в экспедицию в Восточные Саяны. Поводом к ней явилась заметка в газете «Северная пчела», в которой говорилось о том, что на р. Оке (притоке Ангары) существует водопад, превосходящий своими размерами Ниагарский. Кропоткин решил проверить это сообщение и попутно выяснить вопрос о ледниковых отложениях в Иркутской губернии. Он пробыл в экспедиции 1,5 месяца, проделав путь в 1300 верст верхом по маршруту: река Иркут, село Култук, Тункинская котловина, затем от Ниловой пустыни на север до Окинского караула и далее по Московскому тракту — в Иркутск.

Подробно об этой экспедиции Кропоткин рассказал в записке «Поездка в Окинский караул», помещенной в т. IX-X Записок Сибирского отделения императорского русского Географического общества. Эта Записка будет использоваться нами для более подробного рассказа об экспедиции, дополнительно к тому, что сообщает П.А. Кропоткин в «Дневнике».

¹⁷⁸ *Тунка* — большое селение на берегу реки Иркут, в нем насчитывалось около 350 домов и две церкви (Зап. СОРГО. Кн. IX, С. 7).

¹⁷⁹ *Дархоты* — современные дархаты. Этническая группа в Монголии.

¹⁸⁰ Цифры — порядковые номера минералов из коллекции П.А. Кропоткина. Запись горных пород по номерам имеется в конце 8-й тетради. Номера 1-10 — гранит темно-серый и светло-красный.

¹⁸¹ *Дацан* — у бурят — ламаистский монастырь. В 1853 г. в Забайкалье было 34 дацана. Дацан, кроме храма, включает мастерские, религиозные школы.

- 182 *Сойоты* — современные тувинцы.
- 183 *Карагассы* — так называли в дореволюционной России тафаларов.
- 184 *Здесь много бурят и ясачных...* — Вот что пишет об этом Кропоткин в Записке: «Тунка населена тремя очень разнообразными родами жителей. Казаки, потомки древних пограничных казаков, живут здесь с 1709 г. и уже успели смешаться с коренным бурятским населением, в типе много бурятского, наполовину можно встретить казаков и казачек с бурятскими лицами; говорят они тоже по-бурятски не хуже, чем по-русски, и выучиваются этому языку с самого раннего возраста. Они теперь занимаются хлебопашеством и скотоводством. Ясачные, оседлые буряты, отличаются значительно от крестьян и казаков, они заимствовали от них лучшие их черты, и от смеси с русским племенем из них вышла порода гораздо лучше и казаков, и крестьян, и бурят кочевых. В особенности поражали они меня на Талой своим удалством, бойкостью, развязанностью, веселостью; в поле их трудолюбие, которое приходится обыкновенно наблюдать рядом с казачьей беспечностью, бросается в глаза. Одежду они носят смешанную, но большей частью стараются походить на русских, по-русски говорят очень бойко, беспрестанно стараясь употреблять выражение «ей-бог» и тому подобное. Резкую противоположность со всеми этими разрядами составляют вновь зачисленные из гарнизонных батальонов казаки, большую часть их хозяйство ничтожно, и они пробиваются заработками либо в Иркутске, либо на кругоморской дороге» (Зап. СОРГО. Т. IX. С. 16-20).
- 185 *Утром ездил... в падь реки Жемчука...* — «Жемчуг катит свои быстрые волны, извиваясь по пади и нанося громадные валуны граництов... Все эти валуны, за исключением отторженцев от прибрежных гор, лежащих у их же подножия, покрыты белыми известковыми напоями, от которых Жемчуг заслужил свое название...» (Зап. СОРГО. Т. IX. С. 13.).
- 186 *Риттер* — Риттер Карл (1779-1859), немецкий географ, автор 19-томного трактата «Землеведение», посвященного Азии и Африке.
- 187 *Цаган-Убукгуна* — «Белый Старик» (*монг.*), доброе божество.
- 188 *Курда* — курдэ (*монг.*), один из предметов буддийского религиозного культа. Подробно см.: Письма из Восточной Сибири.
- 189 Poulain — Пулен, губернатор П. Кропоткина.
- 190 *Галсан* (халзан) — важный чиновник (*бурятск.*)
- 191 *Кортмуют* (*устар.*) — арендуют, снимают, берут в откуп.
- 192 *Для чего живут здесь казаки, этого они и сами не знают.* — Может показаться, что Кропоткин поглощен исключительно научной частью путешествия: метеорологической и топографической съемкой, сбором геологических коллекций, однако это не так. Кропоткина

всегда интересовал прежде всего человек, судьба людей, живущих в тех суровых краях. «При виде этих неблагоприятных условий невольно задумаешься над громадностью того периода, который потребует на то, чтобы слухи об иной цивилизации дошли в эти глухие ущелья. Задумаешься и о том, что загнало сюда человека, но недоверие, «недружелюбие», с которым на первых порах встречают «чиновника», напоминают вам, что сюда шли подалеже от всякого начальства, от всяких порядков, что предки этих казаков сами норовили, как бы подалеже, поглубже зарыться от всех властей — ведь забрались же жители на Туранский караул на высоту 3000 ф. над уровнем моря вдали ото всех путей сообщения, точно неведь какие материальные удобства представляли болотные луга и леса возле Туранского караула, его бурливые речки, его долгие зимы, его короткое лето. Тут до очевидности убеждаешься, что не одни звериные промыслы влекли народ в Сибирь, иначе незачем было хлебопашцам забиваться в такую дикую глушь, когда возле есть места, соединяющие вдесятеро больше удобств (Зап. СОРГО. Т. IX. С. 24).

¹⁹³ *Жалко смотреть на этот прииск...* — Более подробно об Алиберовском прииске Кропоткин пишет в своей Записке: «В настоящее время прииск совершенно брошен, только караульщик сойот, живущий на займке под гольцом, изредка посещает прииск или посылает туда свою дочь. Так навещать прииск из-за 7 верст почти бесполезно — если бы в этой тайге нашелся человек, который, поборовши боязнь сверхъестественных сил, решил украсть с прииска кусок железа или какую-нибудь из вещей, оставленных вне дома, он всегда бы нашел время сделать это, не бывши замеченным... Что за причины повлекли за собой прекращение работ на прииске, не знаю. Было ли это неисполнение контракта, как говорят некоторые, вынужденное тем, что не было средств углубиться далее и добывать графит лучших сортов, или же отсутствие потребности в таком ценном графите, когда есть возможность искусственно приготовить более дешевый? — не известно. Последнее вероятнее, хотя могло случиться и первое. Первому начинаешь поневоле верить, когда видишь все эти ненужные затеи на прииске, которые делают из него ценную игрушку художника, хотя вместе с тем и несомненно умно устроенную для полезной цели. К чему, например, эти парники на высоте с лишком в 2100 метров (7000 ф.), к чему тут садики, красивые резные кресты и т.п., когда доставка до гольца из ближайших населенных местностей стоит таких страшных трудов, таких громадных расходов. Но с другой стороны... как экономно не устраивай прииск, все-таки выработка графита в расстоянии нескольких сот верст от ближайших населенных пунктов, доставка его за 5-6 тысяч верст до пунктов, где существуют фабрики для его обработки, должны стоить так дорого, что трудно предполагать возможность конкуренции с графитом искусственного приготовления. Как бы то ни было, но прииск брошен, и караульщик сойот, ожидающийся

г. Алибера, готов уже бросить прииск, если только г. Алибер скоро не вернется» (Зап. СОРГО. Т. IX. С. 51).

¹⁹⁴ *Карноты* — харнуты (*монг.*), одно из монгольских племен.

¹⁹⁵ ...идти почти бесполезно. — Из Окинского караула Кропоткин собирался осмотреть водопады и посетить долину Джунбулака. Затем он хотел проплыть по Оке до селенья Заманского, конечного пункта своего путешествия. Сборы он описал в письме к брату от 8 июня 1865 г.: «Предосадная вышла штука третьего дня. Собрались буряты, я все настаивал плыть по Оке, откуда только можно будет. Оказалось, что надо верст 100-120 отъезжать на конях, тут плавание признано всеми абсолютно невозможным. Далее — на 180 верст возможным, но с большим трудом, местами надо было наш «корабль» спускать на веревках, а самим идти берегом. Я решил-таки ехать и вызывал охотников. К кому не обратишься, только одно и слышишь: «Бырки» — страшно, да и только. Я поручил старшинам вызвать охотников по улусам. Наконец, наконец, старшины приехали. Все та же песня, тоже уговаривали. Наконец, вытащил двух охотников, пошла речь о цене — 50 р. с тем, чтобы срубить 3 бота, связать их и плыть в 120 верстах отсюда. Туда на конях. Да еще 6 р., чтобы доехать 120 верст и рубить боты. Наконец, съехали на 34 р. и 6 р. Я пересчитал свои деньги (Кропоткину на всю экспедицию было выдано Географическим обществом 90 р.). Нужно на все минимум 75 р., и то на еду и непредвиденные расходы всего 16 р. клали — не хватает. У меня всего 65 р. Что тут делать? Все проклятая трусливость, никто никогда не плавал, так как же плыть? Пришлось рядиться на конях ехать. Порядились за 20, да 2 р. ямщикам. Так и порешили, и завтра (т.е. 9 июня.) выезжаю» (Переписка. Т. 2. С. 180). В с. Зиминское Кропоткин прибыл 18 июня и пробыл там 2 дня. 27 июня он вернулся в Иркутск.

¹⁹⁶ *Аткинсон* — Аткинсон Томас-Уитлам (1799-1861), английский архитектор и живописец. В 50-х гг. семь лет путешествовал по Сибири, Монголии и Манчжурии. Написал две книги об этих путешествиях.

¹⁹⁷ *Рассматривал старые дела здешнего архива.* — Приведем несколько интересных выписок, которые сделал П.А. Кропоткин из предписаний, дававшихся из Тункинской пограничной дистанционной канцелярии: «Мы тогда немного больше, чем теперь, старались угождать китайскому правительству, чтобы не повредить нашей кяхтинской торговле, и потому караульным начальникам предписывалось не допускать «со стороны России ни до какого самонаименьшего повода к нарушению установленного порядка, перелазов, потаенных провозов товара, промены скота и тому подобные всякие мены»... И ежели случится какой перелаз с нашей или китайской стороны, точнее рассматривать». Если же бывал кто-нибудь обличен в самонаименьшей контрабанде, то с ним поступали жестоко, так, например, в 1799 г. в Кударе отобрали у кого-то 2 куса неклеимой китайки. За это глав-

ного виновника подвергли «во уважение молодых лет (двадцать семь) прогнанию сквозь строй вместо шести тысяч одной тысячи», — других, братских, было приказано кого выбить плетью, кого тростью в той же пропорции, а одного послали на соляной прииск заработать ценность китайки семь рублей и процент 40 копеек. В «секретном направлении», присланном начальникам караулов из Тунки, предписывалось «в сношениях с китайскими чиновниками быть как можно дружелюбнее, принимать их ласково, учтиво, с возможным угощением, с соблюдением политического права, дружбы, остерегаясь говорить с ними лишнего слова как с народами проницательными даже в тайных движениях до того, хотя бы они к досаде что произнесли, не соответствовать им грубостью, а уступать». Впрочем, видно, как в то время мало еще полагались на китайское правительство, боясь либо какой-нибудь недружелюбной выходки, либо, чтобы китайцы не стали переманивать на свою сторону братских и т.п. Таким образом предписывалось: «ежели случится так, что с китайской стороны будет такой перебежчик, который о какой-нибудь важности станет доносить, то стараться сколько можно, хотя и малейшая будет за ним погоня, скрыв его секретно, не медля нисколько отправить к дистанчным делам (в Тунку) самыми скрытными дорогами, а искателей приличным и тихим обхождением уверить, что о сыске и сдаче его будем стараться, не подавая отнюдь виду, что он скрыт или отправлен». Таким образом, сначала все пахло военным пограничным порядком, потом все стало постепенно ослабляться, изредка только являются подтверждения, чтобы охранять границу денно и ночью» (Зап. СОРГО. С. 62-65).

¹⁹⁸ ...я попал на *Тахил-хани*. — Тахил-хан (таэл-ган) — бурятский праздник — «жертва овцы». Кропоткин отмечал, что в вопросах веры буряты достаточно свободны, в одной семье, например, может сосуществовать ламаизм и христианство, сильно еще и язычество. Тахил-хан — праздник языческий. Общаясь с бурятским населением, Кропоткин отмечал их дружелюбие и гостеприимство. «Я заезжал в несколько юрт, — писал он, — где буряты принимали меня донельзя радушно, а бурятки истощали все свое искусство в приготовлении различных яств из зарезанного ягненка. Сперва началось угощение молоком, потом тарасуном... затем следует чай — затуран... в это время жарится на палочках мясо, преимущественно ребра и печень, а хозяйка варит в огромном котле баранье мясо, особенно ловко, с шиком, переливая варево громадной деревянной ложкой (поваренкою), после туда же опускаются кишки, начиненные молоком с кровью, а когда они сварятся, их режут и подают гостям. Нельзя сказать, чтобы эта «кровь с молоком» была не вкусна, напротив, я полагаю, она могла бы найти себе место в кухне любого образованного народа» (Зап. СОРГО. С. 58-60).

ТЕТРАДЬ № 9

¹⁹⁹ Весной 1866 г. Сибирский отдел РГО предпринял снаряжение Олёкминской экспедиции, задавшей целью отыскать скотопрогонный путь из Олёкминских золотых промыслов в Нерчинский край.

Ленские золотопромышленники Катышевцев, Басин, Базанов и Трапезников пожертвовали на нужды экспедиции 5200 р., кроме того взялись доставить экспедицию за свой счет от Верхоленска до Тихонозадонского прииска, где должны были начаться исследования. П.А. Кропоткину было поручено руководить экспедицией. Кроме исследования скотопрогонного пути, он должен был вести путевой журнал, проводить метеорологические наблюдения, собирать гербарий, коллекцию насекомых. Для проведения глазомерной съемки в экспедицию был включен топограф. Членом экспедиции был И.С. Поляков (1847-1887), впоследствии видный зоолог, антрополог, этнограф.

Экспедиция началась 12 мая 1866 г. и закончилась в Чите 8 сентября. В результате этого похода был найден путь из Олёкмы в Читу, исследованы тайга и горы на протяжении 1000 км. За эту экспедицию РГО наградило П.А. Кропоткина Золотой медалью. Подробнее о ней: «Отчет об Олёкминско-Витимской экспедиции» (Спб., 1873), «Путешествие по Лене» в журнале «Записки для чтения» (Кн. 1. Спб., 1867).

²⁰⁰ *Фуругельм* Иван Васильевич — контр-адмирал, военный губернатор Приморской области, преемник П.В. Казакевича.

²⁰¹ *Кашин* Николай Иванович — инспектор врачебной управы в Иркутске, член Географического общества.

²⁰² *Бокль* Генри Томас (1821-1862), английский историк и социолог. Позитивист. Основной труд «История цивилизации в Англии» (1857-1861), переведена на русский язык в 1861 г.

²⁰³ *Бастуани* Адольф (1826-1905), немецкий ученый, путешественник, этнограф, естествоиспытатель. В 60-х гг. совершил путешествие с монгольским проводником через пустыню Гоби в Забайкалье, затем через Байкал достиг Урала и через Кавказ, южную Россию и Галицию вернулся в 1865 г. в Германию.

²⁰⁴ Летом 1866 г. произошло восстание ссыльных поляков на Кругобайкальской дороге. Пятеро руководителей восстания были казнены. П.А. Кропоткин, к неудовольствию местного начальства, посылал в Петербург отчеты о заседаниях военно-полевого суда. Это событие ускорило отъезд П.А. Кропоткина из Сибири и оставление им военной службы.

²⁰⁵ 16 апреля 1867 г. П.А. Кропоткин выехал из Иркутска в Петербург. Лето он провел в имении своего отца «Никольское», а осенью 1867 г.

поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

²⁰⁶ *Конт* Огюст (1798-1857), французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. Основные сочинения: «Курс позитивной философии», т. 1-6 (1830-1842), «Система позитивной политики», т. 1-4 (1851-1854). П.А. Кропоткин читал сочинения О. Конта и находился под влиянием его философских взглядов.

²⁰⁷ Милль Джон Стюарт (1806-1873), английский философ, экономист. Основатель английского позитивизма, последователь О. Конта. Основное сочинение: «Система логики», т. 1-2 (1843).

²⁰⁸ Цитаты из книги: Монс Дж.-Г., Милль Д.-С. Огюст Конт и положительная философия. Спб., 1857. С. 129-157. В скобках слова, пропущенные Кропоткиным.

Тетрадь № 1 .	стр. 6
Тетрадь № 2 .	стр. 50
Тетрадь № 3 .	стр. 110
Тетрадь № 4 .	стр. 126
Тетрадь № 5 .	стр. 144
Тетрадь № 6 .	стр. 192
Тетрадь № 7 .	стр. 232
Тетрадь № 8 .	стр. 246
Тетрадь № 9 .	стр. 290
Примечания .	стр. 317

СОДЕРЖАНИЕ

common place

издательская инициатива/ волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах «Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Мы», «Бакен», «Князь Мышкин», «Пиотровский», «Циолковский», «Фаренгейт 451», книжном клубе «Петровский», а также заказать с доставкой на сайте: izd-siyanie.ru

Больше информации о проекте на сайте common.place

П.А. Кропоткин **Сибирские тетради (1862-1866)**

подготовка текста и примечания - А.П. Лебедевой

Оформление серии - Евгения Ставицкая
Выпускающий редактор - Маргарита Федотова

В оформлении обложки использованы рисунки из публикуемых дневников П.А. Кропоткина

Формат 84×108/32

Тираж 500 экз.

Заказ № 161

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80